

Арсений Марксовский
3

Арсений Марковский

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

Арсений Марковский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1993

Арсений Марковский
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ
ТРЕТИЙ

ПЕРЕВОДЫ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1993

ББК 84Р6
Т19

Издание выпущено
по Федеральной целевой программе
книгоиздания России

Составление

Т. ОЗЕРСКОЙ-ТАРКОВСКОЙ

Примечания
А. ЛАВРИНА

Оформление художника
Д. ШИМИЛИСА

Т 19 Тарковский А.
Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. Переводы / Сост. **Т. Озерской-Тарковской;** Примеч. А. Лаврина. — М.: Худож. лит., 1993. 464 с., илл.

В том вошли фрагменты переложения каракалпакского эпоса «Сорок девушек» и избранные переводы с арабского, туркменского, армянского, грузинского языков, созданные А. Тарковским за пятьдесят лет его творческой деятельности.

Т 4702010206-103 Подписное
028(01)-93

ББК 84Р6

ISBN 5-280-02065-6 (Т. 3)
ISBN 5-280-02325-6

- © Составление. Озерская-Тарковская Т. А., 1993 г.
- © Примечания. Лаврина А. П., 1993 г.
- © Оформление. Шимилис Д. Б., 1993 г.

УЗ КАРАКАЛПАКСКОЙ ПОЭЗИИ

ИЗ ПОЭМЫ «СОРОК ДЕВУШЕК»

*(По мотивам каракалпакских
народных сказаний)*

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

Говори, струна со струной,
Пой, кобыз¹ громозвучный мой,
О родной стороне,
О седой старине,
О делах старины седой!

Звездный кружится небосвод.
Вслед за годом уходит год.
Вслед за родом уходит род.
Вслед за словом слово идет.

Зиму побеждает весна.
Дивно преобразается степь.
Кони ржут, звенят стремяна.
Травами украшается степь.

Расселяются племена,
Умножаются города,

¹ К о б ы з — музыкальный инструмент.

В стародавние времена,
В незапамятные года
Жил в Саркопе-городе бай,
Знаменитый на целый край.
Был богат и годами стар
Именитый бай Аллаяр.
Накопил он много добра;
Тысячи агачей¹ земли
Он пометил знаком своим;
Горы золота-серебра
Под руками его росли;
Тучный скот четырех родов
Тьмы покорных ему рабов
На поемных лугах пасли;
Старый бай шестерых сынов —
Удальцов
И сорвиголов,
Приумножив свой род, имел
И, на зависть отцам другим,
Дочь красавицу Гулаим —
Цель забот своих и щедрот,
Сердца верный оплот — имел;
И росла день за днем она,
Как среди облаков луна,
Словно ловкая лань, легка,
Словно ивовый прут, гибка.

Мы сравним
Красу Гулаим
С талисманом золотым.

Было ей четырнадцать лет.
Весть о ней облетела свет:
Гулаим — как пери была.

¹ А г а ч — земельная мера.

Речь — неспешная,
Стан — стрела,
Рот — наперсток,
Румянец — мак,
Косы — змеи,
Губы — каймак¹,
Зубы — жемчуг,
Стыдливый взор,
На голове — золотой убор.

Была и скромна и стройна Гулаим,
Джигитов пленявшая взглядом одним,
И слава о дивной ее красоте
Как гром прокатилась по странам земным.

Блеснет ли ее золотое кольцо,
Сверкнет ли ее молодое лицо,
Джигиты готовы и славу и жизнь
Отдать за ее дорогое словцо.

Она поначалу не знала сама,
Что каждого встречного сводит с ума.
Когда открывались глаза Гулаим,
В рассвет превращалась безлунная тьма.

Была Гулаим как стоцветный венок,
И если бы солнечный пламень поблек,
Лица ее луноподобного свет
Залить бы до края вселенную мог.

Словно горя на свете нет,
Гулаим, не зная забот,
Прожила пятнадцать лет;

¹ К а й м а к — топлёные сливки.

Как пошел шестнадцатый год —
Пыль клубится, и кони ржут,
Сваты в юрте уж тут как тут;
У высоких ее дверей
Больше негде ставить коней,
И конями площадь полна.
Байский сын ли за Гулаим
Заплатить намерен калым, —
Усмехаясь в ответ, она
Выпроваживает послов,
Не сказав и нескольких слов,
С малых лет Гулаим была
Несговорчива и смела.

День настал, когда Гулаим
Сорок девушек созвала;
Научась на любой вопрос
Без запинки отвечать,
Поклялась Гулаим: без слез
И без страха врага встречать,
Поклялась: прекрасных волос
По плечам не распускать,
Настоящим джигитом стать,
Храбрецам-джигитам под стать.

Пожелала Гулаим
Разлучиться с отцом родным,
Жить от братьев милых вдали.
И любимой дочери в дар
Престарелый бай Аллаяр
Отдал остров Миуели.
И, в поступках своих вольна,
Возвела кибитку она
Посреди своей земли
И двенадцати —
Из числа

Аллаяровых мастеров —
Повеление отдала
Стену выстроить,
Вырыть ров.

Встала бронзовая стена,
Ров глубокий пред ней пролег,
Кузнецы из чугуна
Крепкий выковали порог.
Как взялись мастера за труд —
Льют свинец,
По железу бьют,
Сталь куют
И песни поют.

День проходит,
Проходит год,
Год проходит,
Идет второй —
И готовы створы ворот,
Изукрашенные резьбой,
Удивительной высоты,
Ослепительной красоты.
Чтобы им из века в век
Охранять Миуели,
Триста тридцать человек
Подымать ворота пришли;
Приклепали к створам замбк
О пяти золотых ключах;
И тогда с весельем в очах
Подошла к воротам стальным
И замкнула их Гулаим,
Повернула в замке все пять
Золотых чеканных ключей,
Отдала приказ распахать
Все холмы на земле своей,

Из быстротекущей реки
Воду щедрую провести,
На седые солончаки
Удобрения привезти.

Быстро дни за днями прошли.
Превратился Миуели
В несравненный зеленый сад:
Розы алые расцвели,
Соловьи засвистали в лад,
И — венчающие труды —
Созревающие плоды
Отразились в глади воды.

Полюбив неробкой душой
Шум и удасть игры мужской,
Гулаим устроила той¹
С козлодранием и борьбой,
Повела за собой
Подруг
На широкий зеленый луг,
Завязала потешный бой.

Кони быстрые горячи,
А в девичьих руках — мечи.

Вот разумница Гулаим
Говорит подругам своим:

«Плачу я, подруги, плачу — слезы лью.
Снег пойдет зимою в дорогом краю.
Сорок вас, подруги, сорок милых мне,
И от вас тревоги я не утаю.

¹ Т о й — пир, пиршество.

Добрый конь арабский бросится в полет,
Из-под черной гривы заструится пот...
Что ж теперь почуял конь мой Актамкер?
Все дрожит, косится, крепкий повод рвет...

Ночью слышу частый стук его копыт,
Звучно камень Черный под конем звенит.
Отчего ушами Актамкер прядет?
Почему на месте конь мой не стоит?

Актамкеру плетка больше не страшна,
Добрая хозяйка больше не нужна.
Отчего, скажите, конь копытом бьет,
Почему дрожит он и не ест зерна?

Почему сегодня быстроногий мой
Не остановился конь перед стеной?
Птицей через стену он перелетел,
Чтобы там, на воле, мять ковыль степной.

Может быть, он чует приближенье бед?
Мне тревога злая застит белый свет.
Если не сегодня, то уж не поздней,
Чем под вечер завтра, дайте мне ответ!»

Стали держать совет,
Услыхав такие слова,
Сорок девушек удалых.
Как под зимней бурей трава,
Загорелые лица их
Пожелтели от крепких дум.
Но ответ не пришел на ум
Ни единой из сорока.
Оседлали они коней —
Мол, родная степь широка,
Не найдется ль разгадки в ней?

Из сорока девиц
Самой младшей была
Смуглолицая Сарбиназ.
Ни одна из старших сестриц
Вровень стать не могла
С младшей сестрицею — Сарбиназ.
Из сорока соколиц
Самой смелой была
Соколицею Сарбиназ.

Сарбиназ —
Отрада глаз —
В каждом споре была права,
Словно жемчуг были слова
У разумницы Сарбиназ.
На родном
Раздолье степном
День и ночь провела в седле,
Стала девушкам вожаком
И назад в предрассветной мгле,
В благодатный, прохладный час
Привела подруг Сарбиназ;
И, поклон Гулаим отдав,
В ясной памяти удержав
Всех вчерашних вопросов нить,
Взор потупила Сарбиназ.
Гулаим дала ей приказ
Без утайки все говорить;
Та, скромна и взором светла,
Вот какую речь повела:

«Я весною цветы соберу в саду,
Я вослед за тобой и на смерть пойду.
Принесла я ответ тебе, о сестра,
Хоть большую тебе он сулит беду.

Ты за дело взялась, как прямой батыр.
Ты готовишься к битвам, хоть любишь мир.
Чтоб клинки не заржавели, ты в ножны
Терпеливо втираешь смолу и жир.

Ты подругам вручила мечи, уча
По-мужски нападать и рубить плеча,
Чтобы дорого враг нашу кровь купил,
Не ушел от девического меча.

Так разумно ты действуешь потому,
Что грядущее зримо порой уму.
Принесешь ты спасенье от рабства нам
И отечеству милому своему.

На крутом берегу Ак-Дарьи живет
Хан калмыцкий, терзающий свой народ.
Ровно через шесть лет грабежом-войной
На Саркоп этот хан Суртайша пойдет.

О трех тысячах юрт ак-дарьинский стан.
Тьмы батыров помчит за собою хан.
Он осадит Саркоп; загремят бои,
Хлынет красная кровь из горючих ран.

Будет крупною дрожью земля дрожать,
Будут кони усталые громко ржать,
На гнедом скакуне твоего отца
Будет черный чекмень в день беды лежать.

Ты наденешь кольчугу, подымешь меч,
Сорок дев поведешь по дороге сеч,
Будут звонкие стрелы железо рвать,
Будут головы вражьи катиться с плеч.

Но когда по золе, по родной земле
Кровь рекой разольется в кромешной мгле,
Не споткнется о трупы твой верный конь,
И удержишься ты в боевом седле.

Конь ушами прядет и копытом бьет,
Чует сердцем стремительных стрел полет,
Слышит ржанье калмыцких лихих коней —
И не хочет зерна, и воды не пьет.

Вот и все, что я знаю, сестра, мой свет,
Я даю на вопросы прямой ответ.
За недобрые вести прости меня.
Мне от горьких предчувствий покоя нет».

И, подругой младшей горда,
Гулаим обняла тогда
Прозорливую Сарбиназ,
И вложила по связке роз
В обе смуглых ее руки,
И, целуя в обе щеки,
Милой умницей назвала,
В юрту белую повела
И ее усадила там,
И сложила к ее ногам
Вороха нарядов цветных —
Ярко-красных и золотых;
Обошла с корзиной сады,
Принесла подруге плоды;
Остальных, стоявших вокруг,
Угостила медом подруг;
Подарила всем сорока
Платья, радующие глаз;
Нарядила подруг в шелка, —
И поставила выше всех
Прозорливую Сарбиназ.

И счастливую Сарбиназ
Прославляли сорок подруг,
Пели песни, венки плели
Из цветов родимой земли,
За крепостной
Крепкой стеной
В белых юртах Миуели
Отдыхая перед войной.

ПЕСНЯ СЕМНАДЦАТАЯ

Эй, друзья, садитесь в кружок,
Слушайте певца, и — молчок!

Жил да был в Саркопе батыр
По прозванию Отбаскан.
Был он, словно тополь, высок,
Словно горный утес, плечист
И, как месяц, пригож лицом,
Да не очень-то был речист
И поспать безмятежным сном.
Дней по десять подряд любил.
Он подобен верблюду был:
В снег заляжет верблюд,
И тут
Зря погонщики слезы льют,
Зря его понукают-бьют —
Не желает верблюд вставать.
Точно так же и Отбаскан:
На кошму завалится спать —
Тут уже его не поднять.

В спячке он пребывал, когда
Навалилась на эль¹ беда

¹ Э л ь — страна, народ.

И прекрасный город Саркоп
Захлестнул кровавый потоп.
Спит батыр,
А в юрту к нему
Ворвались калмыки ордой,
Мягкую, точно пух, кошму
Тащат из-под него долой.
Крик да шум кругом,
Гам да гром —
Спит батыр непробудным сном.

Вынули калмыки ножи,
Резать спящего принялись —
Равномерно дышит батыр,
Ничего не слышит батыр.
Кинули калмыки ножи,
За секиры свои взялись:
Пот горячий льют,
В сто секир,
Ухая, батыра секут;
Порассекли кожу, и тут
Наконец проснулся батыр,
Крякнул, потянулся батыр,
Глянул —
Небо над головой!
Остов юрты цел,
Да на нем —
Ни кошмы!
А кругом — разбой!
А кругом — враги!
Вскочил,
Точно потревоженный лев,
Отбаскан — саркопский батыр,
Впал в великий гнев и схватил
Звонкий многопудовый меч,
Меч свой добрый за рукоять

И пошел пришельцев кромсать,
Головы разбойные сечь.

Целую неделю батыр
За родимый эль воевал,
Целую неделю весь мир
Доблестью своей удивлял,
А когда неделя прошла,
Кровь из холодеющих ран
У него перестала течь,
И коснулась его чела
Длань изнеможенья,
И он
Уронил свой тяжелый меч
И упал на землю ничком.

Торжествуя, калмыцкий хан
Взять его повелел живьем,
И — как над подстреленным львом
Обнаглевший мушиный рой —
Засновали враги над ним,
И забился в петле тугой
Отбаскан, великий батыр.
Тут, никем не руководим,
Потеряв последний оплот,
С песней горестной на устах
Безоружный восстал народ.

За темничной крепкой стеной
Изнывает батыр в цепях,
И народ растоптан пятой
Окаянного Суртайши.
Длится в городе волчий той,
И разбой идет,
И грабеж.
И лютует калмыцкий хан,

По Саркопу гуляет нож,
Вьется гибкой змеей аркан,
Рыщет ханский насытый взор
По загонам да по дворам,
Прядает калмыцкий топор
По воротам да по дверям.

Превращает калмыцкий хан
Жителей Саркопа в рабов,
Город — в дымный пламень костров.
Светлые мечтанья — в дурман,
Шелест шелка — в кандалный звон,
Слово «родина» — в тяжкий стон.
Днем и ночью гонит калмык
Пленников своих на восток.

С цветником расстался цветок,
С соловьем расстался цветник,
С песней разлучился язык,
Звезды — с небом,
С луною — ночь,
Конь — с приколом,
Лебедь — с гнездом,
Со вдовицей-матерью — дочь,
Сирий сын — со вдовым отцом.

Видя это, хан ликовал.
И руками, как в барабан,
Бил в трясущийся свой живот,
Хохотал, похвалялся хан,
Говоря:

«В счастливый час
Во главе несметных сил
Я покинул, ополчась,
Стольный город свой Мушкил.

Я откормленным коням
Не давал передохнуть,
По горам и по степям
Проложил широкий путь.

Я для вражеских племен
Стал вершителем судеб,
Неказненных — взял в полон,
Несожженный отнял хлеб.

На Саркоп я бросил рать,
Я поверг в огонь и лед
И заставил трепетать
Голодающий народ.

Как пшеницу жеребец,
Я его батыров грыз,
И над множеством сердец
Мой кровавый меч навис.

Я над миром длань простер.
По ложбинам кровь течет,
Кровь течет по склонам гор,
По вершинам кровь течет.

Будто ангел Азраил,
Стадо пленных на убой
В стольный город свой — Мушкил
Я гоню перед собой.

Всех оставшихся в живых
Приведу на Ак-Дарью,
Утолю я кровью их
Жажду лютую свою».

Слыша эту похвальбу,
Истомившийся народ,

Бьющийся, как сокол в сетях,
Переменчивую судьбу
Проклинал в бескрайних песках,
Проклинал врагов,
Стенал,
Брел в цепях по степям седым,
Горевал народ, вспоминал,
Призывал свою Гулаим,
Говоря:

«Девница она,
А уж как смела и сильна!
Средь своих сорока девиц
Как тарлан-орлица она
В стае молодых соколиц.
Если разъярится она —
Гору перерубит клинком.
На коне примчится она —
Суртайшу потопчет конем».

И народ расспрашивал птиц,
Улетающих на юг:

«Скоро ли своих соколиц,
Сорок милых своих подруг,
Дочь моя на бой поведет?
Скоро ли спасения мед
Поднесет к моим устам?
Скоро ли на грудь мне прольет
Свой целительный бальзам,
Возвратит плененных сирот
К незабвенным их очагам,
Приведет моих сыновей
В город молодости моей?»

Отвечали птицы:

«Не плачь,
Не рыдай, гонимый народ, —
Солнце и для тебя взойдет.
Сорок дочерей твоих
На конях —
Где вскачь,
Где влет —
Поспешат по твоим следам,
И клинки мечей боевых
Зазвенят-заблестят в ночи,
Вражью кровь на песок прольют...
А когда совершится суд,
Эти доблестные клинки
Трижды благословит певец.
Хану — смерть,
И плену — конец.
Ты восставишь высокий кров
И затеплишь яркий очаг
На священной земле отцов.
Мир тебе во веки веков,
И да будет проклят твой враг!»

Скованный по рукам и ногам,
На убой гонимый, как скот,
Но непокоренный народ
По глухим пескам,
По немym тропам
Шел, сопротивляясь врагам,
Задыхаясь от жгучих слез,
Ждал народ свою Гулаим
И в истерзанном сердце нес
Веру в будущее свое.
Измывался палач над ним,
Но не мог его побороть,
И впивались в живую плоть
То стрела,

То меч,
То копье...

Расстелила смерть по земле
Цепкую и крепкую сеть,
Души ловит в беззвездной мгле, —
Душам не уйти от ловца.
Горько, горько, друзья мои,
О страданиях народа петь, —
И немеет язык певца...

ПЕСНЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Нам запевки петь — недосуг,
Мы помчимся, друзья мои,
В горы, на заснеженный луг;
Возвратимся, друзья мои,
В тесный круг
Сорока подруг,
Сорока сестер Гулаим;
Подивимся, друзья мои,
Силе и красоте ее.

Травы приминая в степях,
Снежный прах
Взметая в горах,
Сорок дней и сорок ночей
Вдалеке от своей земли
Сорок девушек провели.
Сорок дней и сорок ночей
Радовались воле своей,
Закаляя борзых коней
И учась науке войны.

Молвит, наконец, Гулаим:

«Ну-ка, милые, поглядим —
Хорошо ли закалены
Ваши резвые скакуны,
Поглядим — на что вы годны!
Время ветру подставить грудь,
Время, сестры, в обратный путь!»

Мчатся девушки на конях,
Привставая на стременах,
Стрелы звонкие вдаль меча,
Плотный воздух рубя плеча.

Мчится Гулаим впереди,
Актамкера камчой¹ хлеща,
И неведомо ей самой,
Отчего у нее в груди
Сердце храброе, трепеща,
Полнится тревожной тоской,
Отчего за слезой слеза
Набегает ей на глаза?

Чем быстрее скачет она
И чем ближе город Саркоп,
Тем сильнее плачет она,
И горит Гулаим, бледна,
Словно утренняя луна,
Бьет ее озноб,
Влажен лоб,
Руки у нее — точно лед;
Стонет Гулаим, слезы льет...
Сорок девушек ей кричат:

«Что с тобой, сестра, погоди!»
Мчится Гулаим впереди,
Не оглядывается назад,

¹ Камча — плетка.

Сорок девушек мчатся в ряд
И не могут ее догнать.
Лебеди в Египет летят
И не могут ее догнать.
На чужбину издалека
Снежные бегут облака
И не могут ее догнать.
Конь храпит, грызет удила —
Хоть устал, да не пристаёт;
Гулаим не сходит с седла,
Не даёт коню отдохнуть.
Пышет запад красным огнём —
Гулаим продолжает путь.
Молкнет степь, ни души кругом,
Стелется вечерняя мгла —
Гулаим не сходит с седла.
Ночь-вдовица чёрным платком
Занавешивает небосвод —
Гулаим не сходит с седла.
Мучась нетерпеливой тоской,
Бьёт коня камчой,
Слезы льёт...

Конь дрожит, на дыбы встает,
Чует запах крови людской.
В льдистом вихре, в снежной пыли
Первый луч сверкнул над землей.
Гулаим на Миуели
Прискакала ранней зарей.

Огляделась она вокруг —
Вскрикнула...
Прямой, как стрела,
Стан её согнулся, как лук.
Стремена потеряла вдруг,
Выронила поводья из рук

И, лицом словно снег бела,
Замертво упала с седла.

Здесь был враг.

Песок перерыт
Множеством копыт.
У ворóт
Раздувает ветер степной
Черный иноземный шатер.
На воротах стальной запор
Весь в царапинах.
Вбит в замо́к
Иноземный кривой клинок
И оставлен так.
Враг не мог
Сбить замок и запор сломать,
Крепость Гулаим разметать, —
Загрязнил островной песок
И ушел без добычи вспять.

Здесь был враг.

Словно труп
На земле Гулаим лежит,
С лепестков побелевших губ,
Со стрельчатых ее ресниц
Резкий ветер сдувает снег.

Чу! Земля дрожит!
Сорок посестрим,
Сорок соколиц Гулаим
Серебристый взметают прах,
Прилетают в снежных столпах,
Спешиваются на скаку
И, ломая руки, в слезах
Окружают Гулаим,
Распростертую на снегу:

«О сестра, очнись, отзовись!
Горе нам!
В Саркопе враги!
Черный день пришел!
Помоги,
Помоги нам, сестра!
Очнись!»

Девушки рыдают,
Скорбя
О родимом крае своем.
И, услышав стенанья их,
Причитанья-рыданья их,
Забытье свое одолев,
Гулаим приходит в себя,
И все ярче огнем живым
Разгорается взор ее.
Озирается, словно лев,
Опирается на копьё,
Подымается Гулаим
И с увещеваньем таким
К сорока подругам своим
Обращается, говоря:

«Не беда,
Если плачет кровью джигит
И на сечу потом спешит,
А беда, говорят, когда
У джигита не кровь-руда,
А вода по жилам бежит!
Хан — отсохни его рука! —
Вбил в замок воровской клинок,
Выбейте клинок из замка!
Отомкните замок тугой,
Отведите засов стальной,
Распахните створы ворот

И в твердыню Миуели
Чередой
Войдите за мной.

Здесь мужали мы и росли,
Чтобы лечь костями за народ,
Здесь, вдали от зла, провели
Не один безмятежный год.
Земно поклонитесь гнезду,
Где окрепли ваши крыла,
Крепости воздайте почет,
Сорок верных моих подруг;
Выкопайте стрелы в саду
И возьмите из тайников
Сорок драгоценных кольчуг,
Сорок несравненных клинков,
Сорок золотых шишаков,
Сорок луков, сеющих страх,
Бьющих за девятьсот шагов,
Сорок седел о стременах
Среброзвучных, как соловьи,
Снаряжайтесь в дальний поход
И — вперед, орлицы мои,
Милые сестрицы мои,
На врага, за родной народ!»

Девушки в ворота вошли,
Поклонились Миуели,
Корму задали коням,
Сорок тысяч стрел принесли,
Ополчились на страх врагам,
Снарядились в дальний поход.

«Помните! — батырам своим
Гулаим сказала еще. —
Тот, чье сердце не горячо,

Кто на поле чести не смел,
У кого ни меча, ни стрел —
Тот не настоящий батыр.
Кто во славу земли своей
Кречетом не кинется в бой —
Тот не настоящий батыр.
Кто не глух, но для чьих ушей
Слово «родина» звук пустой —
Тот не настоящий батыр.
Кто не слеп, но для чьих очей
Степи отчие не милей
Зарубежных тучных полей —
Тот не настоящий батыр!»

Ярко блещут шишаки,
На ветру щиты гудят —
Через Красные Пески,
Строй держа по восемь в ряд,
Сорок соколиц летят,
Сорок девушек верхом
Следом за своим вожаком
Скачут в город напрямик
И широкие пески
Озирают из-под руки.

Погулял с топором калмык
По широким Красным Пескам,
С кровью красной пополам
Красный прах смешил —
И ушел.
Не было здесь прежде холмов,
Место было ровным, как пол,
А теперь —
Не пройти коням:
Воронье снует по холмам,
Сложенным из мертвых голов,

Мясо мертвое клювом рвет,
Очи мертвые жадно пьют,
Бьет крылом
О кровавый лед
И шакалов на той зовет...

Здесь — растоптанные конем,
И обугленные огнем,
И заколотые копьем
Крепко спят на мерзлой земле.
Там, как тополя на юру,
Чуть покачиваются на ветру
Задохнувшиеся в петле.
Там — белеют кости в золе...

Не тарлан-орел,
Озирая дол
С победоносной высоты,
Острым взором ищет врага.
Побелевшие свои
Гулаим сжимает персты,
Онемевшие свои
Гулаим кусает персты,
Острым взором ищет врага.

От Саркопа за три версты
Осадив коня на скаку,
Гневом заглушая тоску,
Гулаим с высоты седла
Смотрит на сожженный дотла,
Мертвый, разоренный Саркоп,
На пустынные берега
Сонной, обмелевшей реки,
Где тому сорок дней назад
Пели у костров рыбаки;
На заброшенные луга,

Где не видно более стад, —
Смотрит Гулаим на Саркоп,
Острым взором ищет врага.

Враг ушел и угнал народ.

И на стременах привстает
Гулаим,
И на стременах
Сорок девушек привстают,
Кони их за единый мах
Три последних версты берут.

Здесь был город.
Во всю его ширь
Протянулся пустырь сплошной.
Щебнем завалило пустырь,
Занесло зыбучей золой.
Где саркопцы?
Где кузнецы,
Гончары,
Батыры,
Купцы,
Медники,
Оружейники,
Знать?
Ни души нигде не видать.
Только псов одичалых вой
Да шакалов унылый плач
Нарушают мертвый покой
Круглой площади городской...
Здесь кровавой своей рукой
Невиновных казнил палач.

И негромкий шорох шагов
Гулаим услышала вдруг,

И потряс ее этот звук.
Услыхала людскую речь
И схватилась она за меч —
И увидела стариков,
Шедших с заступами в руках ,
И носилками на плечах
Предавать земле мертвецов.

В этих выходцах из могил
Гулаим признала живых,
И, носилки наземь сложив,
Старики потянулись к ней,
Будто ветра слабый порыв
Листья желтые сбил с ветвей
И погнал по нищей земле,
По земле родной,
По крови людской,
По золе...

Горше несмышленных детей
Старики рыдали, прильнув
К маленьким рукам Гулаим —
Белым голубкам Гулаим,
К розовым перстам Гулаим —
Десяти цветкам Гулаим,
И, прильнув к рукам Гулаим —
Аравийским львам Гулаим,
К молниеносным перстам Гулаим —
Десяти мечам Гулаим,
Старики обратились к ней
Со словами таких речей:

«Гулаим, о Гулаим,
Сколько мощи в твоих руках!
Будь защитой нам,
Отомсти врагам,

Сокрушившим твой город в прах!
Всеблагой Аллах головой
Выдал нас калмыцким богам.

Погляди на город Саркоп:
Здесь гулял Суртайша в гостях,
Пировал на людских костях.
Свист разбойный да конский топ
Не смолкают у нас в ушах.
Всех угнал Суртайша в Мушкил,
Нами только и пренебрег,
Храбрости джигитов лишил
И согнул их в бараний рог.
Веришь ли ты нам, Гулаим?
Львы Саркопа, наши сыны —
Саимбет-стрелец,
Еримбет-храбрец,
Ширимбет-гордец,
Баимбет-батыр, муж войны, —
Говоря:
«Мы побеждены»,
Голову склонили пред ним». —
Так воскликнули старики,
Руки над головой воздев.

Гулаим сказала в ответ:

«Оскорбленной земли своей
Грудью не заслонившим —
Позор!
Отчему народу мечом
В битве не послужившим —
Позор!
Отступившим перед врагом,
Меч свой уронившим —
Позор!

Трусам, сдавшимся в плен живьем,
Родине изменившим —
Позор!»

Поздним вечером Гулаим
Знак дружинницам подала
Мановеньем белой руки —
Прянул Актамкер, как стрела...
Глянули вослед старики —
Никого, кроме них, кругом, —
Голубая клубится мгла,
Мелкий снег мелькает во мгле.
Спит Саркоп непробудным сном,
Спит, как мертвые спят в земле...

ПЕСНЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Жизнь — как мед, сладка,
Смерть — как желчь, горька,
Ханский плен —
Что могильный тлен,
Горше смерти злая тоска.
Кто погиб за народ — блажен.
Степь весенняя — хороша,
Хороша, пестра и светла...

Но еще метель мела,
Степь еще нема и бела,
И страшна была.
Суртайша
Торопился в город Мушкил
И, полуослепших от слез,
Гнал саркопцев...
Пушистым льдом
Цепи их покрывал мороз,

Ветер их опалил огнем,
Смерть над ними склоняла лик...
И однажды, меркнувшим днем,
Хан столицы своей достиг.

Сотни соген голов скота
Суртайша с разбою пригнал,
Много пленных в свои места
Он перед собою пригнал;
Много утвари золотой,
Много шелка-парчи привез,
И от радости выл, как пес,
И великий устроил той.
И на той батыров позвал,
И стрелков позвал, и борцов,
И дутарщиков, и певцов.
Пировал и торжествовал,
Ликовал
Суртайша-бахвал,
И сказали гости ему,
Поглядев на пленный народ:

«Суртайша, скажи, почему
Не народ
У ворот,
А сброд?
Эти люди больны, бледны,
Босы, полуобнажены,
Лица — ветром опалены,
Руки — за спину сведены.
Ты позвал нас в Мушкил на той,
Мы похвалим твой дастархан¹, —
В чем, скажи вперед, пред тобой
Провинились они, о хан?

¹ Д а с т а р х а н — скатерть; в переносном смысле — угощение.

Разве этот мирный народ
Мог бороться с твоей ордой?
Плач сирот тебе нипочем,
И певец тебя назовет
Кровопийцей и палачом.
Отвечай, Суртайша, не трусь:
Разве человек — это гусь?
Подстрелю его,
Ощиплю,
Изрублю его,
Посолю,
Испеку, мол, и есть примусь?
Ты и нам, несправедный хан,
Жизнь устроил хуже тюрьмы.
Испокон веков Астархан¹ —
Рыбаки — бороздили мы;
Скотоводы — свои стада
Мы пасли в привольных степях,
А с тобою — пришла беда,
Привела за собою страх.
С наших обнаженных степей
Ты не сводишь насытых глаз.
Тяжко нам под пятой твоей,
Ты поборами душишь нас.
Рыбаков ты лишил сетей,
Скотоводов —
Последних стад,
У голодных наших детей
Отнял ты ягнят и козлят;
Кровь с мечей
Твоих палачей
Хлещет с шумом, как водопад.
Мы — народ калмыцкий,
Ты — хан,

¹ А с т а р х а н — Каспийское море.

Мы — душа и плоть,
Ты — шайтан,
Вот что про тебя говорят.
Отпусти саркопцев, не то
К праотцам отправишься в ад!»

Обезумел калмыцкий хан,
Услыхав такие слова;
Стала у него, как шаман
Под венцом, трястись голова,
Заплясал язык между губ,
Засверкали волчьи клыки,
Посинел Суртайша, как труп,
Выронил бунчук из руки,
Ловит воздух открытым ртом,
Словно сом
На песке сухом.

Отдышался хан, заорал:

«Я на той вас, кажется, звал;
Вы же, выродки, ишаки,
Распускаете языки!»

Крикнул Суртайша:

«Палачи!»

Гикнул Суртайша:

«Палачи!»

И умылся кровью народ,
Льющейся и днем и в ночи.

А когда утомился хан,
Под престол повалился он
И заснул...
И увидел сон.

Хан проснулся —
Темен дворец.
Ужаснулся:
«Ужель конец?»

Разрывает вóрот рука,
Кровь клокочет,
Слюна горька,
Бьется в горле тугой комок...

С пола встал, на ложе прилег.
Но не спится хану никак,
Все клубится кровавый мрак,
А в ушах неотступный звон...
Звон темничных ключей,
Звон цепей,
Звон мечей...

И призвал гадателя он
И сказал:

«Этой ночью мне
Сам шайтан явился во сне.
Душит,
Мучит,
Мясо крошит,
Ногти рвет
И кости крушит.
Вдруг я вижу птицу-орла:
По лицу меня полоснув,
Плещут яростные крыла,
Пред глазами —
Раскрытый клюв.
Чудище потом приползло,
Голову мне стало глотать...
Кликнул я родимую мать —

Ни души кругом, как назло.
Тут мне руки-ноги свело,
Пот холодный хлынул рекой...
Что за сон ужасный такой?»

Побелел гадатель как снег,
Взял кобыз дрожащей рукой,
С ханом затворясь ото всех, —
И пошел крутиться юлой,
И глазами дико вращать,
И по-страшному верещать.
А когда вошел в него джинн,
Он издал пронзительный стон
И воскликнул:

«Мой господин!

Я могу разгадать твой сон!

Могучий властитель затеял войну,
Саркоп разорен, и саркопцы в плену,
Тебя неотмщенные слезы сирот
Душили, когда отошел ты ко сну.

Орел распростер над тобою крыла.
Премудрый мой хан! То не птица была:
Отвага саркопских батыров тебе
Представилась в грозном обличье орла.

Батыры тебе отомстят, отомстят,
Они, как самум, на тебя налетят,
Их кони крылаты, их копыя остры,
Щиты и кольчуги, как солнце, блестят.

А чудище — черная совесть твоя,
Она и глодала тебя, как змея.
Прости, о пресветлый, раба твоего, —
Он плачет, кровавые слезы лия...»

На себе халат
Разодрав от горла до пят,
Хан рычит,
И дворец дрожит,
А гадатель навзничь лежит,
И протянут ко лбу его
Желтый указательный перст,
Гневом хан объят,
Красный зев отверст
Шире адских врат.

Люди говорят,
Что и утром хан бушевал,
Что и в полдень ярился он,
А в обед палача позвал,
И гадатель был умерщвлен.
День проходит, другой идет,
Хан меж тем не ест и не пьет,
Хан не ест, не пьет и не спит,
Бьет, как в бубен, в свой круглый щит —
И военачальников рой
На тревожный призыв спешит.
Суртайша говорит им так:

«Хочет враг
Мой ханский очаг
Ханской кровью моей залить,
Мозгом ханских моих костей
Волчий голод свой утолить,
Дорогих моих сыновей
Отчего престола лишить.
Будто я не великий хан,
А дитя колыбельных лет,
Будто наш воинственный стан
Бледной немочью обуян
И в Мушкиле батыров нет...

Слушайте мой ханский фирман:¹

«Собирайте мои войска,
И да будет спутником вам
Слава моего бунчука:
Послужите мощи моей,
Мчитесь вихрем по берегам
Астархана — венца морей —
И, достигнув Дербент-горы,
Ждите: скоро нагрянет враг.
Стойте под горой до поры,
От горы назад — ни на шаг.
Я изменников не прощу,
С трусов по три шкуры спущу,
Страшной пыткой буду пытаться,
Страшной мезтью отомщу».

И войска на Дербент пошли.

Содрогается грудь земли,
Ходят вихри, вьется снег,
Ничего не видать вдали...

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Говорит кобызу певец:

«Пой, кобыз громовитый мой,
О страданьях земли родной,
Пой, кормилец верных сердец!

Я с тобой —
Средь мертвых живой,

¹ Ф и р м а н — указ.

Без тебя —
Средь живых мертвец».

Лад найду.
Певучую речь
О былых делах поведу...

По степям седым,
По тропам глухим,
Где по снегу, а где по льду
Вспять уходит от жарких сеч
Дикая орда Суртайши.

День пришел, когда Гулаим
Вкруг мушкильских высоких стен
Шумный свой раскинула стан.

Стан раскинув, девы-стрелки
Сыпят стрелы на Мушкил.
Стены высоки,
Враг незрим.
Тих Мушкил.
Бог весть:
Много ли у калмыков сил?
Как счесть?

Молнии мечá из глаз,
Гулаим отдает приказ:

«На коней!
На этот раз
Враг не скроется от нас!»

Натиск был горяч и смел,
Грозен сорокогорлый крик.

Встреча стрел.
Встреча пик.
Встреча мечей.
Встреча кольчуг.
Встреча очей,
Рук,
Плеч.
Сеча вокруг —
Сеча из сеч,
Встреча смертей,
Той силачей.

Мертвому негде лечь.
Пал
Крепостной вал.
Встал
Черногранитный утес.
Арыслан мечом его снес.

Новая преграда встает:
Створы черночугунных ворот
На чернодубовых столбах
Загораживают проход
В город, где спасителей ждет
Суртайшой казнимый народ.
Спешившись, утес берет
В руки мощные Арыслан,
И утес у него в руках
Превращается в таран.
И ворота гудят, гудят
И качаются на столбах —
Гнутся то вперед, то назад;
Свод небесный гудит им в лад,
Ад гудит им в лад,
И вот
Лопаются створы ворот,

Только мелкие черепки
Разлетаются дождем...

И калмыцкие стрелки
От чугунного дождя
В юрты прячутся, отойдя.

Гулаим говорит:

«Войдем!»
Много, много на свете зла!
Далее уже не могли
Ханские полки отступать.
Шел
Бой
За каждую пядь
Каменной мушкильской земли,
Сталь не уставала сверкать,
Красные потоки текли...

И говорит Гулаим
Сорока подругам своим:

«О мои бесстрашные львы!
Суртайша, кровавый зверь,
Станет буйствовать теперь.
Не бездействуйте и вы.
Захватите город весь,
Дайте всем и пить и есть,
И пускай из веси в весь,
В град из града
Весть идет,
Что на свете правда есть,
И пускай вокруг меня
Собирается народ:
Вместе будем супротив

Злого хана воевать,
Да не будет мучитель жив!
Да исчезнет кровавый тать!»

Смуглолицая Сарбиназ
Двинулась выполнять наказ,
Тридцать девять других —
За ней
Устремили своих коней.
И остались на месте том
Арыслан с Гулаим вдвоем,
Первый раз —
Вдвоем с Гулаим...
В сладкий час —
Вдвоем с Гулаим...

Побелел Арыслан лицом,
А потом
Горящим крылом
Нетерпенье забило в нем,
И огонь забурился в крови,
И, не сдерживая любви,
Он прекрасную Гулаим
Заклучил в объятия свои.

Вдруг раздался гром в тишине:
На кудлатом скакуне,
Завывая, будто шакал,
Взвизгивая, как пес,
Предстал
Перед ними хан Суртайша,
Пасть разинул во весь оскал,
Захихикал, смрадно дыша,
И такие слова сказал:
«Я — хан Суртайша. Обойдите весь свет —
Сильнее меня повелителя нет.

Эй вы, голубки! Бросьте ласки свои!
Под виселицей целоваться не след!»

Грянул гром,
Раскололся мир,
И от милой своей батыр
Прочь отпрянул,
А Гулаим,
Белого полотна белей,
Алого кумача алей,
К Суртайше подошла,
Грозные глаза подняла,
Глянула на него —
И хан
Закачался, злобой горя,
И, собрав остаток сил,
Захихикал и загнулсил,
Непристойно говоря:

«Эй ты, пери Гулаим!
Может быть, повторишь со мной
То, что делала ты с ним?
Чем ходить на меня войной,
Лучше стать моей женой,
Понапрасну сил не трать,
Приходи ко мне во дворец,
Дай мне ручку, рядом сядь, —
Вот и будет вражде конец!»

Гулаим побелела так,
Будто выпили кровь ее,
И сказала:

«Ты — мой враг,
Ты — позор и горе мое!
Кровью ты залил город мой,

Душу мою окутал тьмой,
Дом соловьиный — вешний сад
Преобразил в кромешный ад.
Стужей дохнул на мои цветы...
Вот что со мною сделал ты.

Стала я пламенем, чтобы в нем
Испелить тебя живьем.
Вор, ты украл у меня семью,
Родину сладостную мою,
Молодость радостную мою.
Ты обездолил мой народ,
Сделал вдовицей мою страну,
Держишь, кровавый сумасброд,
Горькую душу мою в плену.
Раб суеты,
Отец нищеты,
Вот что со мною сделал ты!

Я утолю жажду степей
Кровью нечистой твоей,
Смертной мукой тебя изведу,
И сокрушу твой престол во прах,
И растопчу твою орду!»

Суртайша при этих словах
То как мел
Становился бел,
То краснел,
Словно камень-лал;¹
Он и холодел,
И пылал,
И такие слова
Наконец сказал:

¹ Л а л — самоцвет алого цвета; рубин.

«Ты права,
Я твой город сжег,
Я оставил много сирот,
Я насытил кровью песок,
Обездолил я твой народ.

Все же я не трус, Гулаим,
И не спрячусь я во дворце,
А с девичьим войском твоим
В спор вступаю о смертном конце.

Дай мне сроку ровно семь дней,
А когда настанет восьмой,
Сорок дев сажай на коней,
Начинай наш последний бой!»

Благородная Гулаим
Суртайше отсрочку дала.
И, пригнувшись к луке седла,
Смерив деву взглядом косым,
Хан со зла —
Как хлестнет коня!
Кровь потоком с камчи бежит;
Мчится хан —
И земля, как щит,
Поворачиваясь, гудит,
Стремена трещат, звеня...

ПЕСНЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Вы не спрашивайте, друзья,
Можно ли две жизни прожить,
Можно ли прожить хоть одну,
Чтобы никогда не тужить?

Лучше вы спросите, друзья,
Кто, злосчастный, в ханском плену
За пятью замками сидит,
Девятью цепями гремит,
Ничего не ест и не пьет,
Взор вперяет в камень-гранит,
Указательный перст грызет,
Пыткам перенесенным счет,
Как доходам — купец, ведет,
Как заимодавец, не спит,
Потеряв покой, как скупец
Копит жадно казну обид?
Вы спросите так,
И певец
Волю даст кипучим словам,
Струнным звоном ответит вам,
К состраданию воззовет,
Громким голосом запоет,
Имя славное —
Отбаскан —
Троекратно произнесет, —
Ибо это он,
О друзья! —
Он из каменного мешка
Молотом своего кулака
Извергу Суртайше грозит,
Он, трехпрозвищный Отбаскан —
Отбаскан-Затопчи-Огонь,
Отбаскан-Саркопа-Не-Тронь,
Отбаскан-Стальная-Ладонь,
Он, батыр, в калмыцком плену
За пятью замками сидит,
Девятью цепями гремит
И, хоть клонит его ко сну,
Он седьмые сутки не спит,
Пересчитывает в уме

Золотую казну обид.
Взором воспаленных очей
Света ищет в каменной тьме,
Самому себе говорит:

«От бичей
Лихих палачей
Дух скорбит,
Плоть болит,
Кровь кипит.
Хочешь есть —
Еды не дают,
Хочешь пить —
Воды не дают,
Хочешь спать —
Под топор кладут,
Топят воск
И на раны льют,
Жгут огнем,
Лежачего бьют,
Кровь из жил сосут...

Совершается черный суд:
Кривда правду казнить велит...

Тесное у тебя, джигит,
Темное у тебя жилье:
Холод этих гранитных плит
Проникает в сердце твое...

Слишком рано тебя, джигит,
Смертное долит забытье...

Здравствуй, матушка моя месть!
Помоги мне цепи разбить,
Возврати мне волю и честь,
Дай мне горе мое избыть!»

Стелется багряный туман.
Забывается Отбаскан.

Крепких засовов лязг!
Белого дня блеск!
Огненных крыльев плеск!

От материнских ласк
Сердцу тепло,
Взору светло,
Нежное сыпуду крыло
На глаза батыру легло.

Мечь говорит:

«Встань, встань, встань,
Ты должен встать,
Я — твоя родимая мать,
Трубы трубят,
Войска идут,
Свершается правый суд.
Встань, встань, сынок,
Ты должен встать!
Я — твоя родимая мать.
Раненого сердца не рань,
Перестань его растревлять,
Не тужи, мой кормилец, встань!
Встань, встань, встань,
Ты должен встать!
Я — твоя родимая мать.

Разве жажда моя слабей
Преходящей жажды твоей?
Разве голод мой не сильней
Голода твоего стократ?

Разве нет у тебя друзей
И не любит тебя народ?
Веют стяги,
Трубы трубят,
В руки свобода булат берет!
Не разрежет алмаза нож.
Не осилит истины ложь.

Встань, встань, встань,
Встань, батыр!
Ты должен встать!
Я — твоя родимая мать.
Грянь, грянь, грянь,
Грянь, железный гром!
Разразись, гроза, над врагом!
В бой, непобедимая рать!»

Так воскликнула месть.
Грянул гром.
Отбаскан вскочил.
Стены заходили кругом.
Оглушил Отбаскана плеск
Яркоблещущих крыл,
Ослепил нестерпимый блеск
Тяжкоплещущих крыл...

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Конные мчатся за рядом ряд.
Снежная вздымается пыль,
Сходится с метелью метель,
С крепкой сталью — крепкая сталь,
Конь — с конем,
Клинок с клинком,
Щит — со щитом,
С броней — броня.

Воет ветер Судного дня.

Катится кожаный щит колесом.
Падает первый убитый с коня.
Смерть его голову ловит, как мяч.
Раненый молит: «Добейте меня!»
Круглые головы катятся с плеч.
Гнется копье.
Завывает праща.
Кони встают на дыбы, вереща.
Меч Гулаим, будто солнечный луч,
Блещет,
И трубы рокочут,
И клич
Клич заглушает.
Горячая кровь
Путь пролагает —
Где прямо, где вкривь —
Под гору,
По снегу,
По колеям,
К тем ли седым астарханским струям,
К тем ли далеким рыбачьим ладьям,
Чтобы клубиться в воде ледяной,
Чтобы смешиться с кипучей волной...

Бьются насмерть добро и зло,
Землю мерзлую бременя.
Тяжело земле, тяжело,
И содрогается земля.
Воет ветер Судного дня,
Наземь сражающихся валя.
Кроет солнце черная тень,
И уходит ужасный день.
Этот огненно-красный день,
День кровавый, и сыт и пьян, —

Продолжается грозный той,
Не кончается тяжкий бой.
Гул да звон,
Да протяжный стон...
Длится сеча,
Как страшный сон.

Сорок соколиц Гулаим,
Сорок смелых ее подруг
Бьют врага с сорока сторон;
Им сопутствуют сорок выюг
И прислуживает Азраил.
Совершается правый суд;
Воздух ночи на клочья рвут
Сорок пар серебряных крыл —
Рукава боевых кольчуг.

Встало солнце в тройном венце —
Красном, желтом и золотом,
И на огненном жеребце
Облетело степи кругом,
Потеряло тройной венец
В сизой мгле,
В дыму снеговом...

О, веселье храбрых сердец,
Поле чести!
Ты, как магнит,
Их притягиваешь к себе.
Не страшит их твой грозный вид;
Веселясь, бросает храбрец
Горделивый вызов судьбе
И с улыбкою на устах
Погибает за край родной...

Тучей кружится снежный прах,
И поет, поет ледяной
Бесприютный ветер степной
У бойцов двух ратей в ушах.
По широкой степи кругом
Ходят выюжные столбы,
Чередой влекутся часы,
День сменяется новым днем —
Не колеблются весы
Неуступчивой судьбы.
Для нее Саркоп и Мушкил
Равный груз на чашах весов;
Не хватает у хана сил,
Чтобы Гулаим одолеть,
И не может Гулаим
Пересилить ханских бойцов.

Между тем калмыцкий народ
Глухо волновался,
Ропща
На властителя своего,
Угнетателя, палача
И мучителя своего.
И когда миновал седьмой
День сраженья,
И день восьмой
Наступил,
И сам Азраил
Тяжкий меч на снег уронил
И смежил крыла за спиной, —
Угнетенный народ восстал,
Оружейный склад разгромил,
Превратил золотой дворец
В груды пепла, в кучу камней,
Десять тысяч ханских коней
Оседлал,

Покинул Мушкил
И оружие обратил
Против ханских войск.
Вот когда
Дело мести пошло на лад!

Тут, прокляв свой черный удел,
Хан поверх кольчуги надел
Золото-парчовый халат,
Сел на своего скакуна,
Ноги сунул в стремяна,
Тронул повод,
Поскакал
И павлином золотым
Неожиданно предстал
Пред очами Гулаим,
Говоря:

«Батыром прямым
Ты себя считаешь зря,
Ты не лев.
Ты — муха.
Гляди,
Попадешься мне под ладонь,
То-то взмолишься:
«Пощади!»
То-то затоскуешь:
«Не тронь,
Я у матери, мол, одна,
Сердце, мол, у меня в груди
Меньше макового зерна...»
А и казнь тебе поделом:
Не равняйся, муха, со львом!
Вспомни, глупая, кто твой хан,
Глянь-ка на меня, Гулаим!
Я батыр, а не ты,

Я лев!
И мушиным жальцем своим
Ты, коварная, как шайтан,
Угрожаешь мне, ошалев,
Залетаешь в мой гюлистан¹,
Оскверняешь мои цветы,
Похищаешь мой сладкий мед.
Как ты смеешь — злодейка ты! —
Переманивать мой народ?
Лучше брось такие дела,
Убирайся отсюда прочь,
А не то — как выхвачу меч —
Мигом вылетишь из седла!»

И в ответ ему — Гулаим:

«Ты не лев, Суртайша, не хан,
Ты — бахвал, бурдюк, барабан,
Тень шайтана,
Шайтан-левша,
Вот кто ты такой, Суртайша!
Тем, что под высокий мой стяг
Твой народ, восстав, перешел,
Самого себя укоряй.
Кто калмыкам был первый враг?
Чей мучительный произвол
В нищету поверг этот край?
Кто невинных казнил?
Кто всласть
Кровь народную пил?
Чья власть
Разъедала, точно парша,
Плоть народа твоего?»

¹ Г ю л и с т а н — букв.: «розовый сад»; в переносном смысле — прекрасная страна, земной рай.

Ты всему виной, Суртайша,
И теперь твое хвастовство
Не спасет тебя от суда.
Ты по горло погряз во зле
И не спрячешься никуда,
Места нет тебе на земле!

Знаю, Суртайша, для чего
Ты в седло столь поспешно сел
И стремглав поскакал в мой стан.
Страшен вору его удел,
И тебе, самозванный хан.
Сеча эта не по нутру:
Чуешь, видно, ее исход!
Кто с огнем затеет игру —
Пальцы на огне обожжет.

Но — пусть будет так.
Прекратим
Этот кровопролитный бой.
Разрешим батырам своим
На кругу бороться сам-друг.
Вызываю тебя на круг:
Я хочу схватиться с тобой,
Выбить меч у тебя из рук,
Вырвать напрочь твои клыки,
Раздробить тебе позвонки,
Растоптать твой ханский бунчук!»

Трубы медные трубят,
Стяги пестрые шумят,
Кони ржут
Медным трубам в лад,
Удила грызут,
Пятятся назад.
Кони пятятся назад,

Стремена звенят;
Звучно стремяна звенят,
Расступаются войска,
Строятся за рядом ряд.

Глянешь вверх —
Там белым-бело,
Вьются снежные облака,
Ворон — сломанное крыло
По небу летит тяжело...

Глянешь вдаль —
Там белым-бело,
Не видать под снегом песка;
Конь калмыцкий без седока,
Захромав, потеряв седло,
По снегу бежит тяжело...

Глянешь прямо перед собой —
Круг очерчен, утоптан снег,
А в кругу стоит великан,
Полузверь-получеловек:
Стан — что карагач вековой,
Шерсть на груди,
Хвост позади,
Правая —
Львиная нога,
Левая —
Тигриная нога,
Правая рука —
Острога,
Левая рука —
Кочерга,
Клепаная голова,
Уши —
Мельничные жернова,

Ступы каменные
Вместо глазниц,
Стрелы пламенные —
Вместо ресниц,
Рот клыкастый —
Адская пещь,
Нос не нос,
А рыба лещ,
Неумыт, волосат, космат,
Медными гвоздями оббит,
Крепкими цепями обвит,
В бубенцах с головы до пят.

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Начинается правый бой —
Рубится Гулаим с Суртайшой.

Искры вспыхивают, роясь, —
Рубится с ханом Гулаим
И прислушивается, рубясь,
К возгласам своего меча,
И зазубривается, звуча,
Меч ее, как серп,
И другой
Меч зазубривается, чертя
В воздухе дугу за дугой,
За удар ударом платя.

У батыров глаза, как жар,
Ярой ненавистью горят.
Звон,
Свист,
Лязг,
Удар — за удар!

И осколки стальных мечей
Сыплются, словно частый град;
Силы рубящихся — равны.
Трое суток рубка идет,
Верха ни один не берет.

Ветви огненной купины,
Выращенной лязгом клинков,
Доросли до горных высот.
И рычат батыры, гневясь,
И бросают мечи в ножны.

Нетерпением обуян,
Цепью в тысячу три звена
Крепко свой неохватный стан
Опоясывает хан.

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Начинается борьба,
И глядит на борцов судьба,
И железо сплетенных рук
Раскаляется докрасна,
И в один слепительный круг
Дни сливаются...
Тает снег,
И сменяет зиму весна;
Степь цветет,
И птицы поют,
И, в зеленой траве шурша,
Пестрые букашки снуют;
И осиливает Суртайша
Благородную Гулаим,
И, подняв ее к небесам,
К этим голубым, золотым,
Трепетным небесам,
К облакам,

На ветру играющим,
Там
Заставляет ее стонать.

Ветер у нее на челе
Осушил проступивший пот.
И швырнул ее Суртайша
Наземь,
И стоял небосвод
Под ногами у Гулаим,
И летела она к земле
Сквозь гудящую пустоту,
Как падучая звезда,
А когда
В трех аршинах земля была,
Вывернулась на лету,
Стала на ноги и пошла
На врага, словно лев, смела,
К солнцу Суртайшу подняла,
И метнула вниз,
И в песок
Вбила вниз головой по крестец.
Тут ему и пришел конец,
И навек забудем о нем!
Лучше, милые, поглядим,
Как над степью солнце встает:
Поглядим, как за пядью пядь
Молодая трава растет,
Поглядим, как старуха мать
Обнимает Гулаим,
Как спасенный ею народ
Плачет,
И смеется,
И льнет
К дочери любимой своей;
Взглянем на хорезмийского льва,

Милого супруга ее,
И на сорок ее подруг;
И с любовью благословим
Благородную Гулаим.
Да ликует ее супруг,
И да будет она жива
В песнях и в потомстве своем!

Трубы трубят,
Стяги шумят,
Струны звенят;
Струнам в лад
Мы славу поем.

Меч народа — непобедим!
Дух народа — несокрушим!

Слава,
Слава,
Слава тебе, Гулаим!

Из АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

АБУ-ЛЬ-АЛЯ АЛЬ-МААРРИ
(973—1057)

* * *

Восковая свеча золотого отлива
Пред лицом огорчений, как я, терпелива.

Долго будет она улыбаться тебе,
Хоть она умирает, покорна судьбе.

И без слов говорит она: «Люди, не верьте,
Что я плачу от страха в предвиденье смерти.

Разве так иногда не бывает у вас,
Что покатятся слезы от смеха из глаз?»

* * *

Я множество дорог оставил за спиною,
И плачут многие, разлучены со мною.

Судьба гнала меня из края в край вселенной,
Но братьев чистоты любил я неизменно.

Друзьями стали мне года разлук с друзьями.
О расставания, когда расстанусь с вами?

* * *

Горделивые души склонились к ногам
Беспощадных времен, угрожающих нам.

Даже капля единая слезного яда
Опьяняет сильнее, чем сок винограда.

О душа моя, жизни твоей не губя,
Смерть не тронула крыльями только тебя.

Поражают врага и копьём тростниковым.
Сердце кровоточит, уязвленное словом.

Подгоняя своих жеребят, облака
Шли на копыя трепещущего тростника,

Или то негритянки ходили кругами,
Потрясая под гром золотыми жезлами?

Если кто-нибудь зло на меня затаит,
Я, провидя коварство, уйду от обид.

Потому что мои аваджийские кони
И верблюды мои не боятся погони.

* * *

**Жизнью клянусь: мне уехавшие завещали
Незаходящие звезды великой печали.**

**И говорил я, пока эта ночь продолжалась:
«Где седина долгожданного дня задержалась?**

**Разве подрезаны крылья у звезд, что когда-то
Так торопились на запад по зову заката?»**

* * *

Скажи мне, за что ты не любишь моей седины,
Постой, оглянись, я за нею не знаю вины.

Быть может, за то, что она — как свечение дня,
Как жемчуг в устах? Почему ты бежишь от меня?

Скажи мне: достоинство юности разве не в том,
Что мы красотой и приятностью внешней зовем, —

В ее вероломстве, ошибках, кудрях, что черны,
Как черная участь разумной моей седины?

КОЛЬЧУГИ

1

Кто купит кольчугу? По кромке кольчуга моя
Тверда и подобна застывшему срезу ручья.

Кошель за седлом, где в походе хранится она, —
Как чаша, которая влаги прохладной полна.

Расщедрится кесарь и князю пошлет ее в дар.
Владельцу ее смертоносный не страшен удар.

Он сердцем влечется к струящимся кольцам ее
И пить не желает; ее красота — как питье.

Меня заставляет расстаться с кольчугой моей
Желанье одаривать хлебом голодных людей.

2

Она и в знойный день была как сад тенистый,
Который Сириус поит водою чистой.

Я приоткрыл суму с кольчугою моей,
Что всадника в седле на перст один длинней.

Увидела она кольчугу и сначала
Сережки из ушей и золото бросала,

Потом запястья мне и кольца принесла.
Кольчуга все-таки дороже мне была.

Отец твой мне сулил своих верблюдов стадо
И лучшего коня, но я сказал: не надо.

Мужчине продал бы — и то кольчуге срам.
Неужто женщине теперь ее продам?

Хотела опить вином темно-багряным,
Чтоб легче было ей кольчугу взять обманом.

Я не пригубил бы и чаши тех времен,
Когда своей лозой гордился Вавилон.

Ресницы подыми, весна уже вначале,
И голуби весны окрест заворковали.

Мне самому еще кольчуга по плечу,
Когда я пастухам на выручку лечу.

Сулейму бедную одна томит остуда,
Что ни жиринки нет в горбу ее верблюда.

Забудь о нем и взор на мне останови:
Я вяну, как побег. Я гибну от любви.

Она пугливее и осторожней лани,
Убежище ее — в тенистой аладжане¹.

Когда от Йемена к нам облака идут,
Найдет обильный корм на пастбище верблюдов.

¹ А л а д ж а н а — кустарник в Аравийской степи.

* * *

Человек благородный везде отщепенец
Для своих соплеменников и соплеменниц, —

Он вином темно-красным их не угощает
И неопытных девственниц не обольщает.

Наилучшая доля на свете — смиренность:
Даже хлеб наш несытный — благое даренье.

Рассыпается пеплом сгоревшая младость,
И чертоги средь звезд человеку не в радость.

На любовь я отвечу любовью по чести,
Буду льстить, и любовь ослабеет от лести.

Завершается детство к пятинадцатилетию,
К сорока увлечения не кажутся сетью.

Ты навряд ли доволен одеждой простою,
Но глупцом прослывешь без абая¹ зимою.

¹ А б а й (аба) — плащ из грубой шерстяной ткани; верхняя одежда бедняка.

Возрастает на этой земле каменистой
Защищенный шипами терновник душистый.

Нет еще окончанья Адамову роду,
Но женитьбой свою не связал я свободу.

Амр зевает, и Халид¹ зевнул большеротый,
Но меня миновала зараза зевоты.

Крылья знаний меня от людей отлучили,
Я увидел, что люди — подобие пыли.

Опален мой камыш и подернут золою,
И теперь я бессилен исправить бывшее.

Пред судьбою склоняется лев, не противясь,
Держит страх куропатку степную, как привязь.

Радва² и не заметила воинств на склонах,
А Кубба³ захлебнулась в походных знаменах.

Преступленья свершает отец, порождая —
Все равно — мудреца иль правителя края;

Чем твой сын даровитей, тем выше преграда
Между вами, тем больше в душе его яда:

Тьмы загадок на сына обрушил ты разом,
Над которыми тщетно терзается разум.

Днем и ночью писателей алчная стая
Завывает, к обману людей призывая.

¹ А м р, Х а л и д — мужские имена.

² Р а д в а — город в Тихаме (Аравия).

³ К у б б а — место около Медины на пути в Мекку.

Смерть таится средь скал и в долинах просторных
И на поиски жертв посылает дозорных.

Лев дрожит, если близко мечи зазвенели.
Как судьбы не страшиться пугливой газели?

* * *

Молюсь молитвой лицемера, прости, мой боже!
Но лицемерие и вера — одно и то же.

Порою человек бывает приятен с виду,
А слово молвив, заставляет глотать обиду.

Твердить без веры божье имя и лгать о боге —
Нам с лицемерами такими не по дороге.

* * *

Побольше скромности! Я людям не судья.
Не покриви душой — себя судил бы я.

Когда нам, господи, забвенье ниспошлют
И мы в земле найдем последний свой приют?

Но не спешит душа из-под недвижных век:
Вплоть до исления страдает человек.

* * *

За ночью день идет, и ночь сменяет день.
Густеет злой судьбы губительная тень.

В могилах без числа починут хаджарийцы¹
И Йемена² цари — святые и убийцы.

Былым правителям давно потерян счет,
А вот Египет — цел, и Аль-Ахса³ живет.

Будь проклята, земля! Пред нами ты в ответе.
Исчадья подлости подлее всех на свете.

О горе, мать-земля! Поистине сама
Ты наставляла нас, и лгут, что ты нема.

На что нам Сахр ибн Амр⁴, иссохший, как Сахара?
Быть может, Аль-Ханса блуждает ланью старой.

¹ Х а д ж а р и й ц ы — жители города Хаджара, располагавшегося в Восточной Аравии на побережье Персидского залива.

² Й е м е н — область Южной Аравии, славившаяся в древности богатством и плодородием земель.

³ А л ь - А х с а — область в Восточной Аравии на побережье Персидского залива.

⁴ С а х р и б н А м р — погибший в сражении брат известной древнеарабской поэтессы Аль-Ханса; в своих элегиях она оплакивала смерть братьев, призывая соплеменников к мщению.

Твой океан кипит. Плывающих по волнам
Терзают сто страстей. Куда причалить нам?

И если ты, земля, когда-нибудь любила,
То в гневе своего избранника губила.

Бьет ненависть в чело и валит с ног живых,
И дикость кровь струит из вен отверстых их.

Да не смутит тебя ни вид их величавый,
Ни власть мгновенная, ни блеск их дутой славы!

Не много радостей извели они,
И не по воле их пришли дурные дни.

* * *

Когда присмотришься к живущим на земле —
Что человек, то нрав. Но все равны во зле.

И если на меня похожи дети Евы,
То что вы стóбите? Да пропадите все вы!

Как бейт¹ с неправильным по метрике стихом,
Как вздор, написанный неграмотным писцом,

Так ваша близость мне под жалкой вашей сенью.
Пора недужный дух предать уединенью.

Хоть до Лива ар-Рамль² ты, странник, не дошел,
Довольно, отойди! Засох древесный ствол.

И на висках твоих в напоминанье света
Белеет старости печальная примета.

И веки у тебя слезятся потому,
Что жаль последних звезд, чуть брезжущих сквозь тьму.

¹ Бейт — двустишие.

² Лива ар-Рамль — название местности. Смысл фразы — «не достиг желаемого».

* * *

От взора свет бежит. Сиянье меркнет. Вера —
Вооружение лжеца и лицемера.

Ужель прольется дождь небесных благ для тех,
Кто забывает стыд среди земных утех?

О лживый мир! А мы не знали, что в мечети
Безгрешны все подряд, как маленькие дети!

О жалкая земля, обитель горя, плачь!
Тебя хулил бедняк и посрамлял богач.

О вы, обман и ложь призвавшие в подмогу!
Поистине, из вас никто не близок богу.

Когда бы по делам господь судил людей,
Не мог бы избежать возмездия злодей.

А сколько на земле мы видели пророков,
Пытавшихся спасти людей от их пороков,

И все они ушли, а наши беды — здесь,
И ваш недужный дух не исцелен поднесь,

Так предопределил господь во дни творенья
Созданьям рук своих, лишенным разуменья.

* * *

Восславим Аллаха, кормильца земли!
Отвага и стыд от людей отошли.

Для щедрого сердца в смертельной болезни
Могильный покой всех бальзамов полезней.

Опеку возьму я над опекуном —
Душой, обитающей в теле моем.

И денно и ночью в толпе правоверных
Искал я молящихся нелицемерных.

Нашел я, что это бессмысленный скот,
Который вслепую по жизни бредет.

А кто половчей, тот с повадкой пророка
В гордыне великой вознесся высоко.

Посмотришь, одни — простецы и глупцы,
Другие — обманщики и хитрецы.

Безропотность за благочестье сочли вы?
Тогда и ослы ваши благочестивы,

Чесоточные, под ветрами степей,
Они, безглагольные, вас не глупей.

Мы нищие души: то рвань, то заплаты...
Но всех на поверку беднее богатый.

Мы смерть ненавидим и в жизнь влюблены,
А радостью любящих обойдены.

При жизни мы верных друзей не встречали,
По смерти мы внемлем притворной печали.

Познало бы солнце, что блещет впотьмах,
Жалело бы о расточенных лучах.

* * *

Я горевал, когда под оболочкой дня
Все больше голова белела у меня.

Но чернота волос... быть может, это грязь?
И зубы чистые блестят, как день, светясь.

Мы любим эту жизнь, подобную любви
Тем, что сердца у нас и от нее в крови.

Стенает человек: «Продлись!» А жизнь — в ответ:
«Ни часа лишнего! Теперь на мне запрет».

Когда же кончится безвременье разлук
И встретит жизнь свою ее влюбленный друг?

Не раз твой верный щит спасал тебя от стрел.
Смирись и брось его, когда твой час приспел.

Я не похож на тех, кто, чуя смерти сеть,
Твердит, что все равно — жить или умереть.

Молитву совершать приходится, когда
Для омовения принесена вода.

Решимости былой тебя лишает ночь.
Друзья-созвездия спешат тебе помочь.

О верные друзья моих незрячих глаз,
Ведите и меня встречать последний час!

Нет горше ничего, чем жизни маета.
А горек твой глоток, так выплюнь изо рта.

* * *

Что со мною стряслось? Я сношу терпеливо беду,
Бейтам Рубы¹ под стать, перемены судьбы я не жду.

Стал я точным подобием слабого звука в глаголе.
Над врачами смеются мои застарелые боли.

Жизнь моя затянулась, пора мне домой из гостей,
Мать-пустыня взыскует моих долгожданных костей.

Разве я из-за пьянства дойти не могу до постели?
От ночных переходов колени мои ослабели.

Надоела мне жизнь, истомил мою душу народ,
Чей правитель нещедрый лишил его добрых забот.

¹ Руба ибн аль-Аджжадж — арабский поэт VIII в. В данной строке содержится, очевидно, намек на однообразие его стихотворных форм.

Говорят, что правитель — народу слуга и защита,
А у нас попеченье о благе народа забыто.

Убедился я в том, что не в досталь еды у людей,
Что подлейших из подлых писатели наши подлей.

То и дело хадисы¹ твердят наизусть грамотеи,
А богатство их сделало крыс ненасытных жаднее.

Преступи хоть на палец предел установленных прав,
Отвернется твой друг, отщепенцем тебя обозвав.

Так размеренный стих, измени в нем единое слово,
Даже букву одну, — от себя отвращает любого.

Спящий сном любовался, а жизнь безвозвратно прошла,
Чем же сон одарил его, кроме убытка и зла?

Славь деянья создавшего землю тебе на потребу,
Над которой созвездия пламень проносят по небу!

Знает зависть и конь, на чужую косится судьбу
И завидует тем, что со звездочкой белой во лбу.

Жизнь — как женщина в дни очищенья: желанна,
Да помочь нам не может. Но жизнь такова постоянно.

Не пресытившись ею, от жизни уходит богач;
Бедный тоже уснет и не вспомнит своих неудач.

¹ Х а д и с ы — предания о жизни и речах основоположника ислама пророка Мухаммеда.

Спорят, ссорятся жизнелюбивые законоведы,
Ищет мудрость их мнимая славы и легкой победы.

Я пристрастие к жизни хотел бы себе запретить,
Но лица не могу, не могу от нее отвратить.

* * *

Ученых больше нет, и мрак объемлет нас,
А человек простой в невежестве погряз,

Приметных некогда, как вороные кони,
Наставников лишась в годину беззаконий.

И жены и мужи, мы все до одного —
Рабы ничтожные для бога своего.

Ему подвластно все: и месяц, и Плеяды,
И полная луна, и горные громады,

Звезда Полярная, созвездье Льва, заря,
И солнце, и костер, и суша, и моря.

Скажи: «Велик господь, руководитель света!» —
Тебя и праведник не упрекнет за это.

О брат, недолго мне терпеть земную боль.
У неба испросить прощенья мне дозволю!

Ты скажешь: праведность. Но это только слово, —
Есть лица, имена — и ничего иного.

Хадисы вымыслил обманщик в старину,
Чтоб ради выгоды умы держать в плену.

Взгляни на сонмы звезд. По мне узоры эти —
Судьбою над людьми раскинутые сети.

Дивлюсь: невыносим судьбы железный гнет,
Один ее удар сильнейшим спину гнет,

А людям невдомек, что смерть играет ими,
Когда горбы могил встают над их родными.

Неправда на земле царит с начала дней
И в ярости казнит мудрейших из людей.

От смерти, Асами, бежать не стоит в горы:
Непререкаемы у смерти приговоры.

Четыре составных¹ слились в живую плоть,
Одна стремится часть другие побороть;

Здорова плоть, когда в ладу они друг с другом,
А несогласье их предшествует недугам.

Наш век и нем и груб; напрасно хочешь ты
Понять невнятные сужденья немоты.

Жизнь — полосы ночей, сменяющихся днями:
Змея двухцветная, ползущая за нами.

Пред смертью мы в долгу; в определенный час
Займодавица всегда находит нас.

¹ Четыре составных. — Средневековые арабы полагали, что весь материальный мир состоит из комбинации четырех стихий, борющихся между собой: огня, воздуха, воды и земли.

Из чистого ключа спешит напиться каждый
С тех пор, как в бны дни погиб Кааб от жажды¹.

И лилии садов, и мирные стада,
И стаи хищные равно поит вода.

Когда бы дел своих последствия мы знали,
Как воду, кровь тогда мы лили бы едва ли.

Кто сострадателен от первых лет своих,
Тот сострадания достойней остальных.

Мы правды не хотим и гневно хмурим брови,
Когда нам говорят, что грех у нас в основе.

Адам, я вижу твой поросший шерстью лоб
И Еву из числа пятнистых антилоп.

Мы — пища времени. Никто в заботах света
Не плачет над конем разбойного поэта²,

Мир в замешательстве, как зверь в морских волнах,
Как птица в грозовых кипящих облаках.

Душистый аль-бахар³, питомец мирной лени,
Шипами защищен от наших покушений.

¹ Согласно легенде, некий К а а б пренебрег источником и погиб в пустыне от жажды.

² Конь разбойного поэта. — Имеется в виду древнеарабская легенда о кобылице, принадлежавшей древнеарабскому воину-разбойнику Сулейку ибн ас-Салаку.

³ А л ь - б а х а р — вид растения с приятным запахом.

Жизнь — быстролетный миг, и мало пользы в том,
Что колют нас копьем и рубят нас мечом.

В ком сердце черное, тот черен сам и слуха
Лишен, тогда как я — всеслышащее ухо.

Ты выпустил стрелу, попала в цель стрела,
Зато душа твоя до цели не дошла.

Рок благородного ввергает в море бедствий.
Амр¹ матери своей лишился в раннем детстве.

Главою крепости был Самуил-поэт,
Она еще стоит, а Самуила нет.

На собеседника Пляеда перст уставит,
И смерть ваш разговор прервать его заставит.

Персты шести Пляед, причастных небесам,
О силе божией свидетельствуют нам.

Разумный человек — безумного подобье,
Все беды для него судьба готовит в злобе.

В могиле мать и дочь. Коса расплетена,
Коса заплетена... Но смерти смерть равна.

Видения весны кромешной белизною
И дикой чернотой подменит время зноя.

Пересекающий безводные края,
Ведущий к смерти путь возненавидел я.

¹ Амр ибн-Дарма — знаменитый дневнеарабский бедуинский воин.

Окрест ни шороха, ни дружественной речи.
Мой путь — двуострый меч, всегда готовый к сече.

Зачем же благ земных не делит с бедным тот,
Кто вдоволь ест и пьет и в роскоши живет?

* * *

Живу я надеждой на лучшие дни.
Надежда советует: «Повремени!»

Душа моя тешится горьким вином,
Доколе мне смерть не прикажет: «Идем!»

* * *

Добивается благ только тот, кто привык
И в горячке держать за зубами язык.

Обернется грехом торопливая речь,
А молчанью дано от греха уберечь.

Если низкий вознесся превыше горы,
То высокий — посмешище смутной поры.

Ты, что хочешь бежать от невзгод, не спеши!
Что ни дом — ни одной беспечальной души.

Нет под кровлями необесчещенных жен,
Сын Адама багряным вином опьянен.

Скоро в нищей одежде правитель страны
Снидет в царство, где нет ни дворца, ни казны.

* * *

Когда в науке нет ни сердцу обороны,
Ни помощи уму — пускай умрет ученый!

Судьбы не изменить: ее судил Аллах,
И мудрость мудрецов развеялась, как прах.

Не может человек бежать велений бога,
От неба и земли отвлечься хоть немного.

По торному пути покорным чередом —
Потомки умерших — мы к пращурам идем.

Давно я не дивлюсь тому, что пресыщенье
И муки голода — в противоположенье.

Стреляю, но врага щадит моя стрела,
Зато стрела судьбы мне прямо в грудь вошла.

В побеге лиственном сокрыта кость людская,
И кровь от корня вверх течет, не иссякая.

Зло не смыкает глаз и головы сечет,
Как предугадывал разумный звездочет.

Растратив золото на щедрые даянья,
Великодушие лишается признанья.

Жизнь порождает страх, и люди как во сне
Летят во весь опор у страха на спине.

Проснитесь наконец, обманутые дети!
Вы слепо верите лжецам былых столетий.

Корыстолюбие, не знавшее препон,
В могилу их свело, и умер их закон.

Они твердили вам, что близок день последний,
Что свет кончается — но это были бредни,

Но это ложь была! Не слушайте речей
Извечной алчностью палимых главарей!

И ближний, как чужак, порой наносит рану.
Благоразумие да будет вам в охрану.

Я сердце оградил от радостей земных,
Когда увидел смерть в числе врагов своих.

* * *

О земные цари! Вы мечтаете смерть обмануть,
Но единым злодейством означили жизненный путь.

Что же истинной доблести вы не спешили навстречу?
Даже баловень женский порой устремляется в сечу.

Люди верят, что будет наставник ниспослан судьбой,
Чья высокая речь зазвучит над безмолвной толпой.

Не томись в ожиданье, надежду оставь, земножитель!
Для тебя твой рассудок — единственный руководитель.

Он во благо тебе, чти его справедливый устав
И в скитаньях своих, и на якорь у пристани став.

Это множество сект для того существует на свете,
Чтоб царей и рабов завлекать в хитроумные сети.

Люди чашами пьют наслаждений губительный яд,
Ни смиренницы юной, ни гордой жены не щадят,

Как восстания зинджей¹ жестокий главарь или злобный
Вождь карматский... Поистине, все на земле им
подобны.

Удались от людей, только правду одну говорящий,
Ибо правда твоя для внимающих желчи не слаще.

¹ Восстание зинджей — восстание чернокожих рабов в Южном Иране и в Хузистане (869—883 гг.). Предводитель зинджей Али ибн Мухаммед создал государство зинджей в Южном Ираке, провозгласив себя в 879 г. халифом.

* * *

Ни на один приказ, ни на один совет
Мне от моей души в ответ ни слова нет.

В ошибках каяться? Но поглядите сами:
Числом они равны песчинкам под стопами.

Существование не стоит мне забот.
Не все ли мне равно, кто хлеба принесет

И кто мне уделит от своего запаса —
Плеяды, Сириус иль звезды Волопаса?

* * *

О, сердце, горсть воды, о, сердце наше, где
Причуды мечутся, как пузырьки в воде!

Что изменяет их, и что там колобродит,
И что Асму и Хинд¹ в минувшее уводит?

Словарь — что человек: в нем и добро и зло.
В составе нашем все, что мрачно и светло.

Мы будем времени служить питьем и пищей,
Доколе в богача не превратится нищий.

Как сокол — кроликов, лишенный прежних сил,
В несчастье Кайс² врагов о милости просил.

По мне к достойнейшим такой не сопричтется:
Душе пристало пить из чистого колодца.

¹ А с м а, Х и н д — женские имена.

² К а й с (Имрулькайс) — знаменитый древнеарабский поэт VI в. Сын вождя племени асад, он, поссорившись с отцом, отправился странствовать, но, узнав о судьбе отца, убитого соплеменниками, поклялся отомстить за него. Он обращался за помощью к вождям аравийских племен, правителю гассанидского княжества и даже к византийскому императору Юстиниану.

* * *

В Египте — мор, но нет на свете края,
Где человек живет, не умирая.

Рассудок наш у смерти на виду
Пытается предотвратить беду.

Какой араб, иль перс, иль грек лукавый
В расцвете сил, величия и славы —

Пророк иль царь — остался невредим,
Когда судьба открылась перед ним?

Закон стрелы: лететь быстрее, чем птица,
Щадить стрелка и крови не страшиться.

Своей спиной, как пленные рабы,
Мы чувствуем следящий взор судьбы.

* * *

Разумные создания бессмертного творца
Идут путем страдания до смертного конца,

И смертным смерть вручает подарок дорогой:
Наследникам — наследство, покойнику — покой.

* * *

Говорящим: «Побойся всезрящего бога!» —
Отвечай: «Хорошо, погодите немного!»

Семизвездью, играющему в буккару¹,
Уподоблю цветы и траву на ветру.

Но никто из живых ни в почете, ни в славе
Уподобиться канувшим в землю не вправе.

Я другим подражаю, стараюсь и я
Приспособиться к путанице бытия.

Многим смысл бытия разъясняет могила,
А меня жизнелюбие опустошило.

Мне, по правде сказать, не опасен сосед,
Я и знать не желаю — он друг мне иль нет,

Потому что моя некрасива невеста
И насущный мой хлеб не из лучшего теста.

¹ Б у к к а р а — детская игра.

* * *

Одно мученье — жизнь, одно мученье — смерть.
Но лучше плоть мою прими, земная твердь!

Пуста моя рука и небо пересохло,
Но жадно смотрит глаз и ухо не оглохло.

Глядите: человек выходит со свечой,
Чтоб высоко поднять огонь во тьме ночной.

Ему потребен врач, он тешится надеждой
Насытить голод свой и плоть прикрыть одеждой.

Но тот, кто спит в земле, избавясь от забот,
Ни разорения, ни прибыли не ждет.

Копье, петля и меч ему всю жизнь грозили,
Он покорился их неодолимой силе,

Но не страшится он в объятиях земли
Ни длинного копья, ни шелковой петли,

Ни острого меча. Лишившемуся тела
До клочков и обид нет никакого дела.

За брань и похвалы, покинув этот свет,
Он благодарен всем. Но мертвым счастья нет!

Пуškai завистники своей достигнут цели,
Чтоб смерть у мертвецов отнять не захотели.

Душа-причудница служанку-плоть бранит,
А плоть покорствует и верность ей хранит.

И каждый замысел своей хозяйки вздорной
Спешит осуществить исправно и покорно.

Растение плоду все соки отдает,
А человек ножом срезает этот плод.

И кто-то седину закрашивает хною;
Но как же быть ему со сгорбленной спиною?

И кто-то вздор несет, рассудок потеряв,
Пока не схватит смерть безумца за рукав.

Все на одно лицо: исполненный гордыни
Сын знатной женщины и жалкий сын рабыни.

Смерть приготовила напиток для меня
И сохранит его до рокового дня.

Хоть время говорит отчетливо и внятно,
А все же речь его не каждому понятна.

И тлен и золото — у времени в руках.
Где прежде был дворец, там вьется мелкий прах.

Обитель райская открыта человеку,
Зане он совершил паломничество в Мекку!

* * *

Довольствуй ум досужий запасом дум своих,
Не обличай порока, не укоряй других.

Своей бедой не надо судьбе глаза колоть,
Когда преступно сердце и многогрешна плоть.

Хоть привяжись он втайне веревкою к звезде,
От смерти злой обидчик не спрячется нигде.

Разит, как рот девичий, смертельное копьё,
Меж ребер клык холодный — и ты в руках ее.

Она и без кольчуги — что дева без прикрас.
Хинд и Зейнаб — вот поле ее войны сейчас.

Верблюд изнемогает и дышит тяжело,
А смерть опять бросает добычу на седло.

Повержен храбрый воин, и кровь, как водомет,
Шипит в глубокой ране и прямо в небо бьет.

Теперь его согбенной не выпрямят спины
Ни конь великолепный, ни трубный клич войны.

* * *

Ты в обиде на жизнь, а какая за нею вина?
Твой обидчик — ты сам. Равнодушно проходит жена,

И у каждого сердце палящей любовью объято,
Но красавица в этом пред встречными не виновата.

Говорят, что — бессмертная — облика ищет душа
И вселяется в плоть, к своему совершенству спеша.

И уходит из плоти... По смерти — счастливым награда
В благодатном раю, а несчастным — страдания ада.

Справедливого слова не слышал питомец земли,
Истязали его, на веревке по жизни влекли.

Если мертвая плоть не лишается всех ощущений,
То, клянусь тебе, сладостна смерть после стольких
мучений.

* * *

От мертвых нет вестей, ушли, не кажут глаз,
Но, может быть, они богоугодней нас?

В неотвратимый час душа дрожит от страха.
Но долголетие... уж лучше сразу — плаха.

Все люди на земле сойдут в могильный прах —
И здесь, в родном краю, и там, в чужих краях.

Обречена земля искать питья и пищи;
Вода и хлеб ее — то царь, то жалкий нищий.

Нам солнце — лучший друг, а мы бесстыдно лжем,
Что поделом его бранят и бьют бичом¹.

Во гневе месяц встал, едва земля заснула;
Но и его копье с налету смерть согнула.

Всевидающий рассвет уже заносит меч,
Чтоб людям головы сносить наотмашь с плеч.

¹ Нам солнце — лучший друг... — Имеется в виду исламское поверье, будто солнце каждый раз противится восходу и ангелы с бранью поднимают его насильно.

* * *

Подобно мудрецам, и я теперь обрушу
Разгневанную речь на собственную душу.

Из праха плоть пришла и возвратится в прах,
И что мне золото и что стада в степях?

О низости своей толкует жизнь земная
На разных языках и, смертных удивляя,

Разит без промаха своих же сыновей.
Мне, видно, суждено не удивляться ей.

Я жил — и жизнью сыт. Жизнь — курица на блюде,
Но в сытости едой пренебрегают люди.

У жизнелюбия — причина слез во всем:
И в солнечных лучах, и в сумраке ночном.

От вздоха первого в день своего рожденья
Душа торопится ко дню исчезновенья.

Верблюды и быки спешат на водопой
Прямой, проверенной и правильной тропой.

И как путем кривым идти не страшно людям
Под копьями судьбы, нацеленными в грудь им?

Мне опротивел мир и мерзость дел мирских,
Я вырваться хочу из круга дней своих.

Отбрось тяжелый меч и щит свой бесполезный.
Смерть опытней тебя. Она рукой железной

И голову снесет, и в цель стрелу пошлет,
И распылит войска — непрочный твой оплот.

Она взыскует жертв и насыщает щедро
Телами нашими земли немые недра.

* * *

Никогда не завидуй избранникам благополучия.
Жизнь их тоже смертельна, и все мы зависим от случая.

Чувства тянутся к миру, и страждет душа неразумная.
Есть у времени войско, а поступь у войска — бесшумная.

Если б знала земля о поступках своих обитателей,
Верно, диву далась бы: на что мы свой разум
растратили?

Лучше б не было Евы с повадкой ее беспокойною.
Влажность ранней весны превращается в засуху
знойную.

О невыгодном выборе ты не жалеешь пока еще,
Но ты сломлен, очищен и ветвью поник увядающей.

Не для мирной молитвы ты прячешься в уединении,
Ты себя устыдился, бежал от стороннего мнения.

Мне — душа: «Я в грязи, я разбита и обезоружена!»
Я — душе: «Примиись! Эта кара тобою заслужена».

* * *

На свете живешь, к наслаждениям плоти стремясь,
Но то, что приносят тебе наслаждения, — грязь.

Измыслил названия, сушу и воды нарек,
И месяц, и звезды... Но как ты солгал, человек!

Тот взор, что на солнце порочная плоть возвела,
К земле на поверку притянут веревками зла.

* * *

Муж приходит к жене, ибо страсть отягчает его,
Но от этого третье рождается на свет существо.

И пока девять месяцев будут друг друга сменять,
Истомится под бременем тяжким страдалица-мать.

К тем извечным стихиям она возвратится потом,
От которых мы все родословные наши ведем.

* * *

Так далеко зашли мы в невежестве своем,
Что мним себя царями над птицей и зверьем;

Искали наслаждений в любом углу земли,
Того добились только, что разум растрясли;

Соблазны оседлали и, бросив повода,
То вскачь, то рысью мчимся неведомо куда.

Душа могла бы тело беречь от всех потерь,
Покуда земляная не затворилась дверь.

Учи тому и женщин, чье достоянье — честь,
Но будь поосторожней! Всему границы есть.

Прелюбодейка спрячет под платом уголь глаз,
И верная откроет свое лицо подчас.

Дни следуют за днями, а за бедой — беда.
От зла на белом свете не скрыться никуда.

Гостить у нас не любят ни тишь, ни благодать:
Того, что ненавистно, от нас не отогнать.

Порой благоденье ущерб наносит нам, —
Тогда врагов разумно предпочитать друзьям.

Приди на помощь брату, когда он одинок.
Душе во благо веет и слабый ветерок.

* * *

В обиде я на жизнь иль не в обиде,
Но смерть свою приму я, ненавидя.

В ожесточенье ждет моя природа
Ее неотвратимого прихода.

Но я столь грозной силе не перечу
И терпеливо движусь ей навстречу.

Уйду — и все несчастья и тревоги
Останутся на жизненной дороге.

Я — как пастух, покинутый в пустыне,
Забочусь о чесоточной скотине.

Как дикий бык, лишенный прежней мощи,
Ищу губами хоть травинки тощей.

Но вскоре у забвения во власти
Я распадусь на составные части.

Не знаю дня такого, чтобы тело
Помолодело, а не постарело.

И у меня, о дети Евы, тоже
Проходит страх по ежащейся коже.

Непритуплённый меч, готовый к бою,
Навис и над моею головою.

Удар меча тяжёл, но смерть в постели,
А не в сраженьё во сто раз тяжеле.

С природой нашей вечное боренье
Приводит разум наш в изнеможеньё.

Я заклинаю: встань, жилец могилы,
Заговори, мой брат, немой и хилый.

Оповести неопытного брата —
Какими хитростями смерть богата?

Как птичью стаю сокол бьёт с налета,
Так на людей идет ее охота.

Как волк бродячий режет скот в загоне,
Так смерть — людей в юдоли беззаконий.

Ее клеймо — на стае и на стаде,
Она не слышит просьбы о пощаде.

Я думаю, все небо целокупно
У смерти под рукою неподкупной.

Настань их время — звезд не сберегли бы
В своих пределах ни Весы, ни Рыбы.

Все души зрит ее пустое око
Меж точками заката и востока.

Подарком не приветив человека,
Смерть входит в дом араба или грека

И, радуясь, не отвращает лика
От смертной плоти цвета сердолика.

Она — любовь. У любящих в природе
Пренебреженье к прежней их свободе.

Ушедших не тревожит посетитель:
Удалена от мира их обитель.

И я гордился черными кудрями,
Как вольный ворон черными крылами.

Но жизнь прошла, и старость поразила:
Как в молоко смола преобразилась?

Бурдюк с водой — и ничего иного
Нет у меня для странствия ночного.

* * *

**Рассудок запрещает греховные поступки,
Но к ним влечет природа и требует уступки.**

**В беде житейский опыт не может нам помочь:
Мы доверяем кривде, а правду гоним прочь.**

* * *

Я мог на горе им увлечь их за собой
Дорогой истины иль близкой к ней тропой.

Мне надоел мой век, я веку надоел.
Глазами опыта я вижу свой удел.

Когда придет мой час, мне сам собою с плеч
Седую голову снесет индийский меч.

Жизнь — верховой верблюд; мы держимся в седле,
Пока воровка-смерть не спрячет нас в земле.

Аль-мутакарибу¹ подобен этот мир,
А на волне его я одинок и сир.

Беги, утратив цель! С детьми Адама связь
Наотмашь отруби, живи, уединясь!

Сражайся иль мирись, как хочешь. Друг войны
И мирной жизни друг поистине равны.

¹ А л ь - м у т а к а р и б — один из стихотворных размеров арабской поэзии. Здесь: символ однообразия.

* * *

Лучше не начинайте болтать о душе наобум,
А начав, не пытайте о ней мой беспомощный ум.

Вот прощенья взыскав, человек многогрешный
Носит крест на груди иль целует устои Каабы¹ и слабый

Разве скину я в Мекке невежества душный покров
Средь паломников многих из разноречных краев?

Разве чаша познания для уст пересохших найдется
У паломников йеменских, не отыскавших колодца?

Их пристанища я покидаю, смиренен и тих,
Чести их не задев, не унизив достоинства их.

Молока не испив, ухожу, и погонщикам стада
Слова я не скажу, будто мне молока и не надо,

И в могиле меня обоймет утешительный плен,
Не разбудит в ночи завывание псов и гиен.

¹ Кааба — главное мусульманское святилище в Мекке с находящимся там священным «черным камнем».

**Тьмы рабов у тебя, ты несметных богатств обладатель,
Но не рабской неволей ты столь возвеличен, Создатель!**

* * *

О, племя писателей! Мир обольщает ваш слух
Напевом соблазнов, подобным жужжанию мух.

Кто ваши поэты, как не обитатели мглы, —
Рысучие волки, чья пища — хвалы и хулы.

Они вредоносней захватчиков, сеющих страх,
Как жадные крысы, они вороваты в стихах.

Ну что же, примите мои восхваленья как дань:
В них каждое слово похоже на резкую брань.

Цветущие годы утратил я в вашем кругу
И дней моей старости с вами делить не могу.

Уже я простился с невежеством ранним своим,
И хватит мне петь племена ар-рабаб и тамим¹.

¹ Ар-рабаб и тамим — бедуинские племена древней Аравии.

* * *

На волю отпущу, поймав блоху, затем,
Что воля — лучший дар, чем нищему дирхем¹.

Как чернокожему из Кинда², что в короне,
Так этой черненькой, что на моей ладони,

Мила земная жизнь: и у нее одна
Душа — не более горчичного зерна.

¹ Дирхем — мелкая монета.

² Чернокожий из Кинда — прозвище родоначальника и вождя одного из южноаравийских бедуинских племен.

* * *

Вино для них светильники зажгло.
Что им копые, уздечка и седло!

Они встают с постелей в поздний час.
Вино блестит, как петушиный глаз.

Под кожей пальцев их, как муравьи,
Ползет — и разбегается в крови,

Освобождает разум от забот
И горести нежданные несет.

Пьют — и судьбы не ведают своей,
Лишившей их дворцов и крепостей.

И благородства первую ступень
Преодолеть не потрудилась лень.

А жизнь моя проходит, как в аду,
И от нее подарков я не жду.

Одна теперь надежда у меня
На господина звездного огня.

* * *

Он юлит и желает успеха во всем.
Было б лучше тебе повстречаться со львом!

Обманули тебя: ничего, кроме зла,
Эта дружба коварная не принесла.

Если ты не бежишь от людей, почему
При тебе ни лисицы, ни волка в дому?

Не теряй головы при нашествии бед.
Ты преступней, чем твой многогрешный сосед;

Ты встаешь на рассвете для мерзостных дел,
Хоть немало в ночи совершить их успел.

Море зла на погибель нам сотворено:
Умирая от жажды, уходишь на дно.

* * *

Я не спугнул ее, но птица улетела,
И я доверился крылам ее всецело¹.

Мне проповедники разнообразных вер
И толкователи с их бредом — не в пример.

«Плоть — в землю, а душа — куда спешит из плоти?»
У них на свой вопрос ответа не найдете.

Когда наступит срок, хотим иль не хотим,
Душа, полна грехов, пойдет путем своим.

Избрали бы грехи другую оболочку —
Судья простил бы их и нам не ставил в строчку.

¹ Намек на распространенное среди арабов гадание по полету птиц, для чего птицу надо было непременно спугнуть.

* * *

Ты болен разумом и верой. Приди за словом,
И тело снова станет сильным и дух здоровым.

Не убивай того, кто в море нашел жилище,
Четвероногих плоть живую не делай пищей.

Красавиц молоком животных поить не надо:
Чем обворованное вымя утешит чадо?

Не нападай врасплох на птицу, не грабь крылатой:
Насилье — тяжкий грех, который грозит расплатой.

Пчелиного не трогай меда: из дола в доли
За ним к цветам благоуханным летали пчелы

И не затем даянья утра слагали в соты,
Чтоб мы благодарили сборщиц за их щедроты.

Слезами руки отмываю. Зачем же ране —
До седины — не понимал я своих желаний?

Ты разгадал ли, современник, мой брат случайный,
Оберегаемые мною простые тайны?

О заблудившийся во мраке, подобно тени!
Ты не спешил на светлый голос благих стремлений.

Но проповедник заблуждений пришел — и сразу
Ты предал совесть, покорившись его указу.

Взгляни на собственную веру: в ее пустыне
Увидишь мерзость лицемерья и срам гордыни.

Прозрев, не окропляй булата росой багряной,
Не заставляй врача склоняться над свежей раной.

Пришелся бы и мне по нраву слугитель бога,
Когда б из твоего достатка не брал так много.

По правде, тот хвалы достойней, кто ранней ранью
Встает и трудится до ночи за пропитанье.

Не помышлял для благочестья бежать в обитель,
Среди людей, как бедный странник, ходил Спаситель.

Зарой меня, когда почувешь зловонье тлена,
Иль пусть зловонная схоронит меня гиена.

А кто свои страшится кости смешать с костями,
Тот вживе сам — что кость сухая в могильной яме.

Дурной обычай: мы приходим в одежде черной
И с плакальщицами согласно скорбим притворно.

Я накануне рокового переселенья
Врагу и другу отпускаю их прегрешенья.

Твоей хвалы не принимаю: и лучший воин
Похвал моих за подвиг ратный не удостоен.

Моя душа — верблюд надежный в краю песчаном,
Еще по силам ей угнаться за караваном.

Под тяжестью плиты могильной былую силу
Не восстановит щедрый ливень, омыв могилу.

Была б вода живой водою, тогда бы люди
Дрались из-за могил в болотах, молясь о чуде.

* * *

Удивляюсь тому, кто кричит: «Я не пью!» —
И вином угощает подругу свою.

Отхлебнула немного — и навеселе
Вкось да вкривь побежала по ровной земле.

И до этого глупой была, но питье
Совершенно лишило рассудка ее.

Заикалась и прежде она за столом,
А теперь мы ни слова ее не пойдем.

* * *

Я одинок, и жизнь моя пустынна,
И нет со мной ни ангела, ни джинна.

Сгубило время трепетных газелей,
И лишь места их пастбищ уцелели.

Душе нельзя остаться беспорочной:
Порочна плоть, ее сосуд непрочный.

Кто не избрал подруги в дни расцвета,
Тот одинок и в старческие лета.

Я шел путем смиренья и печали,
Я звал людей, но люди опоздали.

* * *

Нет на свете греха. Что же мы осуждаем его?
Право, было бы лучше свое упрекать естество.

Вот лоза, вот вино. Если ты от вина опьянел,
Кто виновней из вас: винопийца? вино? винодел?

* * *

На погребальные носилки слепому лечь —
Ногам его не спотыкаться, слезам не течь.

Не странно ли — старик столетний, горбат, как лук,
И слаб, как тень, дрожит на солнце, бредет — и вдруг

Бросается в обход мечети, и напрямик
Через пустыню за подачкой бежит старик.

* * *

Если корень зачах, то скажите: понятно ли вам,
Что листвою никогда не покрыться голодным ветвям?

Если брат восстает против единокровного брата,
Как согласья законов нам требовать от шарията?

Не бранись, увидав, что скупится иная рука:
Может статься, что вымя уже лишено молока.

Обращайся к беспечным, об истине напоминая:
Без поливки развиться не может и зелень земная.

Как, наследники Евы, от вас мне себя уберечь,
Если злобой у вас переполнены сердце и речь?

Не нужны ни кольчуги, ни шлемы, ни дерзкая сила,
Если вправду исполнится то, что судьба вам сулила.

«Час придет, — говорю, — время всадника сбросит
с коня».

Я пугаю сердца. Впрочем, кто боится меня!

* * *

Твори добро без пользы для себя,
В нем благодарность за него любя.

Хоть землю всю обшарь за пядью пядь,
Души благочестивой не сыскать.

Здесь подданным цари внушают страх,
Как ястребы добыче в их когтях.

Царь у одних достойный, у других
Подлее в притязаниях своих.

Наш обобрал до нитки свой народ,
И слезный дождь из глаз людских идет,

Не размягчая каменных сердец
Придворных, переполнивших дворец, —

Грабителей мечетей и шатров,
Которым гнет — веселье и покров.

* * *

Он взял себе жену и трех в подмогу ей.
«Довольствуйся одной из мужних четвертей», —

Так первой он сказал. Но та нашла замену,
И муж побил ее камнями за измену.

Наследования неявственный закон
И при двубрачии не будет соблюден.

Ты ослабел умом и стал игрушкой сплетни,
Как семилетний — ты, семидесятилетний!

И ты несправедлив и злобой обуян,
И ты, подобно всем, преступник и тиран,

И радуешься ты, что пусто в доме брата,
А у тебя в дому и сытно, и богато.

Когда бы жадности ты не был верный раб,
Ты сжег бы свой колчан и лук из дерева наб¹.

¹ На б — род дерева, идущий на изготовление луков.

* * *

Сердца у вас — кремень, в чертах лица уныние,
Рты перекошены, глаза от злобы синие.

Я сил не соберу, чтоб странствовать отправиться,
Мне, старому слепцу, не светит даль-красавица.

Забрезжил новый день, и разлетелись вороны,
И голуби стремглав метнулись во все стороны.

И я в дороге был, домой в изнеможении
Принес бесстыдства кладь и груз неразумения.

Да не сочтешь наград за верность беспорочную,
За искренность молитв на сторону восточную!

Земные твари прочь бегут при блеске молнии,
И сводит смерть с ума их души, страха полные.

О птица! О газель! Не бойтесь ни величия,
Ни мудрости людской: меж нами нет различия.

* * *

Зардели сонмы звезд на ясных небесах,
И веры темный плат разорван в ста местах.

Нет царства, коему не угрожают страсти.
Все, что составилось, рассыплется на части.

Вероучения — плоды земных забот
И себялюбия. Кто к этому придет,

Пусть побоится тот и своего дитяти,
Как высекший огонь бежит его объятий.

Мы — зло. Но не о вас, о люди, говорю:
На секты разные со страхом я смотрю.

Не жди от ближнего ни добрых чувств, ни блага,
Хоть по щекам его бежит смиренья влага.

Но из врагов твоих опасней всех — душа,
Она покинет плоть, изменою греша.

Почившего царя, дарившего улыбки,
Мы за ягненка счастье готовы по ошибке.

О вере не пытай наставников общин:
От каждого из них услышишь вздор один.

Быть может, мнимому дивлюсь я урожаю:
И сад еще не цвел, а я плоды срываю.

Как часто уходил от воздаянья вор
И честная рука ложилась под топор.

Жемчужница сдалась нырлящику на милость,
А сколько времени на дне морском таилась.

Все время люди лгут, во лжи не видят лжи
И, ложь обосновав, за ложь идут в ножи.

Не стоит спрашивать: «Где ум твой, земножитель, —
Твоих безумных снов напрасный посетитель?»

Еды отведавшим не избежать беды,
Воды возжаждавшим нет в засуху воды.

И черными смотреть иль синими глазами,
Чтоб этот мир понять, кружащийся пред нами?

А вы, келейники... вам снится не игра
В уединение, а золота гора!

* * *

Толкуют, что душа легко и смело
Переселяется из тела в тело.

Не принимай суждений ни о чем,
Когда проверить их нельзя умом.

Что тело? Пальма с гордою главою;
Она — трава и сменится травой.

Ты должен мысль от лишнего беречь:
При полировке тает лучший меч.

* * *

Звезды мрака ночного — живые они или нет?
Может быть, и разумны, и чувствуют собственный свет?

Говорят: «Воздаяние ждет за могилой людей».
Говорят и другое: «Мы сгинем, как злаки полей».

Я же вам говорю: «Совершайте благие дела,
Не бегите добра, сторонитесь неправды и зла!»

Мне воочию видно: пред тем как начать переход,
Покаянные слезы душа истомленная льет.

Наши души заржавели в наших телах, как мечи,
Но вернется их блеск, столь же яркий, как звезды

В ночи.

* * *

Вы скажете: «Премудр податель бытия!»
«Вы правы, — я скажу, — согласен с этим я».

Тут вы добавите: «В числе его примет
Не только времени, но и пространства нет».

А я скажу в ответ, что это спор пустой:
Проникнуть в суть его не может ум людской.

* * *

Если воли свободной преступник лишен,
То его не по праву карает закон.

Вседержитель, когда он руду создавал,
Знал, что эта руда превратится в металл.

Чем убийца коня подковал? Из чего
Меч, румяный от крови, в руках у него?

Ты на пламень сомнений летишь, — не спеши!
Опасайся пожара смятенной души!

* * *

**Пойми значение сменяющихся дней.
Чем ты внимательней, тем речи их слышней.**

**Все, что случается, поистине похоже
На то, что видел мир, когда он был моложе.**

* * *

Умы покрылись ржавчиной порока и разлада.
Когда проржавел меч насквозь, точить его не надо.

Жизнь обещала праздники, а слова не сдержала.
Как ни обидно, истины в хадисах наших мало.

Из множества наставников я лишь рассудку внемлю.
Земное бремя тяжкое повергну я на землю,

На путь добра спасительный ступлю, расправив спину,
Покину мир губительный и суету отрину.

О эта жизнь коварная, царящая над нами,
Столь цепкая веревками, столь крепкая цепями!

Мы в пору созревания встречаемся для боя,
Потом, под старость, прячемся в одной тени от зноя.

А кто живет умом своим, спокоен сердцем, зная,
Что и любовь и ненависть — равно тщета пустая.

* * *

У добродетели две степени. Иль три?
Без предпочтения на спорящих смотри.

В день Страшного суда Аллаху станет жалко
Прилежных тружениц, склонявшихся
над прялкой.

Душеспасителен их заработок был.
Терпенье в слабости — залог избытка сил.

Из нитей солнечных носили покрывала,
А пряжу нищете их щедрость раздавала.

Делились крохами опресноков сухих,
И взыщет их судья и возвеличит их.

Комар, которого Всевышний не осудит,
Слону индийскому по весу равен будет.

Когда земля, трясясь, качнулась тяжело,
Горчичное зерно идущего спасло.

От мук обиженных проистекают муки
Того, кто кровью их свои окрасил руки.

Изгнанник застонал, и, потеряв престол,
Несправедливый царь в изгнание побрел.

* * *

Понятна разумному наша природа.
Достойный правитель — прислужник народа.

Спокойней правителя нищий живет:
Без денег, зато и без лишних забот.

На время пускают в мирскую обитель:
Придет, поживет и уйдет посетитель.

Скорбишь, потому что ушел он сейчас;
Потом не припомнишь закрывшихся глаз.

Приди добровольно в державу разлуки —
Себе я изгрыз бы в раскаянье руки.

Не плачь: разбудивший вернет забытью;
Воздвигший Каабу — разрушит ее.

* * *

Когда тебе жену и впрямь избрать угодно,
Останови, мой друг, свой выбор на бесплодной.

Смертелен каждый путь, каким бы ты ни шел,
Но путнику прямой особенно тяжел.

Так создан этот мир: один подходит к дому,
И дом освободить приходится другому.

* * *

Пора бы перестать печалиться о том,
Что истинных людей не сыщешь днем с огнем.

Ирак и Сирия — добыча разоренья,
И нет правителя, достойного правленья.

У власти дьяволы, и каждая страна
Владыке-сатане служить обречена.

Царь объедается и пьет из чаши винной,
Пока голодный люд терзается безвинно.

Присваивает грек и портит наш язык;
От речи прадедов араб-тайит¹ отвык.

В бою килабский лис² достиг такой сноровки,
Что копыя у него обвисли, как веревки.

Когда же наконец объявится имам,
Который цель и путь укажет племенам?

¹ А р а б - т а й и т — бедуин из племени тай.

² К и л а б с к и й л и с . — Имеется в виду племя бану килаб, одно из южноаравийских племен.

Молись как вздумаешь, теперь не станет хуже
Стране, загаженной, что твой загон верблюжий¹.

¹ Речь идет о захватнической политике Византии.

* * *

О, ранней свежести глубокие морщины,
Эдема юных лет сухие луговины!

Цель молодой души — утеха и отрада,
Но трудным временам пустых забав не надо.

Надежда смелая беспечный нрав утратит,
Когда ее, как стих, подрубят или схватят.

Неутомима жизнь в изобретенье горя,
А мы свои сердца вверяем ей, не споря!

Давно уже меня газели не страшатся,
Когда в моей степи, насторожась, ложатся.

Оставь, о человек, имущество пернатым,
Не тронь снесенного и будь им старшим братом.

Причесывается, торопится умыться,
Но пусть уходит прочь красавица певица.

Один ей снится сон: струящиеся платья,
Купанье в золоте и жадных рук объятья.

Твой урожай велик: ты вырастил пороки,
Но не поместится число их в эти строки.

А Кайсу волосы укладывали девы,
И тешили его их нежные напевы.

О всадник, ты в седле на несколько мгновений,
Гляди, слетишь с коня безудержных влечений!

Ты полон свежести, тебе прикрас не надо:
Что краше чистоты потупленного взгляда?

Отдай просящему последнюю монету —
Все собранное впрок рассеется по свету.

Пуškai горят ступни от зноя Рамадана¹ —
Плоть усмирай постом. Все — поздно или рано —

Закроются глаза, земное в землю канет,
Но небо звездами блистать не перестанет.

Пророки умерли, но западает в души
Остаток их речей, хоть и звучит все глуше.

Я вижу: прошлое — сосуд воспоминаний,
Открытый памятью для дружеских собраний.

Хосроев² больше нет, но летопись осталась,
А там забвение изъест и эту малость.

Лети, когда крылат, не бойся непогоды!
И коготь кречета обламывают годы.

¹ Рамадан — девятый месяц мусульманского лунного календаря — время поста.

² Хосрой — имя царей из династии Сасанидов.

Припомни, сколько птиц в дни поздней их печали
К насестам клеток их навечно привязали.

Хоть разум и велик в суждениях о боге,
Но мал окажется у бога на пороге.

Ложь в сердце у того, а правды нет и тени,
Кто лечит шарият лекарством рассуждений.

Судьба по правилам видения склоняет —
То подымает их, то снова опускает.

Вот облаков судьбы проходит вереница,
И разум кроткого бушует и мутится.

И в споре доводы рождаются без счета,
Мгновенно лопаюсь, как пузыри болота.

Быть может, каждого почившего могила
За жизнь безумную сполна вознаградила.

Нет следствий без причин, и я скажу: едва ли,
Когда бы не болезнь, мы, люди, умирали.

Вода уходит вглубь, а прежде на просторе
За плещущим дождем шла напролом, как море.

* * *

Как море — эта жизнь. Среди бурных волн плывет
Корабль опасностей, неверный наш оплот.

От страха смертного неверующий стонет,
Клянет всеобщий путь и в черной бездне тонет.

Когда б он только знал, что вера для него
Была бы горестней, чем смерти торжество!

Я тщетно прятался, как труп в немой могиле:
Меня и под землей обиды посетили.

Чутье не приведет ко мне гиен степных:
Дыханье лет сотрет следы ступней моих.

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

АДАМ МИЦКЕВИЧ
(1798—1855)

ШАНФАРИ¹

Поднимите верблюдов на резвые ноги!
Покидаю вас, братья, для бранной тревоги.
Время в путь. Приторочены вьюки ремнями,
Ночь тепла, и луна заблестала над нами.

Как в защиту от зноя есть тень у колодца,
Так для мужа укрытье от срама найдется,
И добро ему, если спасет его разум
От лукавых соблазнов и гибели разом.

Отыщу я друзей, не знакомых с изменой,
Буду рыскать по следу с голодной гиеной,
С пестрым барсом и волком охотиться вместе.
Нет меж них недоумков, забывших о чести,
Тайны друга хранить не умеющих свято
И коварно в беде покидающих брата.
За обиду они добиваются крови, —
Храбрецы! Все же я и храбрей и суровой.
Первый мчусь на врага и отставших не кличу,
Но стою в стороне, если делают добычу:
Жадность тут во главе со сноровкой своею;
Я же скромно довольствуюсь тем, что имею,

¹ Ш а н ф а р и — арабский поэт-лирик V—VI вв. Изгнанный из родного племени, вел жизнь одинокого кочевника, занимался разбоем. Был захвачен в плен и казнен.

И ни с чьим не сравнится мое благородство,
И достойно несу я свое превосходство.

Я не вспомню вас, братья мои, средь скитаний.
Не связал я вас узами благоденний,
К вам не льнуло вовек мое сердце мужское
У меня остается товарищей — трое:
Сердце жаркое, чуждое трусости злобной;
Лук, изогнутый шее верблюда подобно;
Меч за поясом шитым с цветной бахромою...
Тот ли лук мой точеный с тугой тетивой,
Что, стрелу отпустив, стонет грустно и тонко,
Словно мать, у которой отъяли ребенка.
Не хозяйка мне алчность, что в прахе влачится
И, вспугнув жеребенка, доит кобылицу;
Я не трус, что за женским подолом плетется
И без женской подсказки воды не напьется;
Непугливое сердце дано мне: от страха
Не забьется оно, словно малая птаха;
Я чуждаюсь гуляк, до рассвета не спящих,
Завивающих кудри и брови сурмящих.

Разве ночь хоть однажды с пути меня сбила,
Окружила туманом, песком ослепила?
На верблюде лечу — кипяток под ногами,
Щебень брызжет, вздымаются искры снопами,
И о голоде лютом средь жгучей пустыни
Я вовеки не вспомню в надменной гордыне,
Утоляю свой голод клубящейся пылью,
Чтобы он своему подивился бессилью.
Я имел бы, коль в нашем остался бы стане,
И еды и напитков превыше желаний,
Но душа восстает в эту злую годину
И покинет меня, если вас не покину;
Жажда мести мне печень скрутила в утробе,
Словно нить, что прядильщица дергает в злобе.

Я чуть свет натошак выхожу, как голодный
Волк, глотающий ветер пустыни бесплодной,
За добычей спешащий в овраг из оврага
Осторожный охотник, бездомный бродяга.

Воет волк. Он устал. Он измучился, воя.
Вторит брату голодному племя худое,
И бока их запавшие вогнуты, точно
Еле видимый в сумраке месяц восточный.
Лязг зубов — будто стрел шевеленье сухое
Под рукой колдуна иль пчелиного роя
Шум, когда он как черная гроздь с небосвода
Упадет на решетку в саду пчеловода.

Злобно блещут глаза, ослабели колена,
Пасть разверста, подобно расщепу полена;
Воет волк, вторят волки на взгорье пустынном,
Словно жены и матери над бедуином.
Смолк — другие умолкли. Ему полегчало,
И приятен был стон его стае усталой,
Будто в общности голода есть утоленье...
Воет снова — и вторят ему в отдаленье.
Наконец обрывается жалоба волчьа.
Чем напрасно рыдать, лучше мучиться молча.

Еду, жаждой томимый. За мной к водопою
Мчатся страусы шумной нестройной толпою.
Не обгонит меня их вожак быстроногий, —
Подъезжаю, — они отстают по дороге.

Дале мчусь. Птицы рвутся к воде замутненной.
Зоб раздут, клюв, над желтой водою склоненный,
Служит вестником жалкой их радости. Мнится,
На привале, шумя, караван суетится.
То в пески отбегут, то опять у колодца
Окружают кольцом своего полководца;
Наконец, из воды клювы крепкие вынув,
Удаляются, точно отряд бедуинов.

Мне подруга — сухая земля. Не впервые
Прижимать к ее лону мне плечи худые,
Эти тощие кости, сухие, как трости,
Что легко сосчитать, как игральные кости.

Снова слышу призывы военного долга,
Потому что служил ему верно и долго.
Как мячом, моим духом играет несчастье,
Плоть по жребию мне раздирают на части
Все недуги, сойдясь над постелью моею;
Неотступные беды мне виснут на шею;
Что ни день, как припадки горячки, без счета
За заботой меня посещает забота;
Надо мною, как скопище птиц над рекою,
Вьется стая тревог, не дает мне покоя, —
Отмахнешься сто раз от крикливой их тучи,
Нападает опять караван их летучий...

В зной сную босиком по пескам этим серым,
Дочь пустыни — гадюка мне служит примером.
И в богатстве, и в неге я жил от рожденья,
Но возрос — и окутал одеждой терпенья
Грудь, подобную львиной; и обувь упорства
Я надел, чтоб скользить по земле этой черствой.
В жгучий зной без палатки, в ночи без укрытья —
Весел я, ибо жизни привык не щадить я.
В пору счастья излишеств бежал я сурово,
Не был пойман я ленью пустоголовой.
Чутким ухом внимал ли я сплетне лукавой?
Клеветою боролся ли с чьей-нибудь славой?

Я ту черную ночь позабуду едва ли,
Столь холодную ночь, что арабы сжигали,
Греясь, луки свои и пернатые стрелы,
В бой спешил я средь мрака, могучий и смелый;
Пламень молний летел впереди как вожатый,
Были в свите моей гром и ужас крылатый.

Так — вдовство и сиротство посеял я щедро,
Ночь меня приняла в свои черные недра,
Утром я в Гумаизе лежал утомленный;
И бежала молва по стране опаленной,
Вражьи толпы шумели, друг друга встречая,
Вопрошала одна, отвечала другая:
«Вы слышали, как ночью ворчала собака,
Словно дикого зверя почуя средь мрака
Иль услышав, как птица крылами взмахнула?
Заворчала собака и снова заснула...
Уж не Див ли столь многих убил, пролетая?
Человек?.. Нет, невыслима ярость такая...»

Днем, когда небосвод полыхал, пламенея,
И от зноя в пустыне запрыгали змеи,
Снял чалму и упал я на гравий кипящий.
Мне на темя обрушился пламень палящий,
Космы грязных волос залепили мне веки
Колтуном, благовоний не знавшим вовеки.

Жестко лоно пустыни, лежащей пред нами,
Словно кожа щита. И босыми ногами
Я ее исходил без воды и без хлеба;
Видел скалы я там, подпиравшие небо,
И на скалы, как пес, я взбирался по щебню;
Видел я антилоп, посещавших их гребни:
В белоснежном руне, словно девушки в длинных
Белых платьях, стояли они на вершинах;
И, пока я взбирался, хватаясь за камни,
Стадо их без тревоги смотрело в глаза мне,
Будто я их вожатый с рогами кривыми...
То крестца своего он касается ими,
То, за выступ скалы зацепясь на вершине,
Повисает на них в бирюзовой пустыне...

А. А. Тарковский. Переделкино. 1984 г.

РИСУНКИ А. А. ТАРКОВСКОГО 1920-х — 1930-х гг.

НЕЛЮБИМЫЙ КОШКАМ
ПЁС ОДИН НА СВЕТЕ.

А. А. Тарковский (крайний справа в верхнем ряду) с группой советских писателей в Лонжюмо (Франция). Апрель 1966 г.

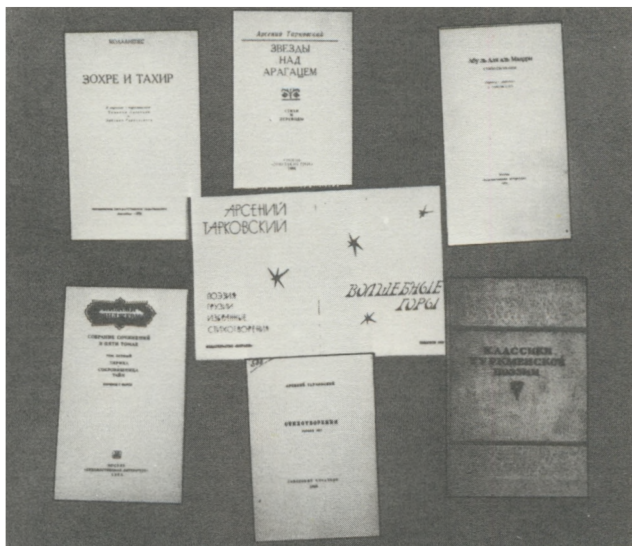

А. А. Тарковский. Москва. 1970-е гг.

Могила рода Тарковских в Дагестане.

Книги А. А. Тарковского.

М. И. Вишнякова (сидит слева) с детьми Мариной и Андреем. Хутор Горчаковых. 1936 г. Фото Льва Горнунга.

Андрей Тарковский на съемках фильма «Ностальгия». Фото Нормана Моццато.

А. А. Тарковский. Москва. 1981 г. Фото А. Кривомазова.

АЛЬМОТЕНАББИ¹

О, доколе топтать мне песчаные груды,
За высокими звездами мчаться в тревоге?
Звездам ног не дано, не устать им в дороге,
Как в степи устают человек и верблюды.

Смотрят звезды — и нет у них вежд воспаленных,
Как тяжелые вежды скитальцев бессонных.

Лица наши обуглены солнцем пустынным,
Но не стать уже черными этим сединам.

Судия ли небесный к нам будет жесточе
Наших дольних, не знающих жалости судей?
Я не жажду в пути: дождь омоет мне очи
И воды мне оставит в дорожном сосуде.

Я верблюдов, не гневаясь, бью в назиданье:
Да поймут, что идут с господином в изгнание.

Говорил я верблюдам, пускаясь в дорогу:
«Пусть нога подгоняет без усталости ногу!»

¹ Альмотенабби — знаменитый арабский поэт X в.

И, покинув Египет, рванулся стрелою, —
Джарс и Аль-Элеми у меня за спиною.

Конь арабский за мною летит, но покуда
Голова его — рядом с горбами верблюда.

Знает стрелы дружина моя молодая,
Как ведун, что их сыплет на землю гадая.

Воин снимет чалму — вьются волосы черной
Шелковистой чалмой, на ветру непокорной.

Первый пух над губою, — а если нагрянет —
Свалит всадника наземь, коня заарканит.

Больше жданного войны взяли добычи,
Но несытую ярость я слышу в их кличе.

Мира, словно язычник, не хочет мой воин,
И, встречаясь с врагом, он, как в праздник, спокоен.

Копья, в сильных руках заиграв на раздолье,
Научились свистеть, словно крылья соколы,

А верблюды, хоть в пене, но жесткой стопою
Топчут Рогль и Янем, красят ноги травою.

От чужих луговин отдаляемся ныне,
Там — на дружеской — мы отдохнем луговине.

Нас не кормит ни перс, ни араб. Приютила
Дорогого султана Фатиха могила,

И в Египте подобного нет на примете,
И другого не будет Фатиха на свете.

Не имел ни сильнейших, ни равных по силе, —
С мертвецами Фатих уравнился в могиле.

Напрягал я мой взор, повторял его имя, —
Мир пустым пребывал пред глазами моими.

И увидел я снова дороги начало,
Взял перо и вступил с ним в былую забаву;
Но перо языком своим черным сказала:
«Брось меня и мечом зарабатывай славу.

Возвращайся ко мне после трудного боя.
Меч прикажет — перо не запросит покоя».

Так перо наставляло меня в разговоре.
Нужно было б от глупости мне излечиться,
Не послушался я — и мой разум не тщится
Опровергнуть, что сам он с собою в раздоре.

Можно цели достичь лишь оружием да силой,
А перо никого еще не прокормило.

Если только ты принял скитальческий жребий,
Для чужих ты — как нищий, молящий о хлебе.

Племена разделяет неправда и злоба,
Хоть единая нас породила утроба.

Буду гостеприимства искать по-другому,
И с мечом подойду я к недоброму дому.

Пусть железо рассудит, кто прав в этом споре:
Угнетатель иль те, кто извели горе.

Мы надежных мечей не уроним до срока:
Наши длани — без дрожи, клинки без порока.

Мы привыкнем глядеть на страдания беспечно:
Все, что въяве мы видим, — как сон, быстротечно.

И не жалуйся: каждое горькое слово,
Словно коршуна — кровь, только радует злого.

Вера прочь улетела и в книгах осела,
Нет ее у людского реченья и дела.

Слава богу, что мне посылает в избытке
И труды, и несчастья, но также терпенье:
Я в изгнанье моем нахожу наслажденье,
А другие в неслышанной мучатся пытке...

Удивил я судьбу, ибо выстоял гордо,
Ибо телом я тверже руки ее твердой.

Люди стали слабее метущейся пыли.
Жить бы древле, а ныне лежать бы в могиле!

Время смолоду наших отцов породило,
Нас — никчемных — под старость, с растраченной
силой...

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

НИЗАМИ
(ок. 1141 — ок. 1209)

* * *

Расступился черный мускус, и она всплыла вчера.
Оттого пришли в порядок все мои дела вчера.

Луноликая спешила, соглядатаев боясь,
Полотно с Луны срывая, розы обожгла вчера.

На жемчужину глядел я, глаз не властен отвести,
Словно по моим ресницам — влажная — сошла вчера.

И покоились мы рядом. Пробудилось — и бегом
Счастье резвое пустилось, чуть сгустилась мгла вчера,

«Ухожу! — она сказала. — Что мне дать в залог тебе?» —
«Поцелуй», — я той ответил, что мне жизнь дала вчера.

Я проснулся, опаленный, и огонь во мне горит, —
Впрямь была вода живая в той слезе светла вчера.

Головою ширваншаха вам клянется Низами:
Лишь во сне со мною вместе милая была вчера.

* * *

Впору мне груз твой! Скажешь — немолод, — пусть!
Ношу приемлю. Путь не прополот? Пусть!

Страсти, тобой мне внушенной, пью я хмель:
Яд примешан тобой в чистый солод, — пусть!

Мной не гнушайся — ты мне дороже всех.
Если сердцем твоим правит холод, — пусть!

Жду я тебя, насытый. Жду, изнемог.
Пусть утоленьем кончится голод, пусть!

Ах, Низами, в саду твоём — соловей:
Роза цветет, шипом он проколот... пусть!

* * *

В ночи я знаю: сердце мне от той отвлечь придется,
На чьей дороге утренней мне снова лечь придется.

Возлюбленная избрана, и, чтоб избрать другую,
Придется сбросить эту жизнь, вторую влечь придется.

Луна! Тебе я жертвой стал, — благословен твой
праздник! —
Мне по твоим глазам гадать — как ни перечь —
придется.

Попоной твоего коня я голову прикрою,
Воительница! Вновь ронять мне жалкий меч придется.

В дар на пиру прими меня, — ужели жемчуг слезный
Мне в золотом ларце моем всю жизнь беречь придется?

С дороги убери скорей обычай ранить сердце,
Горячей кровью мне залить дорогу сеч придется.

Из сердца эта влага бьет, из глаз моих струится, —
Прах Низами у ног твоих — ей смыть и сжечь придется!

* * *

Ты видишь: я твой давний друг, — зачем томишь тоской
меня,
Зачем отталкиваешь ты с небрежностью такой меня?

Коль спросишь о беде моей, оставь меня в моей беде,
Коль озабочу я тебя, забудь в заботе злой меня.

Я пред людьми тобой горжусь, но как меня стыдишься
ты!
Я приношу тебе любовь, а ты даришь враждой меня.

Какой бы цвет ни приняла, — и я такой же цвет приму,
Аллаха славь, носи зуннар, увидят все с тобой меня.

Коль скорбь моя не тяжела, тебе со мной скорбеть легко,
А если я пред ней склонюсь, прогонишь с глаз долой
меня.

Своим сокровищем тебя всегда признает Низами.
Тебе пристало унижать, казня своей рукой меня.

* * *

Тюрки рабами индийскими стали — рядом с тобой.
Глаза дурного бы не замечали — рядом с тобой!

Пряди волос моих — лишь за единый твой волосок
Жертвой достойною стали б едва ли — рядом с тобой.

Я напоил тебя влагою сердца — чистым вином;
Печень мою истерзают печали — рядом с тобой.

* * *

Розу пологом колючим твой всеильный взгляд закрыл,
Вижу я зуннар на розе: лик твой вешний сад закрыл!

От стыда перед тобою зарумянился бутон,
И зардевшиися щеки он в кругу досад закрыл.

А когда свою поклажу развязал твой черный зульф,
Цвет фиалки на замочек свой цветочный склад закрыл.

И одним крылатым словом твой прекрасный аргаван
Наших лилий говорливых чаши все подряд закрыл.

О своем желанье новом розе на уход скажи,
Хоть нарцисс глаза на это много дней назад закрыл.

Соловей красноречивый состязался с Низами,
Но, газель услышав эту, клюв свой, говорят, закрыл.

ИЗ ТУРКМЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

МАХТУМКУЛИ (ФРАГИ)¹
(ок. 1730—1780-е гг.)

ИЗГНАННИК

Я на родине ханом был,
Для султанов султаном был,
Для несчастных Лукманом² был,
Одеянием рдяным был,
Жизнью был, океаном был —
Жалким странником ныне стал.

Для слепого я зреньем был,
Для немого реченьем был,
Дум народных кипеньем был,
Душ влюбленных гореньем был,
Пеньем был, угощеньем был —
Нищим я на чужбине стал.

Я, Фраги, ятаганом был,
Я червонным чеканом был,
Роц небесных рейханом³ был,
Над горами туманом был,
Был счастливым, желанным был,
Был дворцом — и пустыней стал.

¹ Ф р а г и́ — псевдоним Махтумкули, букв.: разлученный.

² Л у к м а н (Лухман) — мусульманский пророк, являвшийся, согласно преданию, также мудрецом и медиком.

³ Р е й х а н — базилик, душистая трава.

НАШЕСТВИЕ

Бежал хозяин лавки; моей торговле
Конец пришел до срока. Что делать мне?
Разбойник тешит сердце кровавой ловлей
В убежище порока. Что делать мне?

Муж обернулся трусом, рабы — мужами,
Лев обернулся мухой, а мухи — львами,
Темница стала домом, часы — веками...
Пред полчищами рока что делать мне?

Что делать, если сердцу любви не надо?
Сорвали кизылбаши¹ завесу ада.
Растоптана отчизна — моя отрада,
Мой сад — пятой жестокой. Что делать мне?

Лежит на пленном слове печать запрета.
Невольничьи базары шумят с рассвета.
Где честь народа? В саван душа одета
И страждет одиноко. Что делать мне?

¹ К и з ы л б а ш и (букв.: красноголовые — от красных шапок, вокруг которых обматывалась чалма) — первоначально так назывались турки, поддерживавшие иранцев; позднее прозвище было перенесено на всех жителей Ирана, мусульман-шиитов.

Погублены врагами мои дестаны¹;
Наставники — в темницах. Слезами пьяный,
Фраги пытается ветер: где караваны?
Один в степи широкой... Что делать мне?

¹ Д е с т а н — сказание, поэма.

СУДЬБА

Судьба! Что делаешь, судьба!
Свет у меня в глазах мутится;
Теснятся под землей гроба,
Глотает пленников темница.

Судьба, ты вышла на грабеж,
В твоей руке сверкает нож;
Терзаешь душу, тело жжешь,
И некого тебе страшиться.

Судьба, где твой попутчик — волк?
Мой разоренный край умолк;
На пепелищах вражий полк
Твоею помощью гордится.

Судьба, где брат Махтумкули?
Его на пытку повели,
Он мертв. Я трепещу в пыли —
Тобой подстреленная птица.

БЕДА

Меня беспощадный преследует рок,
Базар мой разграблен, доходы рассеялись.
Мой разум под гнетом беды изнемог,
Желанья, как вешние воды, рассеялись.

Смотрите: я сброшен с весов бытия,
Недужна любая кровинка моя.
Убийцы пришли в золотые края
И приняли власть, и народы рассеялись.

Упал на глаза мои сонный туман,
Сковал вдохновенные речи дурман.
Теплом отдаленный дохнул Дехистан —
Те ветры в часы непогоды рассеялись.

Фраги! Где крылатые струги твои?
С тобою остались недуги твои,
А счастье пропало; заслуги твои,
Надежды и лучшие годы — рассеялись.

ДНИ

Древнее вас, вершины гор,
Идут полуживые дни.
Возьмите, горы, мой позор,
Душе моей чужие дни!

Я горьким сиротою стал,
Я веткою сухою стал,
Безрадостной весною стал,
Встречая роковые дни.

Мамед-сапа и Абдулла
Исчезли; с ними жизнь ушла.
Невеселы мои дела,
И сумрачны пустые дни.

Потомство сгнуло мое,
Из рук я выронил копье;
В Тавризе б я нашел жилье,
Да помешали злые дни.

Махтумкули — безвольный прах.
О боже, я в твоих руках!
Гоклены¹, мой народ, в слезах:
Ведут врагов глухие дни...

¹ Г о к л е н ы (геклены) — одно из туркменских племен.

ЖАЛОБА

Я в державе страстей. Мне страдания сердце сожгли.
Счастьем я обойден. Мой престол истлевает в пыли.
Ежедневно сменяются гости на пире земли.
Где прямые мужи? Их следы затерялись вдали.
Где отец мой? Где брат мой? — Утратив друг друга, ушли.

Онемели уста мои — в пальцах держу я слова;
Притупился мой слух — только дикая жажда жива.
На коне прилетела разлука, и я, как трава,
Как слуга, — перед нею склонился. Моя голова
Помутилась. Горючие слезы из глаз потекли.

Мир, безжалостный мир, погружаясь в туман, зарыдал;
Закатилась луна, и вдали океан зарыдал;
Разгадав мой недуг, равнодушный Лукман зарыдал;
Вспоминая богатство мое, Сулейман¹ зарыдал;
Жизнь тюрьмой обернулась, и мой приговор изрекли.

Онемел ураган, посетивший земные края,
И весна в этот год миновала притин бытия, —

¹ Сулейман — арабская форма имени библейского царя Соломона; почитается в исламе как пророк.

Слишком яростен рок, я погибну, любовь затая,
Мой напиток — цикута, и саван — одежда моя.
Торжествует палач. Я — Меджнун, потерявший Лейли¹.

Пред моими страданиями раем становится ад.
На почетных местах беззаконники злые сидят.
Подозрения полон былого попутчика взгляд.
Горький жребий мне выпал, и новые беды грозят.
Став незримыми, в жертву святые себя принесли.

И прибрежные камни уносит кипучий поток.
Где отец мой? Где мать? На земле я, как перст, одинок.
Петь не будет Менгли;² сторожит ее крепкий замок.
Ибрагимом³ я стал и в любовном огне изнемог.
Пламя плещет в саду, где когда-то цвели миндали.

О друзья, пожалейте седины моей головы
И не делайте этих признаний игрушкой молвы,
Если в дружбе со мною остаться желаете вы;
Так велел Сулейман, — а его почитаете вы! —
Вот смиренная жалоба вашего Махтумкули.

¹ М е д ж н у н — букв.: безумный, одержимый; герой романа «Лейли и Меджнун», образ безумно влюбленного юноши.

² М е н г л и — имя возлюбленной Махтумкули; о ней говорится в целом ряде его стихов.

³ И б р а г и м — мусульманский пророк, соответствующий библейскому патриарху Аврааму.

КРУГ

Я в час, когда блеснул рассвет,
На Сонги-даг¹ ступил, о люди!
Потоки вод эренам² вслед
Я вброд переходил, о люди!

Я слушал клики лебедей,
Играющих среди зыбей;
Подругам юности моей
Я отдавал свой пыл, о люди!

Я рыскал по степи верхом,
Склонялся над степным цветком,
Я неимущих серебром
И золотом дарил, о люди!

Бежал я помыслов дурных,
Служил мне конь удач моих;
Абикевсерских³ вод хмельных
Я сорок чаш испил, о люди!

¹ Сонги-даг — гора Сонги.

² Эре ны — святыя мусульманской церкви.

³ Абикевсер — «воды Кевсера», источника, протекающего, по представлению мусульман, в рай.

Я беден был, ходил в слезах,
А завтра — мерил в небесах
Просторы синие — размах
Моих могучих крыл, о люди!

На тетиве родной страны
Я был стрелой в часы войны;
Из рая милой без вины
Я жизнью изгнан был, о люди!

Пускай ценители придут,
Суд надо мной произнесут, —
В огне страстном окреп мой труд:
Я двадцать лет любил, о люди!

Поет Фраги: моя спина
В горбатый лук превращена,
Я закатился, как луна,
Свой круг я завершил, о люди!

МЕДРЕСЕ ШИР-ГАЗИ¹

Три года, что ни день, ты соль делил со мною, —
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!
Ты мне приютом был зимою и весною, —
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Господь мне подал знак, и завязал я пояс.
Я речь обрел, твоих сокровищ удостоюсь.
«Приди!» — сказали мне геркезы², беспокоясь;
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Я буду жить, врага и друга различая,
Мне истина теперь — союзница святая;
Была мне книга здесь открыта золотая.
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Мой разум беден был, но чаша закипела,
И сердце замерло, душа моя запела...

.³
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

¹ Медресе — высшая мусульманская школа. В медресе Шир-гази, в Хиве, закончил свое образование Махтумкули.

² Геркезы — один из родов туркменского племени голен.

³ Соответствующий стих подлинника утрачен.

Мой дух разгневанный да не узнает страха,
Да не погрязнет он среди мирского праха!
Тобой воспитанный, он брошен в мир с размаха...
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Нетерпеливый ум, лишенный света знаний,
Не раскрывая тайн, заблудится в тумане;
А для меня коня ты оседлал заране.
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Я думал: и в песке я стану водолазом,
Беспечно воспарит мой окрыленный разум.
Да насладится мир, припав к моим рассказам...
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Расцвета я достиг. А ныне злая сила,
Вручив мне посох мой, отца меня лишила,
С каабою моей жестоко разлучила.
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Среди ревуших волн ищу желанной мели;
Я перешел Джейхун — и ливни зашумели,
Попал я в водоверть. Прости, приют веселий,
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

Не ранили души минутных бед уколы;
Наставников своих высокие глаголы
Любил Махтумкули. Прощайте, двери школы!
Прости, я уйду, прекрасный Шир-гази!

ПЕВЕЦ

Слушай, рок, слепец бездомный, —
Как свирель, мой стих поет;
Что ж глушит его твой темный,
Твой губительный полет?

Одного желанья мало,
Чтобы дело делом стало.
В сердце мне любовь запала,
Тяжек сердцу давний гнет.

Силе времени покорный,
Серебрится волос черный,
И охотника — озерный
Серый гусь давно не ждет.

Предстает мне мир базаром
С жалким нищенским товаром;
Царский крик мой не даром
Сонных век не разомкнет.

Я скитался по юдоли,
Я искал счастливой доли;
Как боец на ратном поле,
Стрелы слов я слал в народ.

Нужен лев мирской пустыне,
Трон — властительной гордыне.
Вековечные твердыни
Подвиг мой переживет.

Сердца пламень сокровенный
Разольется по вселенной;
Мой дворец — мой труд нетленный, —
Что кременный кряж встает.

У светил — сиянье мира,
У меня — страданье мира,
В небесах — желанье мира —
Пленная Менгли живет.

В старом сердце — упованье,
Вера в дальнее свиданье;
В ослепительном сверканье
Рай на землю низойдет.

Мне судьба судила горе,
Я тону в любви, как в море,
Пусть пред милой в звездном хоре
Голос мой не пропадет.

Боже, где моя награда
За мученья горше яда?
Без подруги мне не надо
Мира этого щедрот.

Времена идут лихие,
Души мучатся людские,
И красавицы другие
Водят вешний хоровод.

Соловью — цветок любимый,
Мне, Фраги, — народ родимый;
Стих мой скромный, стих гонимый
Правнук мой произнесет.

ПЛАЧ

Я — погребенный в пустыне мертвец,
И мертвецами я буду оплакан.
Не насладившийся жизнью слепец —
Даже глупцами я буду оплакан.

Странник — весь мир обошел я кругом,
В городе горя остался — и в нем
Гибну. Голодным степным вороньем
И ястребами я буду оплакан.

Как мне воспрянуть? Я болен, я слаб,
В тяжких цепях истомился, как раб,
И на огне превратился в кебаб,
И вертелами я буду оплакан.

Сердце трепещет, и согнут мой стан,
Стоны мои поднялись, как туман,
Слезы в кипучий слились океан...
Всеми слезами я буду оплакан.

Лалы рождаются в ущельях немых,
Ливни плодятся от жалоб моих,
Горы плывут — и в волнах смоляных
Тают. Камнями я буду оплакан.

Разум безмолвствует, Махтумкули.
Маются дети туркменской земли.
Пйры¹ толпятся, ишаны² пришли.
Даже врагами я буду оплакан.

¹ П и р — старец-духовник, духовный наставник, руководитель общины верующих.

² И ш а н — духовное лицо у мусульман, обычно глава общины дервишей (мусульманские мистики, своего рода монахи).

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ

1. РАСКАЯНИЕ

Полвека на свете я прожил, друзья,
Со старостью совесть моя охладела.
И тает — о господи! — сила моя,
И точат несчастья недужное тело.

Мне горько — я истину мало любил.
Кончается жизнь, но не гаснет мой пыл,
И духом я тот же, что в юности был,
Да жаль: борода у меня поседела.

А сердце мирская влечет суета,
И очи мне женская жжет красота,
И кривдой мои одержимы уста,
И страсти толкают на черное дело.

И если откажет мне в помощи бог,
Куда мне бежать от предсмертных тревог?
Я — суетен, правде служить я не мог,
И ранняя вера моя оскудела.

Не верю звезде моего бытия,
Черна, словно уголь, недоля моя,
Покинуло счастье родные края,
Душа моя тщетно проснуться хотела.

Судьба моя бурной и страстной была,
Дурные порой совершал я дела;
Прости меня, боже, пока не дошла
Моя многогрешная жизнь до предела.

Фраги задыхается в лютном огне,
Скорбит о себе, как скупец о казне:
И страх и надежды гнездятся во мне.
Души моей жертвою ада не делай!

2. В МАЗАНДЕРАН¹

Да будет нам спутником отчий народ,
Когда мы и впрямь поведем караван!
Доверимся Ною средь пенистых вод,
Дорогу держа на седой океан.

Нам древние горы поклонятся вслед,
На родину ветер помчится чуть свет, —
Когда принесет он от милой ответ,
Певучее имя впишу я в дестан.

Я стар. Я поистине много скорбел,
Судьбою запродан мой светлый удел.
И те пятьдесят неминуемых стрел
Остались в душе, изнемогшей от ран.

¹ М а з а н д е р а н — одна из областей Ирана на побережье Каспийского моря.

Мне были примером Тахир и Фархад¹.
Безумец — я в пламя лечу наугад.
Крыла у меня за спиною горят, —
Умру — не узнает Менгли, мой султан.

Я славлю владычицу мира Менгли,
Я кличу подругу мою из дали.
Страданья разлуки мне печень сожгли,
А слава Менгли полонила Иран.

В скитаниях помни родимый народ,
Язык обуздай, избегая длиннот;
Готовься, Фраги, собирайся в поход!
Купцы направляются в Мазандеран...

¹Т а х и р — герой сказания «Тахир и Зохре», образ безумно влюбленного юноши. Ф а р х а д — герой сказания «Фархад и Ширин», образ юноши, верного любви и дружбе.

СЕРДЦУ

Довольно, сердце! Разомкни свой круг:
Я стражду в нем, как жалкий пленник в яме.
Жестокое, избавь меня от мук,
Не дай мне, сердце, изойти слезами.

Мой век промчался, как единый миг.
Я видел цель, но цели не достиг;
Был одинок — смутился и поник,
Обманутый тобою и мечтами.

И, как слепой, склонив главу свою,
Поддерживая ближнего, пою,
И стоны шлю в зенит, и слезы лью,
Чуть белый свет забрезжит над степями.

Ты на дороге ждешь меня. Потом
С тобою мы извечный спор ведем,
И тяжело мне: я пьян твоим вином,
Я одинок, ты — что ни день — упрямей.

Но, может быть, иной понять готов
Беду мою и силу этих слов;
Мой голос прогремит среди холмов.
Суров господь, и меч его — над нами.

Ни разума, ни глаз я не берег,
Желаниям препятствовать не мог,
И плачу я в сетях земных дорог,
А жизнь летит, как птица бьет крылами.

Бегу от гнета и горю в огне,
Я ликовал, служа твоей весне;
Был этот мир плохой опорой мне,
Остался я в пустыне с мертвецами.

Закрыв глаза, держал я путь в Иран;
Судьбой влекомый, я попал в Туран;
Трубит над миром вечный ураган,
Владеющий безумными сердцами.

Меня кружил и гнал великий страх,
Я золотом считал ничтожный прах,
Я видел гнет, я видел скорбь в домах,
Дела пустые были мне друзьями.

И жажду я и тщетно жду дождя,
И пламенеет месяц, восходя;
Года летят, за днями дни веда,
И я блуждаю, одержимый снами.

Мне кровь и желчь дают взамен питья.
И тяжело мне бремя бытия.
Я полюбил — и стал Меджнуном я,
Красой Лейли опутан, как цепями.

Зовешь ты, сердце, в Чин-Мачин, в Герат¹,
В подземный ад, где высится Сират...²
А родинка чернеет, и горят,
Горят глаза под круглыми бровями.

Напрасно я чистосердечен был:
Погашен роком юношеский пыл.
А все-таки я зла не полюбил —
День истины мне светит и ночами.

Но в море справедливости мой плот
Не движется. Летит за годом год;
Как дервиш, раб Махтумкули бредет
К далекой тайне узкими путями.

¹ Ч и н - М а ч и н — общее название для стран Дальнего Востока, для Китая, Восточного Туркестана и Индокитая. Г е р а т — город в Афганистане.

² С и р а т — сказочный мост, перекинутый над адом. Согласно легенде, он тоньше женского волоса и острее лезвия меча. Грешники, которым в день Страшного суда предстоит пройти по Сирату, сорвутся с него и попадут в ад.

СМЕРТЬ ОТЦА

Рок, я встретил тебя, я искал тебя сам, —
Где очей моих свет, мой отец Азади?¹
Я швырнул свое сердце неистовым псам.
Где сыновней державы венец — Азади?

Где имам? Я стою как пустая мечеть.
Где луна? Небесам не дано просветлеть.
Мне потока бездонного не одолеть:
Где спаситель мой, где тот пловец — Азади?

Стали речи мои, словно горький дурман,
Пожелтело лицо у меня, как шафран,
Пал на очи мои непроглядный туман.
Где алтарь мой, где мой образец — Азади?

Время, скалы расплавив, обуглило дол,
И живой отлетел, и усопший пришел;
Мертвецы окружили господень престол:
Где народа родного певец — Азади?

¹ А з а д и — псевдоним, которым подписывал свои поэтические произведения отец Махтумкули Доулет-Мамед.

Земли стали морями и кровью — моря,
Хумы¹ — чашами, чаши — загублены зря.
Ремесло мое — горе. Я гибну, горя.
Где покой и отрада сердец — Азади?

Обращается к господу мертвая плоть:
«Хоть единое слово промолви, господь!»
Не угодно создателю смерть побороть.
Где высокого духа творец — Азади?

Точит слезы Хизир², и скорбит Сулейман,
Иноверцы рыдают среди мусульман,
Белым паром на небо взошел океан:
Где опора гокленов, боец — Азади?

Рок! тебе ли моей торговать головой,
Иль на горло твое наступлю я ногой! —
Выходи, я тебя вызываю на бой!
Где рейхан мой, где сада жилец — Азади?

Божье ухо оглохло в мой горестный час,
Затвердела земля моя, словно алмаз...
О муллы без Корана, о пиры без глаз!
Где холм праведных, верный борец — Азади?

Рок! ты солнце мое черным платом забрал,
Ты веселье у бедного сердца украл.
Бога нет у Фраги, веру он потерял.
Где ты, честь моя, где мой отец — Азади?

¹ Х у м — большой глиняный кувшин; сосуд для вина.

² Х и з и р (хызр — «зеленый») — почитаемый в исламе святой, владетель источника живой воды и покровитель путников.

СТАРОСТЬ

Из колен моих сила бывая ушла,
И один я со старостью злою остался.
И в зрачках моих страсть догорела дотла,
И в холодной золе я золою остался.

Я скитался по Неджду, свой разум кляня,
И Меджнун меня проклял, в долину гоня;
Мертвецы умоляли о жизни меня;
Мир томиться над жалкой казною остался.

Я печали бежал, раздарил, что имел,
И, любовью пресытись, от слез онемел;
Мне на голову годы просыпали мел,
На морозе я мертвой лозою остался.

Телу — хлеб и одежда, джигиту — враги,
Песне — лучшее слово... О сердце, не лги!
Нет, не туром, а глупым теленком Фраги —
Растерявшимся над крутизною — остался.

СЫН

I. СМЕРТЬ

Скажите лжецам и глупцам —
Настало их подлое время.
Скажите безумным скупцам —
Казна — бесполезное бремя.

Скажите подруге моей —
Растерзан я на сто частей;
В песках раскаленных степей
Сгорело пшеничное семя.

Базар мой расхищен, я пьян,
Я болен, я гибну от ран,
Слепит меня горный туман
И грузом ложится на темя.

Мой сын не дождался меня:
Он мертв. Из Хивы я три дня
Скакал, и язвило коня
Мое сумасшедшее стремя.

Ты смотришь на лик восковой.
Фраги, в этот час роковой
Молчи. Твой язык огневой
Печалит родимое племя.

2. СЛЕЗЫ

Меня настиг мучитель-рок,
Тяжелая пора настала.
Я сына не сберег, друзья,
Душа моя, что рана, стала.

Оставила весна мой дол,
Повержен золотой престол,
Ветвь нежная, покинув ствол,
Добычей урагана стала.

Смерть невозможно обмануть.
Какой удар я принял в грудь!
Плоть жалкая моя тонуть,
Как челн средь океана, стала.

Терпенья нет, и воли нет,
Желанья жить в юдоли нет.
Мне вести ниотколе нет,
Пустыней жизнь так рано стала.

В огне скорбей и злых тревог
Трепещет сердце-мотылек;
Я сгорбился, я изнемог,
Слеза моя багряной стала.

Пью жгучей горечи настой.
Как жить у горя под пятой?
Мне все — тщетою и нищетой
Без моего султана стало.

Махтумкули, от слез больной,
Взывает: сжальтесь надо мной!
По воле рока в час дневной
Какая темнота настала!

3. СТРАНСТВИЕ

Душа моя пылает,
Метнувшись наугад.
Муфти¹ Коран читает,
От бога ждет наград.

У тех — дитя рождается,
У тех — растет юница;
А тополь серебрится.
И рвется ветер в сад.

Лицо старуха прячет
И втихомолку плачет;
Джигит за славой скачет
Куда глаза глядят.

Те служат на чужбине
Наживе и гордыне,
А те свой дух в пустыне
Охотой веселят.

В дому нужда гнездится,
И слезы льет вдовица,
А в дверь мулла стучится:
То подать, то зекат².

¹ М у ф т и (муфтий) — одно из высших лиц мусульманского духовенства, имеющее право выносить самостоятельные решения по вопросам ислама.

² З е к а т — религиозная очистительная милостыня; взималась в обязательном порядке как подать, налог.

Судьба грозит разлукой,
И вера стала мукой;
Завистник длиннорукий
На хлеб твой пялит взгляд.

Муж на коня садится
И мчится, словно птица,
Туда, где кровь струится
И стаи стрел свистят.

Махтумкули едино —
Гора или долина.
А руки ищут сына,
Обнять его хотят...

ФРАГИ

Что ты сделал, садовник-рок?
Лег на розы морозный иней.
Обмелел мой речной поток,
Нет горы моей на равнине.

Раб — хозяин и бек¹ теперь,
Вор — святой человек теперь;
На висках моих — снег теперь,
Нет времен моих и в помине.

Помоги мне в беде, пророк!
Сжал мне горло убийца-рок.
Трупы, трупы в пыли дорог...
Пребывает мой дух в кручине.

Плачет месяц во тьме ночей,
Ад бушует в стране моей.
У других — табуны коней,
А хромой — без коня в пустыне.

Рок меня уловил; он рад,
Что пред нищим разверзся ад.
Всюду сети его стоят,
Я лишен его благостыни.

¹ Бек — дворянин, феодал; в ханствах Средней Азии — также правитель области, губернатор.

**Злые муки тебя сожгли,
Собеседники прочь ушли —
Плачь, несчастный Махтумкули,
Называйся Фраги отныне.**

ВЛЮБЛЕННЫЙ

Зоhre¹ небесная взошла, —
Совсем влюбленный пьян сегодня!
Земля тюльпаном расцвела,
Вселенная — рейхан сегодня!

Хмельные — в полузабытьи
Поют о розах соловьи.
Где слезы прежние твои?
Ты в жертву милой дан сегодня.

Отчизна меда пред тобой,
Цветочный мир, шатер цветной.
Пришел садовник молодой
И обнял гулистан сегодня.

Возлюбленная, без подруг
Одна приди на вешний луг!
Безумной песни каждый звук
Тобою осиян сегодня.

Вчера еще причина слез,
Мне счастье шах любви принес;
В моих долинах столько роз!
В горах такой туман сегодня!

¹ Зоhre — планета Венера; также излюбленное имя девушки. В переносном смысле — образ влюбленной девушки; героиня сказания «Тахир и Зоhre».

Как барс, добычу береги,
Народа верный сын — Фраги!
Больным любовью помоги:
Певец — для них Лукман сегодня!

СКИТАЛЕЦ

Соль желаний всенародных,
Боль мечтаний полюбил я.
Розу лунную — в небесном
Океане полюбил я.
Соловей — и шум и ссоры
В гулистане полюбил я;
Водоверть косы тяжелой
Как в дурмане полюбил я;
Степь меня околдовала:
Путь скитаний полюбил я.

Гнал меня жестокий жребий
Через реки и долины.
Предо мною промелькнули
Горы Мекки и Медины;
Я блуждал в садах эдема,
Видел прозрачные крины¹,
И меня заполонили,
Привели в страну кручины;
Что мне делать? Сто печалей,
Сто страданий полюбил я.

¹ К р и н — лилия.

Я один. В песках пустыни
Потонул мой взгляд. О горе!
Для чего ты стрелы мечешь?
Ранен твой Фархад. О горе!
Ты мне сердце истерзала.
В жилах — желчь и яд. О горе!
Ослепленные надежды
По ветру летят. О горе!
Так — рыдая — уголь жаркий
Заклинаний полюбил я.

Что за море предо мною?
Что за дикие утесы?
Догорающее тело
Жалят огненные осы.
Кто ты: горлица? орлица?
Соловей среброголосый?
По семидесяти тысяч
Жалких пленных губят косы.
Киноварный шелк на тонком
Стройном стане полюбил я.

Приходи! Иль ты не видишь,
Как влюбленный раб томится,
Как меня в неволю манит
Черных кос твоих темница?
Неужели в злое время
Не должно мне счастье сниться?
Нищета впилась мне в душу,
Тело точит огневица:
От руки твоей недоброй
Смерть в аркане полюбил я.

Милая меня отвергла:
Не желает на поруки
Взять полуживое сердце

У тюремщицы-разлуки.
Тяжело мне в ожиданье
Вдрагивать при каждом звуке
И ломать при встречах руки...
Злых бровей крутые луки
И ресницы злые — сотни
Стрел в колчане — полюбил я.

Так Махтумкули влюбленный
Стал добычею обманов.
Разнесли мою державу
Кони вражеских султанов.
Сто столиц в державе было,
Были тысячи духанов...
Я исчез, убитый милой,
Став золой, под землю канув,
Потому что слишком сильно
Цель скитаний полюбил я.

ГЛАЗА МЕНГЛИ

Живую душу погубили
Два палача — твои глаза;
Опять немилостивы были,
Как два бича — твои глаза.

Одной тебе ходить не надо,
Крутую бровь сурьмить не надо,
На встречных наводить не надо
Два злых меча — твои глаза.

Пощады я прошу, стеная.
На мир ложится мгла ночная,
Разит влюбленного двойная
Твоя праща — твои глаза.

Горит Фраги, а в горнем стане
Царит смятенье: здесь, в Туране,
Поют не бога мусульмане,
А два луча — твои глаза.

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Добро — не для вора. Оно
Прямыми мужами оценится.
Достоинство зрячих очей
Одними слепцами оценится.

В одном недоверье найдет
Безумное сердце оплот.
Наш слух в этом царстве невзгод
Глухими, не нами оценится.

Создатель того защитит,
Кто бережно тайну хранит.
Скрывающий силу магнит
Как должно купцами оценится.

Три радости жизни земной:
Сын, женщина, конь верховой.
Арван¹ на дороге степной
И нер² ездоками оценится.

¹ Арван — вьючный верблюд.

² Нер (нар.) — одногорбый верблюд, отличается большой силой и буйным нравом; обычное сравнение для сильного и непокорного человека.

Фраги затомила беда.
Да сгинет зима без следа!
Желанная, молви, когда
Любви моей пламя оценится?

ЖРЕБИЙ

Жертва истины небесной —
Дух мой, жизнь, моя казна;
А мечта из клетки тесной
В Хиндостан увлечена.

Жил я, пел и слезы лил я,
Отчий свой народ любил я,
И стихи ему дарил я
Слаще меда и вина.

Милой все, чем дорожило,
Это сердце подарило;
И лицо я скрыл от милой —
Боль была бы не видна.

Я сгорал вдали от рая,
По стране любви блуждая,
И душа моя живая
Под землей заточена.

Сам я принял жребий странный,
Сам вошел в огонь багряный,
Сам прославил эти раны,
Сам себя лишил я сна.

Жду, не находя исхода,
Исцеленья — от народа:
Где, друзья, моя свобода,
Мир, покой и тишина?

Я стрелою стал в кручине —
Цель ищу я в тверди синей;
По Меджнуновой пучине
Плот мой гонит вдале волна.

Перед миром я в ответе:
Только милой — слезы эти;
И одна мне в целом свете
Пери стройная нужна.

Бьется сердце, словно птица, —
По своей Менгли томится,
И Махтумкули стыдится
Ран своих, моя страна!

ЛУНА

Когда блеснул твой лунный лик,
Я обезумел и, сгорая,
Душой трепещущей постиг
Невнятные напевы рая.

Приди, душе покой верни,
Моих соперников казни,
Побудь со мной в ночной тени,
В моей степи весной играя!

Я жду, а в сердце — вешний страх;
Я жду, как дикий тур в горах.
Поёшь — и соловьи в садах
Запеть не смеют, замирая.

Фраги, ты — раб крутых бровей
И глаз возлюбленной твоей!
Луна встает из-под ветвей,
Для жертвы жребий выбирая...

МОЛЬБА

Дух кипит. Я сгорел дотла. Я — зола.
Подари мне подружку мою, Аллах!
Сердце мне отдала, моей не была, —
Подари мне подружку мою, Аллах!

Мы любили, мы тайны делили с ней.
Кто желанной моей на земле верней?
Погубили меня, разлучили с ней.
Подари мне подружку мою, Аллах!

Счастливы память утративший навсегда!
В эти злые года сгорю без следа,
Я в беде, и в неволе моя звезда.
Подари мне подружку мою, Аллах!

Я к любимой пойду — не пускают: стой!
От моей дорогой отлетел покой,
Слезы льет рекой; я — болен тоской...
Подари мне подружку мою, Аллах!

Были встречи и речи, как мед, у нас.
Мы не ждали печали в блаженный час.
Свет и счастье украли у страстных глаз.
Подари мне подружку мою, Аллах!

**О мой боже! Бесцельны мои дела;
Бьюсь на ложе: бессонница в дом вошла.
Скорь моя эту жалобу принесла...
Подари мне подругу мою, Аллах!**

**Бренный мир одряхлел, о Махтумкули!
Разве страсть не в обычае у земли?
Грешен я, ты — всеблаг. Любовь утоли,
Подари мне подругу мою, Аллах!**

НЕДУГ

Молодого здоровья держава,
Молодых наслаждений жемчуг,
И казна, и удача, и слава
Расточатся, уйдут из-под рук.

Человеческий дух от рожденья
Роковые томят заблужденья;
Расширяются плоти владенья —
Край посулов, условий, порук.

Лучше было б для сына Адама
Средь базарного крика и гама
Не касаться дешевого хлама,
Если вправду он истине друг.

Мы измыслили сто оправданий
Для преступных страстей и желаний;
Божьи слуги — и те как в дурмане
От соблазнов, кишящих вокруг.

Обуянная алчной гордыней,
Ты, душа, в безысходной кручине
В день возмездия бросишь в пустыне
Бесполезный ослабленный лук.

Не служу я ни словом, ни делом
Прямодушным, достойным и смелым,
Не томлюсь я по райским пределам
Накануне последних разлук.

Я — Фраги, я немного стою,
Захлебнулся я горькой тоскою,
Оттого, что юдолью мирскою
Завладела любовь, как недуг.

НИЩЕТА ВЛЮБЛЕННОГО

Истерзала меня любовь,
Вот начало начал, — клянусь.
Ранит насмерть черная бровь,
Одержимым я стал, — клянусь.

Миром правишь одна — ты, ты.
Золотая луна — ты, ты.
Рай, покой, тишина — ты, ты.
Слезы лить я устал, — клянусь.

Ты, затмившая блеск Лейли,
Движешь звездные корабли.
Не увидишь ты издали —
Я велик или мал, — клянусь.

За невесту платят калым.
Скорбь играет сердцем людским.
Я приду — нищетой гоним —
На последний привал, — клянусь.

Люди знают: ночью — темно;
Где река — там вода и дно;
Мусульманин, пьющий вино,
Для спасенья пропал, — клянусь.

Смерть придет за душой, как тать,
На уста наложит печать.
Не умеет слова держать
Малодушный бахвал, — клянусь.

Тигр охотится в камышах,
Роет червь отсыревший прах.
Тонет нищий в горьких слезах, —
Значит, к баям попал, — клянусь.

Если б руки твоей Менгли
Протянуться к тебе могли,
Ты воспрял бы, Махтумкули,
Выше гор, выше скал, — клянусь!

ОЖИДАНИЕ МЕНГЛИ

Твое подножье — мир земной,
Красавица с высоким станом;
Ты стала солнцем и луной,
Далеким звездным океаном.

Ты повелела мне сама —
Влюбленному — сойти с ума;
Твоих ресниц ночная тьма
Мне грозным кажется колчаном.

Я в полдень ждал тебя. Я гас
И вновь горел. Ушел из глаз
Безумный день. За часом час
Тянулся медленным туманом.

Такая боль мне сердце жжет,
Что день мой превратился в год;
Пока моя луна взойдет,
Я стану пеплом бездыханным.

Я бросил дом, забыл семью;
Заботы голову мою
Наполнили... В чужом краю
Я опьянен твоим дурманом.

Веселье у тебя в глазах,
А пленники твои — в слезах.
Защиты я искал в горах,
И обернулся дол курганом.

Согнулся гордый ствол в дугу,
Истлели травы на лугу,
Иссякли воды на бегу,
И море поросло бурьяном.

Бай превратился в бедняка,
И ханом стал бедняк — пока
Я ждал тебя, моя тоска,
Надежда, ставшая обманом.

Пока Махтумкули бродил
Меж румских¹ царственных могил,
Он жизнь до капли расточил,
Измученный своим тираном.

¹ Рум — Византия; вообще страны Запада.

ПЕЧАЛЬ

Слезы жгучие пью: стал я братом печали сегодня.
Слишком злые обиды меня повстречали сегодня.

Уязвлен я любовью, исхода найти не умею,
Челн мой держит разлука на крепком причале сегодня.

Как непрошенный гость, посетил я державу любимой,
Где на вечное царство кого-то венчали сегодня.

Я сказал: «Здесь я брат, не считайте меня посторонним!»
И холодной усмешкой меня привечали сегодня.

Отыми у меня эту горькую душу, создатель!
«Нищий, дерзостный нищий!» — мне в уши кричали сегодня.

Скорби этого дня ты, Фраги, никогда не избудешь,
Кривда, черная кривда у мира в начале сегодня.

ПОКЛОНЕНИЕ

Пламя слова, напев случайный,
Кровь живая — перед тобой.
Я погибну, жгучие тайны
Открывая перед тобой.

Рай земной — бесплодное древо,
Но и в день господнего гнева
Лик твой светлый прославлю, дева,
Догорая перед тобой.

В бесконечной смене явлений
Гибнет лучший цвет поколений,
И становится на колени
Житель рая — перед тобой.

Грозен мир, беспутный и дикий;
Стих мой тонет в шуме и крике.
Как слуга, Сулейман великий
Пал, рыдая, перед тобой.

Царь свое покидает царство,
Рвется раб из цепей коварства,
Ждет Лукман твоего лекарства,
Умирая перед тобой.

Горы — кладбище отчей славы —
Покрывает туман кровавый...
Я забыл их, чашу отравы
Избирая, перед тобой.

Бренный мир обманул Рустема¹,
Сердце Зала² — глухо и немо.
Встали мертвые, сон эдема
Прерывая перед тобой.

Мир бежит покоя и мира,
Пал Мары³ — повелитель мира.
Речь Фраги умолкает сирю —
Огневая — перед тобой.

¹ Р у с т е м — герой иранского эпоса; образ непобедимого
воина.

² З а л (Зал-Зер) — отец Рустема.

³ М а р ы — город в Туркмении, в прошлом Мерв, один из
крупнейших центров Средней Азии.

РАЗЛУКА С МЕНГЛИ

Ты напала из-за угла,
Ты покой отняла, разлука.
Ты Менгли у меня взяла,
Горе мне принесла, разлука.

Раб, я сгину в твоём краю,
Обезволев, я слезы лью;
Стон вложила ты в грудь мою;
Длань твою тяжела, разлука.

Я взываю — не внемлет шах.
Нет луны моей в небесах.
Горы плач мой разрушил в прах,
Мир дотла ты сожгла, разлука.

Но расскажет мой каждый стих
О жестоких делах твоих.
Нет у знахарей трав таких,
Чтобы ты отошла, разлука.

Зюльфикар¹ мой упал из рук.
Где защитник мой? Где мой друг?
Никого! Тишина вокруг:
Всех в Иран увела разлука.

Лук натянут, но пуст колчан.
Солнце кануло в океан.
Я, мой боже, умру от ран:
Беспощадна и зла разлука.

Горько плачет Махтумкули,
Вспоминает свою Менгли;
Слезы печень его сожгли.
О, крошечная мгла, разлука!

¹ З ю л ь ф и к а р — легендарный меч арабского халифа Али-Шахимердана (правил с 656 по 661 г.), обожествляемого и почитаемого мусульманами-шиитами наряду с Аллахом и пророком Мухаммедом.

САДОВНИК

Не пресытился мир потаенною горечью слез, —
У меня в пламенеющем сердце сто тысяч заноз.

Слишком долго я спал, не гулял я в моем цветнике,
Поглядел поутру — не узнал увядающих роз.

И сказали мне розы: «Садовника мир полонил,
За высокие горы и синие реки унес».

И темницу его по горам я искал, как Меджнун,
И гонимую ланью с откоса взбегал на откос.

У темничных ворот, обессилев, упал я, и страх,
Словно ветер, коснулся моих поседевших волос.

И султану темницы я вымолвил: «Освободи!»
И слова его были исполнены ядом угроз.

И султан повелел: «Заточите раба моего!»
И Фраги захлебнулся нахлынувшей горечью слез.

СЕСТРЕ

О, помоги мне, Зюбейда!
Печаль в моих глазах осталась.
Я зарыдал, и навсегда
Кровь жгучая в песках осталась.

Разлукой нанесен удар.
Померк мой соловьиный дар,
Закрылся праздничный базар,
Моя Менгли в слезах осталась.

Мне снится свет блаженных дней,
Мне стыдно пред страной моей;
Душа моя — приют скорбей,
И плоть моя впотьмах осталась.

Боль прибывает, как вода.
Я жил для мира и труда;
Я — мученик, моя беда
В томительных стихах осталась.

В глухие наши времена
Любовь на казнь обречена.
Моя прекрасная луна
В туманных небесах осталась.

Лицо Фраги черным-черно.
Плачь, Зюбейда! Уже давно
Пустеет лавка. В ней темно.
И только пыль в углах осталась.

СМУЩЕНИЕ МЕНГЛИ

Свой пальчик розовый кусая,
Смущается Менгли-ханум.
Тугне косы расплетая,
Смущается Менгли-ханум.

А ты гори, смотри, влюбленный:
В беседу с бровью насурмленной
Вступает локон расплетенный:
Смущается Менгли-ханум.

В одежде алой не бежала
От взоров жителей Ахала¹,
А с нами говорить не стала:
Смущается Менгли-ханум.

Хочу заговорить — немею,
Стою, как нищий, перед нею,
Сказать: «Открой лицо!» — не смею:
Смущается Менгли-ханум.

Душа, владычица, отрада,
Зовет Фраги — бежать не надо!
Но — благодатная — от взгляда
Скрывается Менгли-ханум.

¹ А х а л (Ахал-Тепе) — населенный пункт в Туркмении.

УТРО

Еще почиет роза роз.
Я задыхаюсь и немею, —
Не избежав ее заноз, —
Над горькой радостью моею.

Я бы украл ее, как вор,
Благословляя свой позор.
Но, отводя голодный взор,
Я тайным счастьем пламенею.

И, как под лезвием ножа,
Душа Фраги поет, дрожа:
Мне смерть судила госпожа,
И я противиться не смею.

ГОРЫ В ТУМАНЕ

Вершины гор в тумане млечном,
Они нам не видны зимой.
Не следует о муже встречном
Судить по внешности одной.

Тот прочь ушел, другой садится.
Над недостойным люд глумится.
Огонь любовный разгорится —
Таится тот, кричит иной.

А предо мною на просторе
Моих надежд играло море!..
Джигит и в нищете и в горе
Идет дорогою прямой.

Но если рок вам сердце точит,
Над вами зря Лукман хлопочет.
Луна вернуть напрасно хочет
Товар, закупленный землей.

Стесняет буйного одежда.
Пленен пороками невежда.
Трусливого живит надежда
За крепкой спрятаться стеной.

Стою с поникшей головою:
Что сделал мой язык со мною?
Но только трус не рвется к бою,
Чтоб лечь костями за край родной!

И кто Махтумкули осудит
За то, что он не позабудет,
Что правде слово дал и будет
До гроба верен клятве той!

ГОСТЬ

Изменило мне счастье, мучительный мир!
Скинуть с плеч невозможно твой тягостный гнет.
Нет лекарств для меня, я печален и сир,
За тобою по следу мой разум бредет.

В белый саван оденется тело мое —
Ты на чашу весов положил бытие.
Я, безумец, из рук твоих принял питье.
Что ты делаешь? — в кровь превращается мед.

Каждый помысел мой исполняется зла;
Я взлететь не могу — ты подрезал крыла;
Золотая казна моя в землю ушла...
Бренный мир, я твоих не желаю щедрот!

На базаре твоём заблудилась душа;
Плоть моя истомилась, любовью дыша.
Плыл я по морю, к пристани дальней спеша,
Но кипучей волной захлестнуло мой плот.

Дивный муж посетил меня в горе моем;
Следом юноша некий пришел, а кругом
Черный ветер свирепствовал в мире ночном,
И над юртой незримый дрожал небосвод.

Кто мой гость? Кто пятнадцать стремянных его?
Он в огне, но его не горит естество;
Слово мужа — пророчество и волшебство,
И без лука он стрелы пернатые шлет.

Кто — крылатый — означил земные пути,
По которым Исе¹ предстояло пройти?
Ни слону, ни коню переправ не найти,
Если гнев его ливнем на землю падет.

Восемь дней горевал, десять дней тосковал,
И безмолвные слезы в тоске проливал,
И спустился я в дол, перейдя перевал,
Словно гнал меня дэвов² озлобленных род.

Здесь четыре стихии связует вражда;
Проповедуют правду земля и вода;
Пред огнем не согреется дева, когда
Зимней стужей кончина в лицо ей дохнет.

Повествует Фраги о чудесных делах.
Божьи слезы — жемчужины падают в прах.
Обо мне вседержитель скорбит в небесах;
Душу отдал бы я, да никто не берет.

¹ И с а — мусульманское имя Иисуса Христа; почитается в исламе как пророк.

² Д э в (див) — в восточной мифологии бес, демон.

ДОБРО И ЗЛО

Народу — сила, мир, беседа,
Семейных очагов тепло;
Джигиту — битва и победа,
Булат и крепкое седло.

Ложь предоставь на все готовой
Мирской молве. Не надо слова
Ни раздраженного, ни злого:
Народ мой ненавидит зло.

Уходит жизни гость мгновенный,
Но не скудеет хмель блаженный:
Пирует жизнь. Творца вселенной
Непостижимо ремесло.

Не нам гадать о нашей доле;
Я только вскрикнул поневоле, —
Мне жаль тебя, морщины боли
Тебе врезаются в чело.

Мы сами выковали чаши
Добра и зла. В них судьбы наши.
Скажи, Фраги, какая краше,
Пока нам время не пришло!

ЖЕЛАНИЕ СТРАНСТВИЙ

Мне родимые холмы,
Дехистан увидеть хочется.
Мир-Кулал, Бехауддин¹,
Мне ваш стан увидеть хочется!

Арша² блещущий венец,
Упование сердец,
Мне тебя, благой отец
Мусульман, увидеть хочется.

Путник сядет, отдохнет
И своим путем пойдет.
Мне пределы в свой черед
Чуждых стран увидеть хочется.

Побродить в степи глухой,
Поглядеть с горы крутой, —
Мне добра и зла мирской
Океан увидеть хочется.

¹ Бе х а у д д и н — имя основателя дервишского ордена «Накшбенди»; почитается как святой.

²А р ш — по мусульманским представлениям, местонахождение престола Аллаха.

В Хиндостан и там и тут,
В Туркестан пути ведут...
Мне святых мужей приют —
Румистан увидеть хочется.

Буйство духа, мир страстей,
Семь нагорий, семь морей,
Суеты — в кругу людей —
Мне дурман увидеть хочется.

Счастья ждет Махтумкули,
Чтобы слезы потекли;
Мне Каабу, хоть вдали,
Сквозь туман увидеть хочется.

ЖИЗНЬ

Смотрите: прельщаясь мирской суетой,
Спеша, вереница людская проходит.
Сын праха, гадая по книге святой,
Блаженство за грош уступая, проходит.

На правого мир ополчается вдруг,
Впивается в сердце его, как недуг;
Иса, не касаясь протянутых рук,
Целительный лик отвращая, проходит.

Кто — с чистой душою отходит ко сну,
Кто — в грязь упадет, кто — взлетит в вышину,
Кто — все промотав, кто — родную страну
Ограбив от края до края, — проходит.

Иные становятся жертвою ссор;
Кто — братом своим возведен на костер,
Кто — бедствуя дома, кто — чуждый простор
В скитаньях своих озирая, — проходит.

Кто — с царским венцом на высоком челе,
Кто — с грозным мечом и в походном седле,
Кто — лютой чумою летя по земле,
Родимый народ попирая, — проходит.

У тех — розовеют гранаты в саду,
Те — стонут, а эти — молчат и в бреду,
Пылают в огне, коченеют во льду;
Сквозь сердце заноза стальная проходит.

Себя не познав, умирает иной;
Иной — избалованный долей земной;
Один — предвкушая огонь смоляной,
Другой — наслаждения рая, — проходит.

Кто — женской красою свой взор ослепив,
Кто — волей смиряя свой страстный порыв,
Кто — помыслы к правде святой усмирив,
Кто — истиной пренебрегая, — проходит.

Кто — с темными ямами мертвых очей,
Кто — не досказав сокровенных речей,
Кто — лик открывая чернее ночей,
Кто — светлый свой лик закрывая, — проходит.

Скиталец, терзавшийся из году в год,
Скупец, не рассыпав любовных щедрот,
Бедняк, не изведав, как сладостен мед,
Безумец, отраву глотая, — проходит.

Кто пал, кто взлетел, кто дурен, кто хорош, —
В чьей правде потомкам откроется ложь,
Чьих внуков и правнуков не перечесть,
Чье лоно, что глина сухая, — проходит.

Кто — счастье бросая в пустыне мирской,
Кто — цели коснувшись горячей рукой,
Кто — с ложа взывая с предсмертной тоской,
Кто — суетный мир обегая, — проходит.

Кто — душу продав и согнувшись в дугу,
Кто — сгинув, как тать, на чужом берегу, —
А верный — не выдав отчизны врагу,
Во славу ее погибая, — проходит.

И знает Фраги: возвращается в прах
Жестокий властитель и странник в песках.
Слеза на ресницах иль смех на устах, —
Но жизнь — и одна и другая — проходит.

МИР

Внемли мне, Адам, я поистине стар!
Я видел гранаты у мира в затворе,
И душепродавцев грошовый товар,
И шумный базар, потонувший в раздоре.

На осень рассчитан предел мировой,
И чаша разлуки всегда пред тобой:
То Красное море, то Нил голубой,
То желтый Джейхун¹, то Хазарское море².

Когда твое жаркое сердце в крови
И гибнут надежды в краю нелюбви, —
На помощь напрасно врачей не зови:
Есть город разлуки, а в городе — горе.

Туран, Чин-Мачин превратятся в золу,
Твой дом и твой сын превратятся в золу,
И роза и крин превратятся в золу —
Губительный пламень у рока во взоре.

¹ Д ж е й х у н (Джейхун-Дарья) — Амударья.

² Х а з а р — Каспийское море.

Мне встретилась пери в мои времена,
И вечно горит, не сгорая, она.
Где райский источник? Дорога трудна
От наших низин до пустынных нагорий.

Ты помнишь ли прежнюю силу мою?
Стареют любовники роз и в раю.
Созрел виноград в заповедном краю,
Да змеи под каждую гроздью в дозоре.

Мне очи томит нищета бытия,
И ливнем шумит суета бытия;
От мира не спрячешься: тайна твоя
Откроется — даром, что дверь на запоре.

Нет места замерзшему подле огня,
И сытые не разумеют меня.
Но верю в народ мой. Седлает коня
Воитель прославленный, в ратном уборе.

От брэнного мира нельзя убежать —
Он вечный твой кровник, предатель и тать.
Он будет недужное тело терзать —
И бросит и душу оставит в позоре.

Свидетель жестоких и суетных дел,
Фраги ослабел и как лунь поседел.
Покоя искал он, свободы хотел —
И гибнет, с владыкой-обманщиком в ссоре.

МОЛВА

Играют пенные потоки,
Дрожит суровый камень гор;
В тревоге путник одинокий
Спешит на брезжущий костер.

Болтун все тайны выдаст разом.
Не помнит слов ничтожный разум.
Джигит не отвечал отказом
На зов отчизны до сих пор.

Не забывай о верном друге —
И вспомнятся твои заслуги.
Гадаем, слезы льем в недуге,
Но слезы — яд, гаданье — вздор.

Рассмейся, унывать не надо,
Молва твоей печали рада,
И тайная твоя досада
Из дома выйдет на простор.

Мир обездолит алчность бая;
Порвется тетива тугая;
Под ветром башня вековая
В летучий превратится сор.

Над розой — рокот соловьиный.
Ручьи, бегущие с вершины,
Сливаются в поток единый;
А за молвой идет раздор.

Не бойтесь птиц и сейте просо.
Красавица расчешет косы,
Глядишь — на мед слетятся осы,
И зажужжит постылый хор.

Всегда Карун-скупец¹ в кручине,
Покоя нет его гордыне.
Меджнун — Махтумкули к пустыне
Отныне обращает взор.

¹ К а р у н — легендарный богач, проклятый Мусой (мусульманский пророк, соответствует библейскому Моисею) за скупость и поглощенный землей вместе с его имуществом.

НАБЛЮДЕНИЯ

Для гостей без живых речей
Ярким праздником той не будет.
Падишаху в стране скорбей
Мил престол родовой не будет.

Тот, кого захватила страсть,
Нежной пери не станет клясть.
Достославной султана власть
Без казны золотой не будет.

Тянет вечную лямку бед
Край голодных рабов — Мешхед.
Нет разлуки — и горя нет,
Доля темной и злой не будет.

Состязанья настанет час —
Расставанье осилит нас.
Трус упустит врага из глаз,
Рваться в яростный бой не будет.

Гору напрочь нельзя снести,
А снесенную — возвести,
Нет охотника на пути —
Зверь пугаться лесной не будет.

Все бальзамы твои — тщета,
Если молодость отнята.
Нестыдливая красота
Беззакатной луной не будет.

Охладеет любовный пыл,
Что вчера мотылька томил.
Если выстрел коня свалил,
Смел воитель иной не будет.

Расстается с душою плоть,
Лютой смерти не побороть.
Снисходить всеблагой господь
К нашей кривде мирской не будет.

Сердце дважды спалить нельзя;
Мак в бурьян превратить нельзя;
Племена победить нельзя,
Если розни лихой не будет.

Страшен этого мира гнет.
Судный день, говорят, придет.
Примет горький удел народ,
Если щедрым скупой не будет.

Телу тягостно бремя лет;
Канем в землю другим вослед.
Коль народу в нем проку нет,
Камень дорог цветной не будет.

Гостю: «Кто ты?» — не говорят.
В край добра не придет разлад.
В доме зависти не гостят:
Чести там никакой не будет.

Рок пешком не ходил вовек —
Слеп его скакуна разбег.
Не состарится человек,
Если ранен тоской не будет.

Дни проходят, пройдут года.
За бедой прилетит беда.
Нищим станет богач, когда
Взыскан правдой святой не будет.

Будет миру конец иль нет —
Где, Фраги, ты найдешь ответ?
Кто детей не родит на свет,
Счастлив долей земной не будет.

НЕ ЗНАЯ ЗАВИСТИ

Кто свой дворец возводит на песке,
Тот жалким нищим от руин уходит.
Плоть растерзав и дух предав тоске,
Превратный рок, наш властелин, уходит.

О, сколько душ, изведавших печаль,
И сколько душ, которым жизни жаль,
И сколько душ, прозрачных, как хрусталь,
И помутневших от кручин, уходит.

Один богач построил минарет,
Свалился вниз — и умер в цвете лет.
У бедняка в хозяйстве клячи нет, —
На скакуне удачи сын уходит.

Бесчестие приведший на порог,
Снует по дому отравитель-рок.
Смотрите: человеку невдомек,
Что жизнь от нас, как миг один, уходит.

Мы покидаем торжища земли;
И хан ушел, и нищие ушли.
Не зная зависти, Махтумкули,
Шлифуя слово, как рубин, уходит.

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Истомил мою душу
Бесконечный обман.
Плот забросив на сушу,
Отступил океан.

Зрячий посох слепого
Не доищется крова,
И чарыки¹ хромого
Не добьются стремян.

Тем — забота пустая
Да казна золотая;
Этим — отповедь злая
И дырявый карман.

Облака — на вершине,
Вольный ветер да иней...
Опаленной пустыне
Снится горный туман.

Прелесть этого мира —
Мертвый мрамор кумира.
Пальцы грешного пира
Запятнали Коран.

¹ Ч а р ы к и — обувь, род сандалий.

Если пел я — молчали
Соловьи... Но печали
Спеть Фраги помешали
Самый лучший дестан.

НИЩИЙ ЦАРЬ

Превратятся туманные горы в песок,
С черным сланцем и твердым кремнем разлучась,
Разобщенные капли сольются в поток,
В океан превратятся, со льдом разлучась.

Всё-то спорим, да вздорим, да ссоримся мы;
Наши очи в слезах, и в тревоге умы.
Размотали бы сытые пиры чалмы,
С книгой божьей, с народом-отцом разлучась.

Зло и скверна земной захлестнули предел.
Кто, скажите, о братьях из вас порадел?
Черный ворон — и тот бы до звезд долетел,
С дотлевающим в прахе гнильем разлучась.

Что развратнику родина, вору — народ?
Трус бежит там, где храбрый оружие берет.
Как поведает скорбь, если русло найдет
Слезный ток, со своим тайником разлучась.

Малодушный томится всегдашней тоской,
Перед мужем достойным теряет покой,
Покидает подругу в пустыне мирской,
С теплым кровом, едой и питьем разлучась.

Ополчается ради свободы храбрец.
Малодушный спасает свой жалкий ларец;
Бродит жадный купец, ищет кладов глупец,
Спит мертвец, со своим сундуком разлучась.

У блудницы — докучная алчность в глазах;
У везира-глупца — беспорядок в делах.
Дал красавице черные брови Аллах, —
И тоскуешь на ложе ночном, разлучась.

Пристрастились торговцы к пределам чужим.
Караваны уходят, уносится дым...
Кровью плачет Фраги, кровью плачут пред ним
Царь и нищий, с последним умом разлучась.

КЕМИНЕ
(ок. 1770—1840)

НАПУТСТВИЕ

Спешите, юноши, на этот мир взглянуть:
Воспоминание блаженных лет останется.
Играйте, милые, любите дольний путь.
И капля радости в пучине бед останется.

Жизнь, точно девушка, приятная на вид,
Для неудачников готовит сто обид.
Кочевники уйдут, и песня отзвучит,
Но все же от колес в пустыне след останется.

И скажет Кемине: сомненья нет, умрешь,
Измученную плоть сухой земле вернешь.
Твою казну возьмут и взвесят каждый грош,
Но сыновьям твоим весь этот свет останется.

* * *

В неведение день проводил я за днем,
Беды я не чуял беспечной душой,
Но горе вошло в мой незапертый дом.
В теснине томлюсь, хоть простор предо мной.

Лицо отвратил я от милых друзей,
Не тронул я розы в прохладе ночей,
Не ел и не пил я в печали своей,
Хоть были и хлеб и вино под рукой.

Где свет мой, где жизнь моя, где ты, мой друг?
На гору взошел я, — пустыня вокруг.
Мой стан одиночеством согнут, как лук,
Хоть здесь обитает народ мой родной.

До неба рукою достать я не мог,
На землю взглянул — и душой изнемог.
Раскинулись черным драконом у ног
Долины и горы юдоли земной.

Пристанище малым дано муравьям,
Дыханье и крылья даны комарам.
Даны справедливые ханши мужьям.
Без ханши остался я в юрте пустой.

Ты тешила взор Кемине, как павлин.
В блаженстве прошло тридцать лет. Я один
Остался пред сонмом враждебных годин.
Веселье покинуло мир золотой.

БЕДНЯК

Научился я — крепче воска
Приставать с мольбою своей.
Я — ступень под ногами баев,
Я — песчинка среди степей.
Толще хума заимодавец
Дуться будет: «Плати скорей!»
Гадок вор, низка потаскуха —
Бай, поистине, всех подлея.
 Богом проклят, нигде поныне
В счет людей не входил бедняк.

Год начнется — за подаяньем
Он пойдет по дворам чужим,
А за пазухою — огниво,
А товарищ ему — чилим¹,
И согнется бедняк под горем,
Неизбывным огнем палим.
Соберутся в кочевье люди,
Сядет он дураком немым,
И его забудут в пустыне,
Чтобы заживо сгнил бедняк.

¹ Ч и л и м — здесь: курево, табак.

Баям только богатство мило,
Край отцовский мил беднякам.
Кто садится в две лодки сразу —
Достается речным волнам.
Дочку нищего хочет всякий,
И она пойдет по рукам.
Кемине голодает, люди,
В жилах дым с огнем пополам, —
И его забудут в пустыне,
Чтобы заживо сгнил бедняк.

МОЙ КАЗИ¹

Вы странствовать пускаетесь, — хвала!
Над степью пыль клубится, мой кази!
Моя хвала на плечи вам легла,
И хрустнет поясница, мой кази!

Жара такая, что гулять нельзя.
Вдруг лопнет сердце! Залатать нельзя.
Козе джейраном белым стать нельзя.
Зачем ей в степь стремиться, мой кази!

Вы лжесвидетель — так трубит молва.
О мой радетель, ведь она права!
Вы продаете ложные слова
Кому продать случится, мой кази!

Вас похвалою Кемине убьет.
Скажу: вы — клевета на мой народ.
У бедняков — расплаты час придет! —
Враждой пылают лица, мой кази!

¹ К а з и — духовный судья у мусульман.

ХОРОШО

Хорошо прожить на свете долгий век,
И еще прожить немного хорошо,
Твоему ли будет сердцу, человек,
У последнего порога хорошо?

Неуч в перстень вставит криво самоцвет;
До высоких дел злодею дела нет;
Вдалеке от наших горестей и бед
Вольной лани быстроногой хорошо.

Вот к прохожим потаскуха льнет во тьме;
У нее краюшка хлеба на уме.
Хорошо не подходить к ее кошме,
И пойти другой дорогой хорошо.

Где ты, вянущая роза, спишь в траве?
Кемине не доверяет злой молве.
Замуж выйти он советует вдове, —
Разве быть ей слишком строгой хорошо?

* * *

Не радуйся: пройдет беспечная весна,
Тебя на произвол суровых зим оставит.
Смерть ждет, но за душой к тебе придет она
И тело бренное лежать пустым оставит.

Пусть миром правишь ты, как древле Сулейман,
Пусть на поклон к тебе приходит Сеюнхан,
Ты все равно умрешь: всем общий жребий дан;
Свой череп человек пескам сухим оставит.

Пренебреги, слепец, мирскою суетой,
Иль суета сама пренебрежет тобой,
Скупец, когда и сыт, не делится едой,
А щедрый съест кусок — кусок другим оставит.

И знает Кемине: богач, когда умрет,
За каждый сытый день отголодает год.
Развеет прахом смерть богатство и почет,
А душу алчную шайтанам злым оставит.

НИЩЕТА

У меня сто болезней и тысяча бед.
Тяжелей всех на свете забот — нищета.
Скорбь искала меня и напала на след.
Без конца караваном идет нищета.

Льется золото в пестром кругу бытия.
Затвердела от голода печень моя.
Держит, душит и гложет меня, как змея,
Умножает долги, что ни год, нищета.

Не прожить без еды и единого дня.
Ночью глаз не смыкаешь, лежишь без огня.
Не уходит к богатым, живет у меня,
Спит в углу на тряпье, слезы льет нищета.

В руки ей человек попадетса живьем, —
Подпояшется старая крепким ремнем
И ударит с размаху чугунным пестом...
Бьет, — ударам ведет точный счет нищета.

Не могу я избыть нищету и тоску.
Кто посмотрит с улыбкой в лицо бедняку?
Много игр я впустую сыграл на веку,
Смотришь — каждую ставку берет нищета.

Говорит Кемине: тех — казной золотой,
Этих — жизнь наделяет сумою пустой.
Ты не рвись, мое бедное сердце, постой,
Будет время ← от нас отойдет нищета!

ВЕК

Друзья! Настал нелепый век.
Зло подле человека ходит.
Быком по миру ходит бек,
Бедняк в ярме у бека ходит.

Сам станешь вором, вора скрыв.
Судья наш крив, наставник лжив!
Там, где ходил прямой элиф¹,
Согнувшись, дал-калека² ходит.

В лихие наши времена
И зрячим правда не видна.
Пир — настоящий сатана.
Муфти — к девчонке некой ходит.

Доносчик в каждый дом проник,
И в клевете погряз язык,
И Кемине уже привык,
Что грех главою века ходит.

¹ Э л и ф — первая буква арабского алфавита; здесь: символ прямизны.

² Д а л — буква арабского алфавита; здесь: символ кривизны.

* * *

Красавицами полон мир,
Желанной кажется любая:
Одна — разряженный эмир,
И подлинный везир¹ — другая.

Я знаю женщину одну:
Жует, когда я ни взгляну,
Всегда грустит по казану.
Не съела бы тебя такая!

Нежна другая и стройна,
Да веки слиплись ото сна;
Всегда как пьяная она;
Целуется — и то зевая.

А с третьей — веселей житье,
Но лучше избежать ее:
Зеленым белое тряпье
Она латает, как слепая.

К четвертой рвется молодежь;
Одним словцом ее зажжешь,
А приглядишься к ней — и что ж?
Повадка, скажешь, плутовская!

¹ Везир — министр.

Посмотрит на шитье одна —
И шить научится она;
А та, лицом черным-черна,
Идет, коровой выступая.

У той душа поет, дыша,
Да кости тоньше камыша;
У этой — в плоть ушла душа,
Как ложка, в тесте утопая.

Страшись, болтунью в дом пустив,
Бранить, ее поколотив;
Она пойдет насупротив
Трещать, как мельница пустая.

Но где-то есть еще одна;
Жизнь без нее, как ночь, темна.
Тебя с ума свести она
Придет, прекрасная, как майя¹.

С ней жизнь прожить — казны не счесть.
Обезоружит лесть и месть,
В дом принесет почет и честь
Твоя подруга дорогая.

Судьбою все предрешено.
Грядущее для нас темно.
И вас и Кемине — равно
Дурманят розы, расцветая.

¹ М а й я — одна из пород верблюдицы.

* * *

Твой лик белоснежен, кудрей твоих свойство —
Поспорив, бои затевать с ветерком.
И землю и небо сожжет беспокойство,
Присущее розе с ее соловьем.

Влюбленному стыдно прибегнуть к обману.
Я храбр, я гадать о грядущем не стану.
Идешь — я томлюсь по высокому стану,
Идешь — я напрасным пылаю огнем.

Нет средства у знахарей самых умелых
От яда, что ты посылаешь на стрелах.
Три полных, три тонких, три черных,
три белых —
Двенадцать свидетельств о чуде одном.

Спрошу — ты откуда? Не даст мне ответа.
Не дочь ли народа сокровище это?
Томит меня родинка, счастья примета,
На яблочной коже над розовым ртом.

Твой раб, я осмеян друзьями твоими.
Я ночью стою за дверями твоими.
Я круто посолен речами твоими;
Я мертв; я изрезан твоим языком.

И прав Кемине: велика твоя сила.
Ножами ресниц ты мне сердце пронзила.
Ты в уголь горящий меня превратила...
Карминное платье на теле твоём!

ВЛЮБЛЕННЫЙ

Я влюблен, молчать не могу,
Плачь, певец, онемей в тоске!
Я заснуть опять не могу.
Роза! твой соловей в тоске.

Я — стремянный, ты — на коне.
Я — бедняк. Наклонись ко мне.
Я тебя по твоей вине
Жажду втрое сильней в тоске.

Мир стране своей возврати.
Укажи мне свои пути.
Руки нежные опусти
И меня пожалей в тоске.

Живописцы нашей земли
Дорогой кармин извели —
Розу воссоздать не могли.
Ты мне солнца светлей в тоске.

Ты отвергла любовь мою.
Я вина твоего не пью.
Узнают меня по тряпью.
Я брожу средь людей в тоске.

Ты приходишь только во сне,
Не смеешься для Кемине
И не спросишь ты обо мне
У подруги своей в тоске.

* * *

Стройная мурчинка¹ поведет плечом,
И влюбленный ляжет под ноги ковром.
Частый гость помянут не бывал добром, —
Ты одна отрада знатока седого.

Пусть арчу² ограбит первый холодок,
Пусть уронит роза алый лепесток,
Не беда, что башни рушит глупый рок, —
Забывать не надо знатока седого.

Смоляные косы — жертва седине.
Я — напоминанье о былой весне.
Я — твоя удача. Приходи ко мне,
Что бежишь от взгляда знатока седого?

Отвергать не надо этих слов простых.
Кемине толкует о мечтах своих.
Много в мире добрых, много в мире злых.
Покидать не надо знатока седого.

¹ Мурчинка — представительница небольшого туркменского племени мурчили.

² Арча — среднеазиатский вид можжевельника.

КРАСАВИЦА

Глядишь на розу и на соловья,
Красавица, твои глаза мне нравятся.
И если жертвы ищет речь твоя,
Я стану жертвой: говори, красавица!

Ты — в красном, ты — в зеленом с серебром,
Твой тонкий стан охвачен пояском.
Ты — уточка, а сердце бьет крылом,
Оно, как сокол, за тобой отправится.

Когда мы вместе — сад вокруг цветет.
Придет разлука и меня согнет,
И каждый месяц превратится в год,
И каждый день мне месяцем представится.

Тебя отымут — Кемине конец.
Ты снов моих и слов моих творец,
Ты красоты чудесный образец,
И даже песня о тебе прославится.

КОЖУХ

Я вечером пришел и сел.
Ты встретил ли меня?
Ты накормил ли, напоил,
Приветил ли меня?
Тебя на плечи натянув,
Я стал рабом огня;
Заплаты вшам внаем сдаешь,
Твоя вина, кожух!

Я собранным тюльпанам счет
Довел до сорока.
Колени вскинулись к плечам, —
Так я дрожал, пока
Не стала голова моя,
Как лист сухой, легка.
Шуршишь, хрустишь, людей страшишь,
Как сатана, кожух!

Встал на рассвете, поглядел —
А шкура козья — рвань,
И взяли желтизну твою
Жара и дождь, как дань,
И весь ты в лысинах сплошных,
И за такую дрянь

Я верблюжонком заплатил!
Чем не цена, кожух?

Гулял на тоях, пировал
И нажил сто заплат.
Приподыму — стоишь колом
И рукава торчат.
Ты к небу рук не воздевай,
Кончай молитву, брат,
Зашьем прорехи: не пришла
Еще весна, кожух!

Таков уж мой кожух, что им
Как жизнью, дорожишь, —
В Хиву отправишь на базар —
Возьмешь большой барыш.
И птичьей шкурки он теплей,
Когда под ним лежишь.
Он помнит Ноя: скроен был
В те времена кожух.

Когда окончился потоп,
Кожух купил мой дед.
И дождь и град его секли
Сто семьдесят семь лет;
Живого места на твоей
Крысиной шкуре нет,
И сократилась на аршин
Твоя длина, кожух!

Ни в Бухаре, нигде еще
Подобных нет вещей.
Едва накинул я тебя —
Попал я в когти вшей.
Когда успел ты обветшать,
Душа души моей,

Наследство Ноево, мой клад,
Моя луна, кожух?

Коль бог мне друг, придет рассвет —
Спаситель Кемине.

На что мне царские дворцы,
Когда кожух на мне?

Укажет на тебя народ

И спросит о цене, —

Верблюд с верблудицей теперь

Тебе цена, кожух!

Из АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

САЯТ-НОВА (1712—1795)

* * *

Косы твои — рейхан в росе — нежней дорогих шелков,
Брови — начерчены пером, лицо — золотой покров,
Краше уста — на горе всем — и лалов и жемчугов,
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

Роза изменит — счастлив червь, терзается соловей.
Каждого бог казнит, кого полюбишь меня сильнеей.
Два бесконечных года я томлюсь по красе твоей.
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

Розы пурпурной нет в саду — не слышно там соловья.
В сердце ты ранила меня, терзаюсь, жар затая,
Я захворал любовью, лег, — смертельна болезнь моя.
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

Где ты, Лейли? Я, как Меджнун, брожу в горах без
дорог,
Нет мне лекарств от моей любви. Я страдаю, я одинок.
Яр, я одну тебя люблю и жажду, свидетель бог,
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

— Злая, — сказал Саят-Нова, — глаза у меня в крови.
Правнучка Евы, дочь людей, — проклятье моей любви!
Клятву дала мне на тридцать лет — и лживы слова твои.
Пусть я умру — здорова будь. Я в землю сойти готов
Ради лукавых игр твоих и легких твоих шагов.

* * *

Я ждал, я пролил столько слез,
Я в добрый час увидел милую.
Меня встречаешь, роза роз,
 Шипами,
 Шипами, —
Я в добрый час увидел милую.

Приди, пойми печаль мою,
Я муки смертные таю,
Горю любовью, слезы лью
 Ночами,
 Ночами, —
Я в добрый час увидел милую.

Наденешь пурпурный атлас —
Погубишь мир, отрада глаз,
Тебе пристали б лал, алмаз
 Рядами,
 Рядами, —
Я в добрый час увидел милую.

У саза¹ нет иных забот,
Твои красоты он поет.

¹ С а з — музыкальный инструмент.

В саду ты водишь хоровод
С друзьями,
С друзьями, —
Я в добрый час увидел милую.

Саят-Нова забыл покой:
Твои глаза — фиал золотой.
Да не глумится недруг злой
Над нами,
Над нами, —
Я в добрый час увидел милую.

* * *

Какую ты преследовала цель,
Когда в тот миг твои уста молчали?
Я болен, джан. Твои глаза — ужель
Моих кровавых слез не замечали?

Приди. Взгляни. Метни в меня копьё.
Я подставляю грудь под острие.
Скажи, зачем, сокровище мое,
Конец любви пришел в ее начале?

Джан, отзовись на мой протяжный стон.
Ты выжимаешь сердце, как лимон.
Я на позор тобою обречен, —
Когда певцу бесчестие прощали?

В моем краю мелькнула джан, как тень.
Не оживет застреленный олень.
Без добрых дел проходит долгий день,
Я по твоей вине томлюсь в печали.

Саят-Нова сказал: я на свечу
Как бабочка влюбленная лечу,
Сгореть в уединении хочу,
Чтоб искры джан мою не обжигали.

* * *

Весть пришла от джан прелестной: «Ни приветам,
говорит,
Ни слезам его не внемлю, ни обетам», говорит.
О моих сердечных тайнах с целым светом говорит,
«Все равно мне, что случится с тем поэтом», говорит.

Брови джан — тугие луки, а ресницы — стрел длинной.
Вдалеке она гуляет, с милой встретиться не смей.
Эй, друзья, кто горе мыкал! Что вы скажете о ней.
Молвишь: «Здравствуй!» — отвернется, —
«Что мне в этом», — говорит.

Соловей безумный, стражду: в тяжких ранах грудь
певца.
В мире этом у красавиц беспощадные сердца.
Твой Саят-Нова погибнет, но до смертного конца
Он твоим любимым станет! «Нет уж, где там!» —
говорит.

* * *

С поникшей головой, в цепях —
Я пленник твой, любовь моя.
У ног твоих лежу. Я прах.
Я пленник твой, любовь моя.

Ты свет у солнца отняла,
Твой луч — горячая стрела.
Сгорят мои глаза дотла,
Я пленник твой, любовь моя.

Я ранен, я умру в бреду,
С ума сойду, с ума сойду,
В твоих цепях к тебе приду,
Я пленник твой, любовь моя.

Молю, скиталец-соловей:
О, пригвозди меня скорей
У запертых твоих дверей,
Я пленник твой, любовь моя.

Ты роза роз, а я трава.
Смотри: я мертв, а ты жива.
Клянусь, поет Саят-Нова,
Я пленник твой, любовь моя!

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ
(1897—1937)

СКИТАЛЬЦЫ НА МЛЕЧНОМ ПУТИ

И так мы живем, что нельзя нам не жить.

Фет

Два бездомных скитальца на Млечном Пути,
Два скитальца в изодранной ветхой одежде,
Бремя наших скорбей мы привыкли нести,
Доверяясь неясной мечте и надежде.
Полюбили мы сердца случайный порыв
И видения в пору вседневных скитаний
И, в бессонных глазах навсегда сохранив
Многозвездное небо в блаженном тумане,
Мы проходим теперь по дорогам Земли,
Сны покинувших Землю приняв как наследство,
И растаяло облачком серым вдали
Наше смутное и безотрадное детство.
Расточилось, растаяло детство, как бред,
Мы домой не вернемся, мы долго блуждали,
И попятной дороги на свете нам нет,
Потому что нам грезятся дальние дали,
И теперь нам единственный свет бытия —
Беспрерывные, вечные поиски цели,
Многоцветные мы исходили края,
И сердца наши страстью, как жертва, горели.

Но глаза не увидели солнц золотых,
И сердца наши светлой не встретили дали,
И глаза неотступно в глазах у других
Златотканое звездное небо искали,
Млечный Путь, беспредельную даль — и светил
Торжество, и пространства сиянье благое.
Взор безжизненных глаз наши души студил,
Пламя сердца гасил равнодушной золою,
Преисполнилось сердце мое, и хвалу
Небесам вознести я желал, и не знаю,
Почему я пою про докучную мглу
Дней моих, заплутавших в томленья без края.
Опочило сказанье на дне моих глаз
О блаженстве в кругу синевы без предела,
О взаимовлияниях звездных рассказ,
И бесплодное сердце мое затвердело.
Нас не понял никто, и смешило людей
Наших пристальных глаз голубое свечение,
И глумились над пламенем наших страстей,
Уходили, душе не даря утешенья.
И со смехом от нас отвернулась родня,
С нами только блудницы делили печали,
И разумные нас обходили, браня,
Лишь безумцы вполголоса нас привечали.
Не беда, что в безумье мы дни провели
И что мы задыхаемся, будто в дурмане.
Озаренные светом высоких мечтаний,
Мы покинем — счастливые — лоно Земли.

* * *

Я затосковал, больной и безумный,
По солнцу, измученный этой сквозной
Ночной немотой, этой ртутной, бесшумной
Бестрепетной мглой под бледной луной.

О, как я желал, чтобы солнечный зной
Луну победил и расправил мне плечи,
И чудо высокое утренней речи
В лучах и сиянье взошло надо мной!

Но в мертвенной мгле недужной печали
Не брезжило утро, слова не звучали.

* * *

И для меня прервется путь земной,
Когда-нибудь глаза и мне закроют,
Забудут песни, сложенные мной,
И в землю плодородную заркоут.

И так же будет солнце бытия
Для нив и рощ творить благоденья,
И не поверит даже мать моя
В недолгое мое существованье.

И каждая простится мне вина,
И я сольюсь, растаяв легким дымом,
С преданием, как наши времена,
Величественным и неповторимым.

БЕССОННИЦА

И мчатся, и мчатся, и мчатся кони.
Я слышу подковы и крики погони.
Бездонная ночь и неведомый путь,
И цокот подков о земную грудь...
И мчатся, и мчатся, и мчатся кони,
То ближе, то дальше крики погони,
И цокот подков — у меня в висках.
Как жизнь и как смерть — этот мир впотьмах.

ГАЗЕЛЛА

Невозвратное вешнее утро, сирень
я призываю,
Сердцу близкую и дорогую тень
я призываю.
Золотой, обжигающий, яркий зной,
согрей мне душу!
Лета быстротекущего долгий день
я призываю.
Где пора созревания земных плодов?
На помощь, осень!
Где ты? Желтой листвою меня одень! —
Я призываю.
Все ушли от меня, я теперь один,
сердце тоскует.
Мирный сон у огня, краткий день и лень,
я призываю.
И приносит старуха о смерти весть.
Тень дорогую,
На последнюю, мерзлую став ступень,
я призываю.

ГАЗЕЛЛА МОЕЙ МАТЕРИ

Я помню свет твоего лица, моя бесценная мать,
Морщины, будто следы резца, моя бесценная мать.

Тихонько сидишь, сидишь, молчишь,
и старый ветвистый тут¹
Тень кладет на ступени крыльца, моя бесценная мать.

Вспомнила сына, а где твой сын?
Нет сына, пропал и след.
Дети уходят, горят сердца, моя бесценная мать.

Сердца горят. Он жив или мертв?
В какую стучится дверь?
Где сын? Ни слуха, ни письмеца, моя бесценная мать.

Измучит жизнь, обманет любовь, и кто утешит его,
Во мгле бредущего беглеца, моя бесценная мать?

Укачивает зеленый тут печаль немую твою
В сонной тени своего венца, моя бесценная мать.

На старые руки — по одной — тихонько бегут, бегут
Соленые слезы без конца, моя бесценная мать.

¹ Тут — тутовое дерево, шелковица.

* * *

Я хочу, чтоб зурна мне пела,
 чтоб вино я пил до утра,
Перед каждым открыл бы душу,
 всем бы другом был до утра,
Прокатился б на фэртоне
 под окном высоким твоим,
О любви бы молил и плакал
 из последних сил до утра.
Я бы разум ветрам доверил,
 в каждый погребок заглянул,
Для друзей бы в хлеб превратился,
 лил вино из жил до утра,
Головой бы своей горячей
 к дорогим коленам приник, —
Во хмелю твой сладчайший образ
 всю бы ночь хвалил до утра.

* * *

Я — пьяный духанщик. А где духан?
 Ни вина, ни духана нет.
Мой стол опустел, и гости ушли,
 ни султана, ни хана нет.
Где прежние силы? Где голос мой?
 Я напевы рая дарил
Твоей красоте, и сил теперь
 у согбенного стана нет.
Я — ветер бездомный, — все растерял,
 ничего не хочу вернуть.
Индийский обрушился океан:
 мне любовь преградила путь.
Народу слуга, как Саят-Нова,
 всем клинкам я подставил грудь,
Я жажду велений твоих, и мне
 иного фирмана нет.
Я — пьяный духанщик. А где духан?
 Ни вина, ни духана нет.
Я славил бы славу твою, но сил
 у согбенного стана нет.

* * *

Весна приходит, и опять цветет шиповник.
В глазах влюбленных образ милый пребудет вечно.
Пройдут года, и жизнь пройдет, но слез виновник —
Звон соловьев сереброкрылый пребудет вечно.

Другие соловьи засвищут в саду весною,
Другой ашуг прославит в песнях житье земное,
Он за меня споет, что было не спето мною.
Дни — дым, но круг времен и был, и — пребудет вечно.

И сотни сотен раз из глаз прольются слезы,
И чаши сотни сотен раз раскроют розы,
И сердце сотни сотен раз пронзят занозы,
И кровь, и сердца пепел стылый пребудет вечно.

И снова будет ладан плыть, благоухая,
И голову клонить цветок родного края.
Из глаз прекрасных упадет слеза живая
И на плите моей могилы пребудет вечно.

* * *

Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять.
Ты видела иго чуждых стран — и увидишь опять.
Ты видела сжатый урожай кровопролитных войн,
Неубранный хлеб, глухой бурьян — и увидишь опять.
Подобно изгнаннику, боль обид видела на пути,
И ветер сухой, и ураган — и увидишь опять.
Где Нарекаци? Где Шнорали? Где Нагаш Овнатан?¹
Ты видела мудрых славный стан — и увидишь опять.
Армения, твой Чаренц как дар взял язык у тебя.
Ты видела многих певцов-армян — и увидишь опять.

¹ **Н а р е к а ц и** Григор (951—1003) — армянский поэт, автор религиозных песнопений и гимнов, выдающийся знаток церковной литературы; основное сочинение — «Книга скорбных песен». **Ш н о р а л и** Мерсес (1102—1173) — армянский писатель, автор многих публицистических статей, религиозных песнопений, стихов, в 1166 г. избранный армянским католиком. Особенно известны его стихи на светские темы. **О в н а т а н** Нагаш (1661—1722) — армянский поэт и художник-миниатюрист; в начале XVIII в. был приглашен в Тифлис ко двору грузинского царя Вахтанга VI. Его любовные и сатирические стихотворения по языку и мотивам близки народной лирике.

ИЗ ЦИКЛА «ВОСЬМИСТИШИЯ СОЛНЦУ»

* * *

Как бедра женщины, рожденной
Сводить с ума, сжигать, гореть,
К своей стихии раскаленной
Притягивает солнца медь.
И кони дико ржут во власти
Огня, траву полей топча,
И стонут женщины от страсти,
И ловят смех его луча.

* * *

Звонят подковы золотые:
Табун коней на солнце ржет.
Бесстыдно девушки нагие
Целуют солнца рдяный рот.
Уже воспалены их губы —
Целуют, словно жизнь губя,
Погаснет жар, святой и грубый.
Приди, я так хочу тебя!..

* * *

Прекрасное горит, сжигая,
Горит, живому жизнь дая,
Твоя вселенная живая.
Пока ты жив — сжигай, горя.
Сгорев, остынь, зола седая.
И лучше душу сжечь не зря,
Чем тлеть, чадя и не сгорая.
Пока ты жив — сжигай, горя!

ТРИОЛЕТ

Тому, кто любит жизнь и славит Землю нашу,
Отрадней на Земле и легче трудный путь.
Когда не хочешь ты в трясине потонуть, —
Ты должен жизнь любить и славить Землю нашу,
И чашу грусти пить, как пьешь веселья чашу.
Не лей напрасных слез и жалобы забудь.
Тому, кто любит жизнь и славит Землю нашу,
Отрадней на Земле и легче трудный путь.

* * *

Сегодня ли тебя найдет судьба,
И ты глаза закроешь, холодея,
Не жалуйся на смерть: она слаба
Перед душой бессмертною твоею.
Взаимы дала природа много сил
Душе твоей, пылающей, как пламя,
И ты сторицей долг ей заплатил —
Мечтами, думами, стихами.

МОЯ УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Рано-рано проснись поутру,
Чуть рассвет затеплится — встань
И увидишь звезды голубой игру,
Осиявшей раннюю рань.

Так же имя твое в былом
Засияло, Чаренц, светло.
Что за бездна его поглотила потом?
Что звезду с высоты свело?

Нет, не солнца горячий луч
В ранний час погасил звезду.
До зари еще темное воинство туч
Поднялось тебе на беду.

И звезда погасла во мгле,
Закатилась в бездонный провал.
Жажда песни томила сердца на земле,
Но Парнас —
Без тебя ликовал.

ОВАНЕС ШИРАЗ
(1914—1984)

ИЗ ПОЭМЫ «СИАМАНТО И ХАДЖЕЗАРЭ»

Пока выпадает роса на цветы —
Любуешься блеском земной красоты.
Пока по горам пробегает лань —
За нею, охотник, стремишься ты.

ВСТУПЛЕНИЕ

Народа светлая душа открылась до глубин,
И я любовно зачерпнул живой воды кувшин.

Я на созвездья в эту ночь возвел глаза свои,
И сердце юное мое проснулось для любви.

Казалось, от высоких звезд пахнуло ветерком.
Хаджезарэ, Сиаманто ко мне пришли тайком.

Стон их страдальческой любви мне в грудь стрелой
проник,
И замутила соль их слез моих стихов родник.

Они смотрели мне в глаза из тьмы былых времен,
И был отчаянием их мой разум опален.

Я повесть горестной любви прочел в глазах у них.
Сиаманто, Хаджезарэ оплакивает стих.

Как будто я свою любовь, тоскуя, схоронил
И на тернистую тропу в глухую ночь вступил.

И мнится: армянин-чабан во сне, в такую ночь,
На склоне горном повстречал курдянку, бека дочь.

И был их тайный поцелуй, как ветерок, несмел,
Да только тернии одни достались им в удел.

Подобно каплям дождевым в пустыне, без следа,
Они, сердец не утолив, исчезли навсегда.

А ну-ка, девушки, за мной! На розыски пойдем
Путем стиха, путем любви — сверкающим путем!

ПЕСНИ

* * *

«Ты заветный мой родник!
Ты приветный мой родник!
О, когда б к моей подушке
Мой возлюбленный приник!
Не по сердцу мне старик!
Пусть горит в огне старик!
Не седого —
 молодого
Приведи мне, джан-родник!»

* * *

«Полднего солнца луч
Дрожит в роднике.
Желанный, приходи, не мучь!
Сгораю в тоске.

Возлюбленный мой, явись!
Приди хоть на миг!
Уста мои запеклись,
А ты — как родник.

Мой сокол, моя беда,
Приблизься ко мне!
Во сне ты со мной всегда,
Всегда во сне!»

* * *

«Ты девушкой была во сне,
На скалы ты звала во сне,
Ты ланью резвою была
И в плен меня взяла во сне.

Я ото сна восстал во сне,
Тебя я обнимал во сне,
Поцеловал тебя средь скал.
Мне сон судьбою стал во сне».

* * *

«У студеного ключа
Никнет яблонька, шепча:
«Ах, любви хмельная влага
И сладка и горяча!»

Ты обет ключу дала,
Косы туго заплела.
Хвать-похватъ — свирель пастушья
Сердце в горы увела».

* * *

«Слышен сердца страстный стук.
Грудь моя — прекрасный луг.
Полно спать на твердом камне.
Приходи, несчастный друг!»

* * *

«О белоснежные мои,
Ягнята нежные мои,
Скитальца ждете вы со мной,
О неутешные мои!

Родная ванская волна,
Седая ванская волна,
Скитальца ты со мною ждешь,
Рыдая, ванская волна.

Моя нагорная тропа,
Крутая, торная тропа,
Скитальца ты со мною ждешь,
От горя черная тропа.

И ты, высокий мой Сипан,
Каменнобокий мой Сипан,
Со мною ты скитальца ждешь,
Туманноокий мой Сипан.

Вспоивший лозы, мой родник,
Взрастивший розы, мой родник,
Со мною ты скитальца ждешь
И точишь слезы, мой родник...»

* * *

«Там, в родимой стороне,
Розы дышат в сладком сне.
Мне весна зимы не краше,
Я не радуюсь весне.

Нет горы моей родной,
Нет овец моих со мной,
Нет со мной моей любимой,
Больше нет весны весной».

* * *

«Есть много путей. Все земные пути
Приводят куда-нибудь.
А мне, скитальцу, куда идти?
Кто мне укажет путь?»

Где счастье мое, на пути каком?
Созвездья, скажите мне!
Я гибну без милой в краю чужом,
Сердце мое в огне».

* * *

«Ветер летучий,
Дай крылья коню!
Птицы и тучи,
Я вас догоню!
Дай мне дорогу,
О каменный край!
Скалами лога
Не преграждай!
Еду за милой
Врагам на беду
Или могилу
Себе найду».

* * *

«О люди, скажите, кто видел из вас
Глаза, что я так люблю?
Я кинусь в пучину любимых глаз,
Тоску свою утолю».

* * *

«Льются вина, длится пир,
Беку мир принадлежит.
Как ягненок, рабский мир
У него в ногах лежит».

«Дочка бека, брось стыдиться,
Выйди, выйди, песню спой!
Молодица —
Смуглолица,
Точно персик золотой.
Песню спой за чашей пенной!
Твой жених — Азиз бесценный.
Между беков — бек Азиз,
Как среди гор — гора Масис.
За тебя недаром дали
Ровно тысячу овец,
Меньше стоишь ты едва ли,
Пусть не ведает печали
Досточтимый твой отец!
Азиз-бека ты достойна.
Стан твой точно тополь стройный.
Подойди и рядом стань!
Ты — звезда кочевий горных —
На веселье наше глянь!
Тысячу овец отборных
Молодая стодит лань!»

* * *

«Песня твоя семь печальных лет
У меня на устах.
Срезанной розы поблекший цвет
У меня на устах.
Если и вправду разбойник ты —
Увези меня.
Имя твое — слаще звука нет —
У меня на устах».

* * *

«Взял бы ты меня, милый, к себе на грудь, —
Я в себе не вольна.
Обручат, увезут меня в дальний путь, —
Я в судьбе не вольна.
Завтра будет уж поздно меня вернуть, —
Я в себе не вольна.
Станет черным замком брачный мой обет
У меня на устах».

* * *

«Зарех-бек обманул народ:
Вором честный чабан слывет.
Бек свою красавицу дочь
Пожелал обменять на скот.

Хочешь зятем зваться моим —
Заплати богатый калым.
Нет овец у Сиаманто,
Нищ пастух и горем палим.

Пусть я черствому хлебу рад,
Я любовью зато богат.
Иль не стоит моя любовь
Азизбековых тучных стад?»

* * *

«Я иду по тропе,
Любовь тая,
Словно в бреду.
Не узнаешь и ты,
О, тропа моя,
Куда иду.
Мой любимый придет
На страстный зов,
Встретит меня.
Я услышу сейчас
Серебро подков
Его коня».

* * *

«Опоясан отец твой цветным кушаком,
Мой отец с малолетства ходил босиком.
Как луна — та жена, что тебя родила,
Я от звездочки малой рожден бедняком.
Ты — садовый взлелеянный нежно цветок,
Я — суровый, пробившийся к свету росток,
Из-под мертвого камня к тебе я тянусь,
От огня твоего и красы изнемог».

* * *

«Побратим побратиму, как родник, говорит:
Утолю твою жажду, если жажда томит,
Если горе нагрянет и приблизится враг,
Побратим побратиму — меч надежный и щит!»

* * *

«Где ты, мой молодой орел?
Ты куда от меня ушел?»

Почему обманул меня,
Без подруги спустился в дол?

Ждал меня ты семь долгих лет,
А теперь мне защиты нет.
Только ночь ты провел со мной
И покинул меня чуть свет».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Но в том ущелье роковом, едва весна придет,
Два мака скорбные цветут, как говорит народ.
Дотоле не было таких цветов среди лугов —
С сердечком траурным в венце кровавых лепестков.
Хаджезарэ — Сиаманто погибли в цвете лет,
Но в облике другом они явились вновь на свет.
Как яркий свадебный наряд, горят их лепестки,
А темные сердца таят следы былой тоски.
Должно быть, их недолгий век — печальной доли знак:
Едва дотронешься рукой, и облетает мак...
И тянется к цветку цветок. И, прежде чем опасть,
Спешит поведать, трепеща, свою любовь и страсть.

АМО САГИЯН
(р. 1915)

СИНЯЯ ПЕСНЯ

Есть светло-синий мир воспоминаний,
Где горы в небо синее одеты,
И ноги у меня, как ноги неба,
И я стою в пустыне светло-синей
Один и одинок...

По лбу проходят
Светила синие, а на груди
Четыре ветра бьются в синей злобе
И с ярко-синим свистом пропадают
Неуследимо в синей пустоте.
Осаживаю синим свистом трепет
Тревожно-голубеющего сердца,
Но в трепете зыбучей высоты
От голубого головокруженья
Покачиваюсь...

Мирозданье снова
Переворачивается,
И снова дремлют надо мною горы,
И боги дремлют подле ног моих.

* * *

Темнеют горы на горах,
Ущелья в глубине ущелий.
Мне чужд заката смутный страх.
Темнеют горы на горах.
Воспел я отчий мир в стихах.
Я от камней зачат в камнях,
Мне в колыбели камни пели.
Темнеют горы на горах,
Ущелья в глубине ущелий.
Мне чужд заката смутный страх.

ОСЕНЬ В ГОРАХ

Осень втягивается в лощины
Из ущелья сквозь просвет,
Осень цвета камня и глины,
И конца ущелью нет.

Инеем исчерчены склоны,
Холод твой — как моя печаль,
Вдоль ущелья мой вздох приглушенный
За тобою тянется вдаль.

Просветлел твой поток гремучий,
Камень сух под стопой твоей,
Твои оседлые тучи —
Кочевье седых камней.

НА ДАЛЬНОМ БЕРЕГУ

Товарищи по играм и забавам
Ведут меня на дальний берег свой;
Как Иисус, стою в тряпье кровавом,
Исхлестанный крапивой и лозой.

— Я вам не лгал, я был у птиц в неволе,
Я никогда не забывал друзей... —
Оправдываюсь и кричу от боли
И просыпаюсь в комнате моей.

ТАК ЖИТЬ

Пуškai погаснет свет во взоре.
Но только бы слова, как сеть,
Держали мысль, и петь, и в хоре
Не онеметь, не онеметь.

Скатиться бы слезой пролитой,
Упасть бы птицею подбитой,
Но только бы в неволе была
Душой не тлеть, душой не тлеть.

Пуškai меня согнет работа,
Годам забот не будет счета,
Но только бы в часы полета
Не тяжелеть, не тяжелеть.

И жить веками, жить веками,
Сшибаться грудь о грудь с горами,
Дышать ветрами, встретить пламя,
Гореть, и крепнуть, и сгореть.

* * *

Радуга животрепещущая,
По ветвям выгибающаяся,
На дерево переселяется
Из моей красно-зеленой мечты.

ОРАВЕЛ¹

Ушло в туман воспоминаний детство,
И луч его, как сказка, догорел,
Но принял я ваш оравел в наследство,
И сказку воскрешает оравел.

О, сколько раз для прямодушной песни
Я покидал предел забот и дел,
Но нет напева чище и чудесней,
Чем ваш, землей пропахший, оравел.

И я, в ладу с судьбою, как другие,
Во славу жизни много песен спел,
Но с чем сравнить мне звуки дорогие
И отчий дух, проникший оравел?

Вы, мудрые отцы земли армянской,
Я жизнь отдам за гордый ваш удел.
Но как воспеть мне подвиг ваш гигантский
И ваш благословенный оравел?

¹ О р а в е л — песня пахаря.

* * *

Пойду, затеряюсь в листве неживой
Лесов, обступивших осенние горы,
Забуду раздоры, укоры и ссоры,
К замшелому камню склонюсь головой,
Для птиц перелетных я сердце открою,
И стану я ухом лесной тишины,
И, верно, услышу дыханье живое
Под грудями листьев уснувшей весны.

* * *

Твоими глазами, твоими глазами
Себя самого я увидел во сне,
Себя проклинал я твоими устами,
И стыд покаянный забился во мне.

И я пожалел тебя тысячекратно,
И тысячекратно тебя я простил,
Мне было во сне самому непонятно,
Как вытерпеть сон мой хватило мне сил.

Проснулся — и понял: руками твоими,
Руками твоими убит я давно.
Один я, а мнится, что стал я двоими...
Но этого мне объяснить не дано.

Из ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

* * *

Воздадим хвалу героям,
Воздадим хвалу грузинам,
Разметавшим вражье войско
По затопленным низинам!
Поглоти врагов, Арагва,
В правой битве помоги нам!

Гела смотрит на дорогу,
Молвит: «Копит враг обиду!»

Наш Георгий Базалетский,
Как скала, был крепок с виду;
Пастуха позвал Георгий,
Наставлял его, как сына,
И поклялся тот всевышним
Перед ликом господина:
«Я пошел на луг и вижу:
Вождь лезгинский мне навстречу.
Я его под сердце ранил,
Я с колена бил картечью».
«Горе мне! — сказал Георгий. —
Видно, целился ты мало;
У тебя ружье на славу.
Если б в цель картечь попала, —

Тот лезгин с земли не встал бы,
Изошел бы кровью алой!»

Лег туманной пеленою
Сон Георгию на очи,
В чистом небе гром небесный
Разразился ó полночи,
На Георгия лезгины
Навалились туча тучей.
Одного схватил Георгий,
Поразил рукой могучей.
Рот, как дрозд, лезгин сраженный
Раскрывает, умирая, —
Из груди торчит кинжала
Рукоятка роговая.

Поглядишь, мелькает быстро
В колесе бегущем спица,
А еще быстрее Георгий
На коне в Манглиси мчится.
Он врагов, как сучья, рубит.
Кто его храбрее в мире?

Беруа хвалу слагает,
Получается — шаири¹.

Подадим друг другу руки
И друг друга клятвой свяжем.
Поглядим-ка на дигойцев,
Слово доброе им скажем!
Как пошли на брань дигойцы —
Стон стоял над горным кряжем!

¹ Ш а и р и — стихотворная форма грузинской поэзии.

Люди двух вождей неверных
Выбегают из засады,
В их руках дымится ружья —
Ясеновые приклады.
Рану щупает Георгий,
Кровь бежит из-под ладони.
А в Манглиси днем и ночью
Строят храм на горном склоне,
Похоронят в нем лезгинов,
Перебитых в день погони.

Вот лежит Георгий, словно
Отдыхает перед боем,
А в устах клубятся черви:
Мы лицо ему прикроем.

Я сложил хвалу стихами
Нашим доблестным героям.

О ЦАРЕ ИРАКЛИИ¹

Царь Ираклий глянул гордо,
Молвил сабле боевой:
— Ну, что скажешь, сабля-горда?
Отзовись на голос мой!
Нападай, не зная страха,
Укрепляя длань мою, —
Покажу я, как с размаха
Рубят головы в бою!

¹ Ираклий II (1720—1798) — грузинский царь, государственный деятель и полководец.

* * *

По Самгори — полю чистому —
Едет юноша пригожий,
Едет юноша, на сокола
И на ястреба похожий.

За конем хромая девушка
Ковыляет, причитая:
— Возвратись, пригожий юноша,
Не гляди, что я хромая.

Ты ж меня по следу лисьему
Не погонишь, как борзую?
Сына выношу я статного,
Дочь рожу я не хромую.

И ткала бы я, и пряла бы,
Подходила бы с поклоном,
И в твои карманы золото
Я бы сыпала со звоном.

Засверкали бы, как зеркало,
У тебя на полке плоски,
К чохе¹ праздничной пришила бы
Я бубенчики-застежки,

Я пекла бы хлеб, спешила бы,
Ожиданьем не томила бы...

¹ Ч о х а — национальная грузинская одежда.

* * *

— Кто твой муж? Каков он с виду?
Я из дерева сухого
Родичам его в обиду
Мог бы вырезать такого!

За водой ходил студеной,
Косы я твои увидел,
Да меня твой отведенный
Взгляд, красавица, обидел.

Шла ты мимо скал отвесных,
На ходу носок вязала,
Слезы, чище рос небесных,
На вязанье проливала.

Дам тебе, моя отрада,
У креста Лашари слово:
Мне другой жены не надо,
Не желай и ты другого!

— Я клянусь любимым братом:
Ты один мне нужен, милый,
Только спор вести с богатым
У тебя не хватит силы.

Ты меня украсть не пробуй:
Жаль тебя. На горе наше

Не буди людскую злобу.
Ты лицом рассвета краше.

А у мужа наготове
Меч, добычу стерегущий, —
Мне дадут отведать крови,
По твоим плечам бегущей.

Уходи! Когда бы жалоб
Я твоих не услышала,
Я носки тебе связала б,
Окаймила ниткой алой.

— Пусть меня умчит в долину
Конь, на кречета похожий,
Сгинет конь, и сам я сгину —
Мне и гнев не страшен божий.

Научусь чеченской речи,
Называться Никой буду,
Грубошерстную на плечи
Ткань надену, мать забуду!

Мужа твоего десница,
Отсеченная, нужна мне,
Чтобы кровью ей сочиться
На чеченском черном камне!

— Погляжу, ты смелый воин,
Но тебя мой муж смелее;
Как тростник, ты станом строен,
Но тебя мой муж стройнее.

Он, как молния, примчится,
Он, как вихрь, тебя догонит,
Франкский меч твоя десница,
Отсеченная, уронит!

* * *

Я иду по степи Ширакской,
По степи меня ветер гонит.
Мотылек сидит на дороге,
Крылья алые долу клонит.

Так и платье любимой ало.
Защити меня, боже правый!
О, как тяжело, когда другому
Бросит милая взор лукавый.

Я окинул Алвани взором,
Другом стал я пустым просторам...

ГРИГОЛ ОРБЕЛИАНИ
(1804 — 1883)

**ЛИК ЦАРИЦЫ ТАМАРЫ
В БЕТАНИЙСКОМ МОНАСТЫРЕ**

Светит мне святой
Лик высокий твой,
Затаивший прелесть неземную;
Сердцем трепеща,
К синеве плаща
Льну в слезах, стопы твои целую.

В черный день скорбей
Радуюсь твоей
Тишине, лучистое виденье.
В безысходном сне
Снизойди ко мне,
Заглуши Иверии паденье!

Край цветущий твой,
Силой роковой
Твоего величия лишенный,
На пути обид
Никнет и скорбит,
Гнетом лихолетья помраченный.

Низведи твой свет,
Солнце древних лет,

Жительница горнего чертога,
Защити твой край,
Сгинуть нам не дай,
В день печали прогневившим бога.

Горестен и тих
Я у ног твоих, —
Не отвергни моего моления!
Вдовый твой народ,
Твой избранник, ждет
Снова твоего благословенья,

Чтобы край отцов
На владычный зов
Встал из гроба меж держав державой,
Церковью святой,
Речью золотой,
Мудростью украшенный и славой.

Воскреси наш слух,
Укрепи наш дух,
Нашу ревность оживи сыновью,
Чтобы снова пел
Мощь великих дел
Руставели, движимый любовью.

Укажи пути,
Душу просвети,
Расточи, царица, сумрак ночи!
— Но твой взор исчез
В синеве небес,
И меня твои не видят очи.

Кто я пред тобой!
Обречен судьбой,
Я отравлен горечью сомнений,

Ибо от меня
На закате дня
Отлетел надежды светлый гений.

Что распалось в прах,
Нам и в небесах
Не предстанет красотой слитной.
Где нам отыскать
То, что отнял тать,
Ворон взял добычей беззащитной?

Лживый, темный мир!
Вероломный мир!
Он померкнет пред лицом печали.
Тщетно — неживой
Дом пустынный твой
Мы твоим величьем населяли!

Превышая лес,
Достигал небес
Этот храм, затихший сиротливо,
Где, как сон, возник
Светозарный лик,
Выведенный кистью терпеливой...

ПЛАЧУЩЕЙ НИНЕ ЧАВЧАВАДЗЕ

Почему печальна ты,
Почему ты плачешь, Нина?
Если не одни мечты
Горя твоего причина —

Ты на грудь ко мне приди,
Я приму твои печали,
Чтоб они в моей груди
Слезы горькие рождали.

Мне милей твоя краса,
Если плачешь ты, мечтая:
На глаза твои роса
Набегает неземная.

Круглый катится жемчуг
По ланитам цвета розы.
Жаль мне будет, если вдруг
Перестанут литься слезы.

РАФАЭЛ ЭРИСТАВИ
(1824 — 1901)

ДУМЫ СЭСИА

Я земля и был землей,
Для труда землей рожденный,
Стала мне земля сестрой,
Мукою моей бессонной.

Что посею — не растет;
Не родит земля сухая,
И глядишь, на круглый год
Не хватает урожая.

То — хозяин на порог,
То — священник, то — урядник...
Гнут меня в бараний рог:
Много их, скупых да жадных.

Муравей — и тот мне враг.
Не дадут душе покою!
Отдохну я, бос и наг,
Под моей землей сухою!

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ
(1837 — 1907)

* * *

Женщина прекрасная со мною
Говорила раннею весною:
«Юноша печальный! Неужели
Ты не слышишь, как ручьи запели?
Погляди, как на земное лоно
Золото струится с небосклона!» —
«Не растает лед моей печали,
Как бы очи солнца ни сверкали,
Слезы под горячими лучами
Не прольются щедрыми ручьями!»

* * *

Юность, где сладость твоя? Где живые усилия,
Страстное сердце влекующие к яркому раю?
Чувства ограблены, рано подрезаны крылья,
Ветвью безлистной я в пору весны поникаю.

Юные сны расточились, как легкие тени,
Юное сердце покинуто верою ранней,
Радость убита холодным дыханьем сомнений.
И облетели цветы молодых упований.

Тщетным огнем неземную любовь называя,
Крылья подрезал мне разума вкрадчивый холод,
Чистого чувства померкла святыня былая...
Горе тому, кто в годá молодые не молод!

* * *

Под бременем печали изнывая,
Не у людей ищу я утешенья,
Сама собой, свободная, простая,
Приходит песня в горькие мгновенья.

Каких скорбей мы с ней не разделяли!
Она моей окутана тоскою.
Печаль ее сродни моей печали,
Столь милой мне, пока она со мною.

* * *

Пустую жизнь без вдохновения
Небесным даром не зови:
Она — земное порождение
И достойние земли.

Но если искрою нетленною
Твой подвиг западет в сердца,
Ты светом озаришь вселенную
И не изведешь конца.

Хвала любви! Хвала бесстрашию!
Служителю добра — хвала!
Он пьет бессмертье полной чашею
В награду за свои дела.

* * *

Темно вокруг, и на душе темно,
И это сердце — холода жилище.
Ни в ненависти, ни в любви — равно
Душа моя не обретает пищи.

Боролся я с коварством и враждой,
Окрепла юношеская десница,
Терпел я поражения порой,
Но ни пред кем не пожелал склониться.

Не стоили моих усилий те,
С кем я боролся долго и напрасно.
Не засмеюсь я, внемля клевете,
И не заплачу горестно и страстно.

Темно вокруг, и на душе темно,
И это сердце — холода жилище.
Ни в ненависти, ни в любви — равно
Душа моя не обретает пищи.

ВАЖА ПШАВЕЛА
(1861 — 1915)

ЗА ГОРОЙ ЗАСВЕТИЛСЯ МЕСЯЦ

За горой засветился месяц,
Над горой туман закрубился.
Мне огнем опалило сердце,
Я, скиталец, с дороги сбился.

Кинусь я со скалы пустынной,
Воронье исклюет мне щеки.
Не обнять мне той, по которой
Горько плачу я, одинокий.

По скале ручеек струится,
Напевает, неугомонный.
Горе мне! Умирает сердце
От печали неутоленной.

К детям скал¹ прислушайтесь: клегчут
И ширяют в соседстве грома.
Все твои родные — на свадьбе,
А мои — сиротствуют дома.

¹ Дети скал — птицы. (Примеч. Важа Пшавелья.)

РАСЦВЕТАЮТ ВЕСНОЙ ФИАЛКИ

Расцветают весной фиалки,
В пору жатвы трубят олени.
Сердце, словно изгнанник жалкий,
Горько плачет в изнеможенье.

Под горой от сердечной боли
Черной ночью совы кричали.
Неужели земной юдоли
Мало только моей печали?

Все проходит на белом свете,
И морское иссохнет лоно.
Для нанесших мне раны эти
Разве нет такого закона?

ВОТ ПРИШЛА И ЭТА ВЕСНА

Вот пришла и эта весна,
Просыхают отроги горные,
Тает снег об-он-пол горы,
Потемнели дороги горные.

Мечется Арагва, кипят
Пшав-хевсурские воды стылые,
Плачут, будто в могиле брат,
А сестра скорбит над могилою.

Выглянул фиалкин глазок,
Как сноха над фиалкой — чадуна¹,
А невестка хмельным-хмельна,
Дол кругом — как праздник негаданный.

Разукрасила мир весна
Где листвой, где цветами нежными.
Только сердце мое мертво,
Только сердце мертво по-прежнему.

¹ Ч а д у н а — щитовина, род папоротника.

ВОРОН ВОРОНА ОКЛИКАЕТ

На Эльбрусе ворон ворона
Окликает с камня седого:
«Просыпайся, брат, подымайся,
Время крылья расправить снова.

Пролетал я над долом давеча,
Ружья громыхали в Кахети,
Полегли в траву луговую
Матерей любимые дети.

Я — вперед, ты за мною по следу,
Нам с тобой лететь недалече,
Очи выпьем у недоумков,
Исключаем увядшие плечи.

Кахетинцев много порублено,
Рук не хватит копать могилы.
Я терзал уже клювом острым
Теплые и сладкие жилы».

ЗАСТОЛЬНАЯ

Наливай вина — и выпьем,
Выпьем, чтоб оно пропало! —
И пойдет прямой дорогой
Мир, бредущий как попало.
Потоплю я в турьем роге
Горечь сердца, злое горе,
Повстречаюсь я с любимой,
Поголяю на просторе,
Своего пришпорю Лурджу,
Вместе с Лурджой кинусь в море.
Много лучше смерть во славе,
Чем собачья жизнь в позоре.
Молодой боец не может
Видеть смысл во всяком вздоре.

ЖАЛОБА ДУДАРЯ

Заболел я всей скорбью мира,
Оттого и стал дударем.
Воры дудку мою украли,
Вот и плачу ночью и днем.
И на что она им, проклятым?
Не продать ее нипочем:
Солью слез ей глаза изъело,
Не украшен стан серебром.

Срезал я ножом безыскусным
Бузины тонкостенный ствол,
Из волос гонимых и нищих
Я колечки для дудки сплел,
В соловьиную горловину
Вдунул мира горький глагол,
А теперь втихомолку плачу,
Чтоб никто меня не нашел.

Пусть же вор могильную землю
Ртом щербатым ест не дыша!
О, как дико и нежно пела
Легкой дудки моей душа!
Ничего от вас не хотела,
Даже ломаного гроша,

И сама просилась мне в руки,
До того была хороша.

Мы сроднились, как брат с сестрою,
А теперь простились навек.
Слить бы голос ей с причитаньем
Синих гор, ущелий и рек.
Чтоб смеющийся, как ребенок,
Слезы лил и лил человек.

ОРЕЛ

Видел я: орел-подранок
Бился насмерть с вороньем
И, уже взлететь не в силах,
Землю мел одним крылом;
Из груди его струилась
Кровь слабеющим ручьем.

Чтоб вам сгинуть! Он попался
В час недобрый вам живьем,
А не то ваш пух по ветру
Долго вился бы кругом.

ГДЕ ТЫ, МОЙ ОРЕЛ?

Где ты, мой орел? Клювом бей,
Сердце рви кривыми когтями,
Дай свободу крови моей,
Дай душе изойти слезами!

Истомила меня печаль,
Но не могут слезы пролиться.
Сердцу больно — людям не жаль.
Помоги мне, вольная птица!

БЫЛ В ГОРАХ...

Был в горах, с вершины видал
Мир, припавший к дальним отрогам,
На груди светила держал,
Как пророк, беседовал с богом.

Мысль о благе мира была
Для души единственной мерой,
Жизнь и смерть во имя его
Были правдой моей и верой.

А теперь я спускаюсь вниз.
Тьма глотает меня в ущелье,
Злые думы с душой сплелись,
Сирым разумом завладели.

Сверху вниз брести наугад —
Горе мне! — как тяжело и томно...
Слезы не исцелят меня
На равнине этой бездомной.

О, зачем я себя обрек
На погибель без воздаянья
И сошел с горы? Чтобы стать
Тщетной жертвой? Чашей страдания?

СТАРЫЙ ЛЕВ

Притомился лев, притомился,
Наступила старость на горло,
Наложила подать на мышцы,
Когти царские поистерла.
На поклон зверье не приходит,
Будто все окрест перемерло,
И никто его не жалеет,
И прошла пора золотая,
Та пора, когда выступал он,
Землю лапами прогибая,
Всю державу свою рычаньем
Потрясал от края до края.
Приутих недавний властитель,
Сердце старое плачет сирю;
Мнится, он давно уже болен:
На костях ни мяса, ни жира.
И чело его омрачает
Дума о вероломстве мира.

Притомился лев, притомился,
Наступила старость на горло,
Наложила подать на мышцы,
Когти царские поистерла,
Шкура у него заскорузла

И в груди дыхание сперло.
Из очей, когда-то прекрасных,
Тихо каплет мутная влага.
Кто тебя в беде пожалеет,
Жертва старости, царь-бедняга?
Где гордыня? Где величавость?
Где высокое бремя славы?
Весь ты в шрамах и гнойных язвах.
Что за зрелище, боже правый!

Холодает лев, голодает
И мышкует в поисках пищи,
За зверями по следу ходит,
Просит милостыни, как нищий.
Для себя охотится каждый,
Лев к тому же чужой породы.
Кто глупей, тот на нем, беззубом,
Вымещает свои невзгоды,
А еще иному приятна
Вечная жестокость природы.

Никому из зверей не жалко,
Что погасло львиное счастье,
Тигры льстивые даже рады
Одряхленью Кровавой Пасти;
Не таясь, олени выходят
И зовут соучастниц страсти.

Голодает лев, холодает,
Наступила старость на горло,
Наложила подать на мышцы,
Когти царские поистерла.
Лев минувшее вспоминает:
Звери на поклон приходили,
И валялось парное мясо
У могучих лап в изобилье.

ЧТО, РЕКА, РЫЧИШЬ МНЕ В УШИ?

Что, река, рычишь мне в уши?
Что ты, ночь, глаза мне застишь?
Дай от дьявола уйти мне,
Дольный мир, откройся настежь!
Освети мне землю, боже,
Снизойди к моей тревоге!
Дома смутных глаз не сводят
Дети малые с дороги.
В мире этом злополучном
Долго ли осиротеть им?
Ты не дай без утешенья
Слезы лить несчастным детям.
Дети будут горько плакать,
Если я в дороге сгину...
Допусти до перевала,
Сроку дай сойти в долину!
Буду жив — меня дорога
Приведет в мое селенье:
Только там надежный отдых,
Там от раны исцеленье.
Где еще укрыться? Стал я
На чужбине сиротою,
Потому-то и не знает
Сердце бедное покоя.

Но домой спешу напрасно:
Матери я не застаю.
Предали меня надежды,
В сердце нанесли мне рану.
Вместо радостных приветов
Дома только плач услышу,
И одни заботы будут
Приходить ко мне под крышу.
Больше в мире этом скорбном
Ничего я не имею.
Пусть моя звезда погаснет,
Не заплачу я над нею.
Как мне жить, когда на свете
Нет мечте осуществленья,
И не выпадет мне счастья
Ни крупницы, ни мгновенья.
Горе мне! Хулы и муки
Ждут меня и за могилой.
Встанет *там* перед глазами
Все, что *здесь*, при жизни, было.

МОЛОДЫМ ПОЭТАМ

Наг и бос хожу по свету,
Голодая, холодая.
Неизбывной нищетою
Знаменита наша стая.
Печка жизни раскалилась,
Мне подобных выпекая.
Многим в этом бренном мире
Доля выпала такая:
Нас, рожденных матерями,
Всех могила ждет глухая.

Если я узды достоин,
Разве я склоняю шею?
Дружбой с вами клясться буду:
Всем на свете я владею.
Этот мир — мое богатство:
Горы, доли, вся природа,
Суша и морская влага,
Звезды — войско небосвода,
Сторож тучек — светлый месяц,
Солнце в ранний час восхода,
Радостный напев богатых,
Сиротливый плач народа,
Голубое небо, ведро,
Ливень, гром и непогода,
Розы вешнее цветенье,

Вся ее родня земная,
В блеклом платьице фиалка —
Скромница моя лесная,
Пйримзе¹ на горном склоне
И горянка молодая,
И роса, что жемчугами
На лугу дрожит, мерцая,
Долгий гул обвалов зимних,
Летом — россыпь дождевая,
Ад за гробом, коль затворят
Предо мной ворота рая...

Я реву, как бык могучий,
Я рогами землю рою:
— Боже, дай моей отчизне
Жизни щедрою рукою! —
Слыша о беде несчастных,
Слезы я струю рекою,
Мучусь я и колоброжу.
Праздность не в ладу со мною, —
С бедняком делюсь последним,
Не враждую с нищетою.
Я пришел во имя блага,
Связан я с моей землею.
Никого я не обижу
Злым деяньем, речью злою.
Я реву, как бык могучий,
Я рогами землю рою.
— Боже, дай моей отчизне
Жизни щедрою рукою! —
За несчастных и бездольных
Слезы я струю рекою.
Вдаль иду с горящей песней.
Блажь берет меня порою.

¹ Пйримзе (букв.: солнцеликая) — вид цветка.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

— О душа, где была, что видела,
Почему ты плачешь, душа?

— Я была в горах, барса видела.
Перед ним лежал, не дыша,
Холодея, детеныш пепельный.
Барс оплакивал малыша.
Знала ль я, что и зверя дикого
Скорбь терзает, сердце круша.

— Что же снова ты плачешь? Чем еще
Дольный мир тебя огорчил?

— Повстречался печалью раненный
Мне олень, исполненный сил.
Он бродил в одиночку по лесу,
А подруги не находил.
Он потерю свою оплакивал,
Отчий лес был ему не мил;
Радость жизни его покинула,
Клял он свой безответный пыл.
Да изведает одиночество,
Кто печаль ему причинил!

— Отчего ты снова заплакала,
О душа, скажи, что с тобой?

— Плачу я затем, что отравлена,
Точно ядом, горькой судьбой,
Долей горестной сирой женщины,
Дивною своей красотой,
Властной ослепить и ума лишить
Ослепленного красотой,
Красотой, сравнимой с фиалкою,
Алой розой или звездой.
Билась и рыдала красавица,
Голову посыпав золой,
Над высокой свежей могилою
Под скалистой Эльбрус-горой.
Кто погиб у нее — не ведаю,
Муж ее или кто другой,
Но меня ее причитания
Обжигали смертной тоской.
Почему же судьба жестокая
Не щадит красоты такой?

— О источник жалоб и жалости,
А теперь ты плачешь о чем?

— Я селенье дальнее видела,
Где разрушен был каждый дом
И повержен храм, и голодные
Дети ползали нагишом;
Где, обшаривая развалины,
Были горестно псы кругом,
Где столбы да стены щербатые
Были вычернены огнем
И усеяны сытым, каркавшим,
Перья чистившим вороньем.
Там с врагом сражался единственный

Уцелевший еще храбрец,
Но и он не достиг желанного,
И его подкосил свинец.
Будто волчья стая их резала,
Меж руин из конца в конец
Все селенье было завалено
Тушами коров и овец.
Снедью стал для жадных стервятников
Смертью храбрых павший боец,
Напились орлы сизокрылые
Влагой глаз и кровью сердец.

— Вот зачем ты одета в черное!
Чем еще ты удручена?

— Ничего не скажу я более.
Пред тобою — твоя страна.
Оглянись, поймешь, чем я ранена,
Отчего смертельно больна.

— Что ж хохочешь ты, как безумная?
Не таись, душа, предо мной.

— Я схожу с ума, я с ума схожу
От страданий земли родной.

РАЗЪЯСНИТЕ ФИАЛКЕ НЕЖНОЙ...

Разъясните фиалке нежной,
Что ее изничтожат слизи,
Что дверей блаженного рая
Не увидит она при жизни,
Что гордиться ей красотой
Ни к чему на собственной тризне.
Лучше б ей не глядеть на солнце,
Крепко спать в земляной отчизне.

Наше солнце непостоянно,
Счастья мало в нашем пределе.
Мать-земля, ты мою фиалку
Приюти в своей колыбели.
Твой обычай — служить покровом,
Пуха птичьего не тяжеле.

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ ВОИНОВ

Матери не для того ли
Пели нам у колыбелей,
Чтоб клинки мы отточили,
Чтоб кольчуги мы надели,
Чтоб сердца лихих соседей
Перед битвой холодели,
Чтоб не страшен был отчизне
Враг, искусный в бранном деле!

Жен, детей, поля родные
Мы удаче поручили,
Поклялись умыться кровью,
Посвятили жизнь могиле,
Чтобы дани мы вовеки
Урожаем не платили.
Наши матери недаром
Смелых витязей взрастили!

Жизнь сжигаем, как солому,
Для отчизны несравненной,
Умираем с легким сердцем,
Гибнем с песней дерзновенной:
«Пусть они умрут, — что нужды?
Дети вырастут мгновенно,
Кружатся колеса прялок,
И шумят крыла вселенной:

Сыновья бесстрашны будут,
Мужество отцов нетленно.

Кто теперь в наш дом ворвется,
Лютой смертью угрожая?
Побеждает тот, кто бьется,
Как солому, жизнь сжигая.
Мы живыми не уступим
Ни земли, ни урожая,
Мы клялись умыться кровью,
Жизнь сраженьям посвящая.
Ну-ка, витязей подобных
Родила ль страна другая?

Родины ничьей не тронем,
Только нас дразнить не надо.
Даже мертвый засмеется:
Будет хороша засада.
Живы будем — не пропустим
Ни единого отряда.
Отступить нас не заставит
Ни кинжал, ни кубок яда.
Мы, как львы, идем на гибель,
Смерть в бою — для нас отрада.
Мы спины врагам не кажем,
Пусть они бегут, как стадо.

Бейтесь так, чтоб наши внуки
Наши подвиги воспели.
Поразим себя клинками, —
Только б не был враг у цели»
Чтобы родине прекрасной
Угрожать враги не смели,
Надо, чтоб такие песни
Люди знали с колыбели,
Чтобы матери таких же
Витязей вскормить хотели.

ПРИГЛЯЖУСЬ Я К СЕБЕ

Пригляжусь я к себе — и больше
Не в обиде на путь земной:
Добрых дел совершил я много,
Прегрешений мало за мной,
Захочу долететь до неба —
Крылья вырастут за спиной,
Света горнего луч заблещет
В сердце, полном голубизной,
И словам на бумаге тесно,
И душа — струна за струной —
Пробуждается, запекает,
Словно птица ранней весной.

Я тогда, — невольник чонгури¹,
И хоть выскажусь не вполне, —
«Честь и слава песне высокой!» —
Люди добрые молвят мне.
Песня мне самому по нраву,
И отрадно мне, как во сне.
В лад единый строятся звуки
И бегут, подобно волне,
Отдохнуть чонгури не хочет,

¹ Чонгури — национальный музыкальный инструмент.

Я молчать не даю струне,
Все другие заботы в песне
Тают, словно лед по весне.

Я плыву по морю блаженства,
И держусь я за рукава
Одеяний творца вселенной
И слугителей божества.
Сыплется небесная манна,
Сладко кружится голова.
Матери хвала, чьей заботой
У меня душа не мертва!

Но растет число прегрешений, —
Петь хочу, а на сердце — тьма,
Не могу одолеть разлада
Слова жгучего и ума,
Я чонгури мучу напрасно,
Мир тогда для меня — тюрьма;
То перо, что в ранние годы
Заострила любовь сама,
Гробовые змеи обвили,
Остудила ведьма-зима.

Ад во мне, и свое зачатъе
Не устану я проклинать.
Так бывает, когда поэта
Не приосенит благодать.

ГОРАМ

О горы, горы,
С вами в разлуке
Я не стерпел бы
Всей этой муки.
Вас полюбил я,
Когда впервые
Меня пытливо,
Как часовые,
Вы оглядели,
Кручи живые.

Я не обманут
Сердечной жаждой.
Делю я долю
Вершины каждой.
Люблю вас крепче
Всего на свете,
Воины духом,
А сердцем дети,
Вольный, высокий
Притин столетий.

Я ненавижу
Низость бессилья,

Дух пресмыканья,
Веянье гнили,
Павшего духом
Мертвые крылья.
Мне утешенье —
Ваш строй нетленный,
В сердце навеки
Запечатленный.

Без вас я — клочья
Вопящей плоти,
Но не стенаю,
Чуть вы блеснете.
Споткнусь о камень
На повороте —
Вы снизойдете
К моей заботе,
И стану стойко
У самой цели,
Возвысив песню,
Как вы хотели.

Сияйте, горы,
В дали туманной!
Нектар надежды,
Лейся на раны!
Попранный, сирий,
Из пут обмана
Край наш рванется
К мечте желанной.

Дохните ветром,
Нашлите бурю,
Пусть не увижу
Солнца в лазури;
Жизнь отымая,

Бейте по-турьи,
Щебнем засыпьте —
Глаз не прищурю.
С ваших ладоней
Хлебну отравы,
Смиренно лягу
На ваши травы.

Не только ваши
Радости помню,
И ваше горе
На грудь легло мне,
А думы снова
Как прежде с вами.
Вы преграждали
Мне путь ручьями,
Меня сжимали
Седыми льдами,
Вы заливали
Потом глаза мне,
В угон метали
То град, то камни;
И проклинал я
Снег в три аршина,
И ненавидел
Ваши вершины.

Давно из сердца
Ушло все это,
В нем только розы
Алого цвета.
Связь моя с вами
Не ослабела,
Чуть вас увижу —
Снова за дело!
С вами в разлуке,

Как лодка в море,
Я затеряюсь
В чуждом просторе.
Вот вы встаете
Грядой неровной,
С духом и плотью
Связаны кровно.

Голову вскинув,
Днями-ночами
Веду неравный
Бой с палачами.
Как ваши воды,
Хлыну ручьями,
Бурливой песней,
Могучим словом...
И что при встрече
Скажу еще вам?

Тучи прорвите!
Небо измерьте!
Ввысь простираюсь —
И нет мне смерти.
Люблю высоты
Духа и мира.
С вами надежда
Не будет сирой,
С вами пребуду
Мечтой и речью,
Выйду из гроба
Горам навстречу.

ДЛЯ ЧЕГО Я ЖИЛ НА СВЕТЕ?..

Для чего я жил на свете,
По ночам не мог заснуть,
Если на краю могилы
Я клянусь свой дольний путь?
Для чего тебя любил я,
Чем тебя мне вспомнить,
Если тернием измены
Ты изранила мне грудь?

Я сквозь горы пробивался,
Грыз холодный камень скал,
Под полою чувств, как розу,
Образ твой отогревал,
Прирастил, как розу, к сердцу,
Слезы лил и ликовал.

Как расписку долговую,
Клятву ты разорвала
И теперь на грудь другому
Головою прилегла.
Вероломство и разлука
Жизнь мою сожгли дотла.

ПЕСНЯ СТАРИКА¹

Сном забылся в юности,
А проснулся в старости,
Проклинаю хворости,
Плачу я от ярости:
Борода косматая —
Словно вата грязная,
И на ум столетнему
Мне приходит разное:
Снилось мне, что бедствую,
Грезилось, что праздную...

А что к людям не хожу —
Люди не виновники:
Рóга я не удержу,
Не гожусь в любовники,
Строить дом я не возьмусь
Подсоблять приятелю, —
Лучше в келье затворюсь,
Помолюсь создателю.

Мир и счастье девушке,
Не меня целующей!
Не меня на солнышке
Встретит ветер дующий.
Мне на что надеяться?
Может быть, засну еще?

¹ Эту песню поет косарь или жнец, работая в одиночку.
(Примеч. Важа Пшавелья.)

БЫЛИ МЫ В ГОРАХ

Были мы в горах,
Я и Бердия.
И под грудь кабан
Мне клыки всадил;
Я убил его
И кабанью кровь
Со своей смешал;
Но никто мне ран
Не перевязал,
И лежу без сил,
А в глазах туман.

И товарищ мой
На меня теперь
Смотрит, как слепой:
Перед ним лежит
Средь травы густой
Мною взятый зверь.

Нагрузив осла
Кабаниною,
Он в обратный путь
Собирается;
Возвратясь домой,
Пред своей семьей
Он добычею
Похвывается,
Пляшет, пьет, поет,

Рог в руке держа,
И его души
Совесть не грызет,
Как железо ржа.

Дела нет ему,
Что кончаюсь я
Не в родном дому,
А в лесной глуши,
Что с семьей навек
Разлучаюсь я.

Слушай, человек,
Я тебе не враг.
Без меня моя
Пропадет семья.
Чем ты, Бердия,
Стал в ее судьбе?
Черный Бердия,
Разве можно так?
Неужели, брат,
Бога нет в тебе?

РАЗДЕЛ ДОБЫЧИ

За столом Бабураули
Восседал в Гуданис-Джвари.
Во дворе метали жребий,
Шум подняв, как на базаре,
Тысячу овец делили
Да быков добытых двести.
Но воителю негоже
Ставить скот превыше чести,
Вот и скрылся он в молельню,
Чтоб не быть со всеми вместе;
А еще он ранен в руку.
И, как должно, боль скрывает,
Служка, стоя на коленях,
В чашу пиво наливает.
«Дело доброе — что свечка
Перед божиим порогом.
Из рабов Гуданис-Джвари
Ты для славы избран богом».

Служка чашу подымает:

«Как рассудишь справедливо —
До чего же люди мелки!
На врага идут лениво,

И потом за стол садятся
Не в черед и суетливо.
Только в том видна их доблесть,
Что хлестать здоровы пиво.
Ты один, Бабураули,
Наших гор краса и диво!»

Служка чашу осушает:

«Много лет живи счастливо!»

И тогда снаружи люди
Двери настежь распахнули,
Ворвались и загадели:

«Выходи, Бабураули,
За двенадцатью быками,
За богатою поживой!»

И сказал Бабураули,
Подбоченясь горделиво:

«Всё берите, ничего я
Не желаю, кроме пива!»

«Всем нам счастье улыбнулось,
А тебе на долю пало
Больше всех, и ты не думай,
Что двенадцать это мало!»

Отвечал Бабураули:

«Вы поймите, что ни спьяну
И ни стрезву из добычи
Ничего я брать не стану:
В этом я святыне нашей

Клятву дал по доброй воле.
Что мое, то при разделе
Вы своей считайте долей,
Мне же и козы не надо.
Только б клятву бог услышал!»

И, в косую сажень спину
Показав, он в двери вышел.

ТО, ЧТО ВИДЕЛ Я КОГДА-ТО...

То, что видел я когда-то,
Вижу в наши времена.
Как во дни Адама, так же
Мать над люлькой склонена,
И никто дитятю крепче
Не полюбит, чем она.

Небеса всего богаче
Украшает божество,
Храбреца — любовь к отчизне,
Подвиг мужества его.
Если он самозабвенно
Доблесть выкажет в бою
И, отбросив меч со стоном,
Сложит голову свою,
Неизбывное блаженство
Он изведает в раю
И свою затеплит славу,
Как свечу, в родном краю.

По извечному закону
С гор седой туман течет;
Если дерево подрубят,
Вянет лист и гибнет плод;

За весной приходит лето,
Осень зиму приведет;
Словно дружка за невестой,
Вслед за жизнью жизнь идет;
Солнце греет, холод студит,
Слезы лить неволит гнет,
И в уста любовь целует,
И в глаза вражда плюет.

Поцелуй — дитя пристрастья,
И дитя обиды — мечь.
Неизменные законы
Для всего на свете есть.
Повторяется от века
Роковых страстей игра.
Завтра может стать владыкой
Тот, кто был рабом вчера,
В золотом венце подняться
На престол из серебра.

Если прежде так бывало,
Точно так же будет впредь;
Без повторных изменений
Нам судьбой не овладеть,
И природе благодатной
Не желтеть, не зеленеть.

Вот зачем прошу я бога —
На страдальческом пути
Дать грузинскому народу
Мир и счастье обрести.

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ
(1892—1959)

ЧТО НЕ ПОКРЫВАЕТСЯ ЗАБВЕНЬЕМ

Нашим стремленьям — тянуться к вершинам —
Издавна путь преграждала природа.
Там, на горах, в этом крае пустынном,
Разве не чудо шаги пешехода?

Путник на горы глядел из Тбилиси,
Видел величье вершин в отдаленье:
Сквозь времена прорываются выси,
Не покрываясь туманом забвенья.

Вот ты поёшь — и колеблются тучи,
Ты в одиночестве, путник счастливый;
Слева — утесы у рощи дремучей,
Справа — кустарник и сонные нивы.

Здравствуйте, горы, крутые отроги,
Дальние доли и дымы селений,
Дуб вековой на высокой дороге!
Здравствуйте, скалы — царство оленей!

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ
(1899—1966)

ЗАВЕТНОЕ

Разве сгинет напрасно сила,
Что живое сердце излило?
Разве мало его горнило
Изумрудов мечты взрастило?

Иль в глубины сердца людского
Я войти огнем недостойн?
Помоги мне, жаркое слово,
Зазвучи! Я — твой верный воин!

Мать-отчизна, в душу сыновью
Ты вдохнула свое волненье,
Искрометной своею кровью
Ты поишь мое вдохновенье.

И тянусь я к фиалке жадно:
— Я возжаждал тебя до боли,
Упади мне на грудь прохладной
Синей каплей родного поля!

Я возрос на земле грузинской,
И звенит, звенит мое слово
В честь твою, о край материнский,
С силой, данной твоей основой!

Как прирос я к тебе, родная:
Сердце — к сердцу, ладонь — к ладони.
Я горю — росинка живая —
На твоём благодатном лоне.

Пусть тебе возвратится, щедрой,
Все, чем ты меня одарила:
Словно капля в земные недра —
Труд мой скромный, сыновья сила.

СИМОН ЧИКОВАНИ
(1902—1966)

ТЕНЬ ОТЦА

Я не сплю. Я во власти тревоги,
Я послушен дождю за окном.
Ветер в двери! Отец на пороге,
В мокрой чохе он входит в мой дом.

Это сон. Это явь. Он в могиле.
Он мерещится мне в забытии.
«Где ты был? Мы тебя не забыли.
Как промокли одежды твои!»

Он стоит, не скрывая обиды,
Опираясь на тот же костыль;
И по дому под ветром Колхиды
Дождевая проносится пыль.

Вот он кашляет глухо — он болен,
Воду пьет и чуть слышно потом
Говорит, что невесткой доволен,
Что моим он доволен жильем.

Опускаются влажные веки,
Растекаются капли дождя:
«Если дочь потерял я навеки,
Я измучусь, ее не найдя».

«Погляди на меня, — я отвечу, —
Я в слезах пред тобою стою.
Думал я, ты готовишь ей встречу
Там, в твоём безымянном краю.

Чоху высушим, в нарды сыграем,
Отдохнешь у меня наконец.
Ничего, мы её повстречаем.
Стол накрыть разреши мне, отец!»

Но отец мой уходит из дома, —
Слышен капель томительный звон, —
И меня покидает истома,
Принесенный дождем полусон.

ГОРЫ ПОЮТ

Предгорий нежных вырез красноватый.
Заката пламенеющий веноч.
Молитвенные горы ввысь подъяты,
И как мольба — морская гладь у ног.

По берегу орнамент тенью вышит,
И жесь листвы роняет лавр с ветвей.
Блажен, кто зов отечества услышит
Над мутноводной Чорохой своей.

Кем пролито маджари на вершины?
Кем без границ простерта синева?
Аджарских гор поет мне хор единый
О мудрости негромкие слова.

ЗАКАТ

Излука моря, горы и предгорье,
И на откосах чайные кусты.
Мне волноваться впору бы, как море,
Но я молчу, я в круге красоты.

Стою в тени — платан среди платанов —
И жду волны вечерней. Вот когда,
Как дикий хор кудрявых великанов,
Нисходит к морю горная гряда.

Кувшину сердца суждено пролиться,
Мой жар остудят ветер и листва.
О, жизнь моя! Еще одна страница,
Как парус в море, брезжит мне едва.

Уходит день — хевсур светлородый,
Из сумерек я вглядываюсь в даль:
Мне люб закат, воспламенивший воды,
И дней осенних светлая печаль.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Мне осень улыбнулась на просторе.
Небесная безбрежна синева.
Вечерний час ведет меня от моря,
Как песня друга, слышная едва.

Иду навстречу веянию платанов,
Минуя мальчуганов у воды.
Уносит поезд, в дым вечерний канув,
Безмолвное предчувствие беды.

Иду на лепет апельсинной кроны, —
В листве — заботы пристальной печать, —
И давний след в траве темно-зеленой,
Шаг юности хочу я отыскать.

Вернуться к догорающему пиру,
Пригубить вновь заздравных чаш янтарь,
И странником опять пройти по миру,
Пылая жаждой, верной мне, как встарь.

Родник я отыщу по вдохновенью.
Далек мой путь и, что ни день, трудней.
Как странник, покидающий селенье,
Иду под сенью множества теней.

А берег мой, увенчанный шафраном,
Мне издали последний шлет привет,
И я прощаюсь с журавлиным станом,
Как с драгоценным даром зрелых лет.

В ДУШЕ РАЗБУШЕВАЛАСЬ ЛИСТВА

В моей душе листва разбушевалась —
Неотвратимый близится полет.
Я тороплюсь, мне остается малость, —
С вершины — долу жизнь моя идет.

Я листья эти гладил в час рассвета.
Увял цветок, и меда нет в цветке.
Хватаюсь за соломинку, а это
Пшеничный колос у меня в руке.

Еще в полях — я сеятель достойный,
На склонах гор — я сборщик миндаля,
Не утолил я жажды беспокойной,
И вот — встречаю осень, как земля.

Промчался дождь, и высохла дорога,
В суме довольно снеди у меня.
Оставь меня, тревога, и не трогай
Моей души янтарного огня.

Глоток вина, еще немного сыра
Да хлеба кус — и побреду опять.
И если ночь крылом коснулась мира,
А сон нейдет, так для чего мне спать?

В душе и впрямь, быть может, гаснут свечи.
Не плачу я и не твержу молитв.
Мне снова горе падает на плечи,
И снова рана старая болит.

Еще усталость не вошла мне в жилы,
Еще я помню юношеский пыл,
Забот не меньше у меня, чем было
В те времена, когда я молод был.

ЛИСТОПАД И ОЗИМЫЙ СЕВ

Этот мир быстротечный,
Ход мгновенный времен...

Важа Пшавела

На седину не поскупилось время
И спело песню сумерек. Иду,
А за спиною — старость, вровень с теми
Платанами, чьи листья как в бреду.

Я здесь косил, да сено ветром сдуло.
О п^иримзе¹, где нежный венчик твой?
Редея, кроны клонятся сутуло,
И в дол схожу я узкою тропой.

И как Шопен — мне листьев шум, похожий
На приглушенный, горестный напев.
Мир быстротечен, как всегда, но все же
Под этот шум идет озимый сев,

¹ В данном случае упоминание о п^иримзе навеяно стихами Важа Пшавелы; п^иримзе — любимый цветок поэта, часто встречающийся в его поэзии.

И память копит избранные думы,
Как золото запасов семенных.
А листья — как червонцы толстосума:
Настанет ночь и обесценит их.

Вгляжусь в туман: где моря блеск вчерашний?
Древесный корень мне связал ступни,
Мне лучший плод не сладок, а на пашне
Я сеятель еще и в эти дни.

Поет мне вечер жизни или года —
Души моей и боль и благодать.
Хочу я ради отчего народа
До поздней ночи внуку передать

Умение земли родимой раны
Любовью врачевать...

Но листопад —
Что значит он? Что говорят платаны?
Зачем, как листья, волны шелестят?

АРМАЗСКИЕ ВИДЕНИЯ¹

І. ДРЕВНЯЯ МЦХЕТА

Мцхета, Мцхета, Грузии основа!
Славлю я приход ее весны,
Я по крови ей родня — и снова
Розы и знамена взнесены.

Здесь мотыга первого грузина
Грянула, как первая гроза,
И срослись крест-накрест воедино
Дева и нагорная лоза.

Жар, что нес мой пращур на ладони,
Оживлю дыханием одним.
Здесь очаг мой на кремневом склоне.
Здесь огонь. Здесь первозданный дым.

Мы — сыны минувших поколений —
В помыслах бесстрашны и чисты;
Как ветвисторогие олени
Мы трубили с этой высоты.

¹ Армаз — гора в Грузии.

Наше пламя ветер гор колышет,
Тьму веков мы грудью рассекли.
В саркофаге полководец дышит,
Слышен звон меча из-под земли.

И мое, как след резца на камне,
Уцелело в бурях бытие:
Мцхета нежной матерью была мне,
Да святится сок лозы ее!

Нет реки на белом свете слаще
Отчих рек, обетованных мне.
Я — олень, их верный друг, трубящий
С высоты Армаза по весне.

II. ДУМЫ О СЕРАФИТЕ¹

Тьмой иверийской каменные плиты
Подернуты. На Мцхету ночь сошла.
Коса в гробу почившей Серафиты
Грузинские твердыни оплела.

Припомню сосны, ежевику в чаще
И виноградных гроздей благодать.
Дано мне облик Серафиты спящей
По этой легкой тени угадать.

О нет, не тень, а только отблеск линий...
Не расточить, измучиться над ним,
Найти бессмертье в каменной пустыне,
Очарованье, смутное, как дым.

¹ Во Мцхете было найдено еще языческое захоронение некоей С е р а ф и т ы.

Недаром вечность нам, живым, открыта.
Покой незримый в камне заключен.
В родной земле почитет Серафита,
И сон ее — времен минувших сон.

И Серафита шепчет из могилы:
— Всё суета. Во тьме пролег мой путь,
Над камнем веет ветер ширококрылый.
Позволь мне петь, иль спой мне что-нибудь.

Я говорю:

— Не суета земная,
Лоза тугая обвивает жердь.
Твоя коса, как золото сияя,
Связала крест и победила смерть.

Да будет песня о великой силе
Твоей красы — как старое вино.
Тому, кто был прекрасен, и в могиле
Прекрасное бессмертие дано.

Встань. Стол накрой. Хочу к твоим рассказам
Прислушаться. О тень, заговори!
Ты — утреннее небо над Армазом,
Дитя, благословение зари.

III. ХВАЛА СЕРАФИТЕ

Ветвь Армаза несравненная,
Мцхеты нежной дар бесценный,
Снится ли тебе вселенная?
Или снишься ты вселенной?

Кем ты названа по имени?
Где ты, где ты, Серафита?

Серафита, посети меня,
Прилети, плющом повита!

Красота твоя не сгнула:
Ты, лиловых гор жилица,
Пламень свой из гроба вынула,
Пусть хоть пепел возвратится.

Гблоса ли прежней силою
(Иль за гробом света мало?)
Ты свою девятикрылую
Душу в склепе удержала.

Древний путь затерян в замяти,
Встань, дитя, на перевале,
Подари нас хлебом памяти,
Спой, как мы с тобой певали.

Серафита, будь попутчицей —
Сапурцлия, или Мцхета, —
О, как ждет, как песней мучится,
Как томится сердце это!

Тень, в гробу запечатленная,
Песня на холодном камне,
Не озябни, сокровенная,
Ты, как сон, как явь, нужна мне.

Шелк твой веет над долиною.
Встань, как встарь, необычайна.
Кто ты, Грузия старинная,
Ревность ты моя и тайна?

IV. ЗАКЛИНАНИЕ СЕРАФИТЫ

Буря чертоги разбила твои.
Горе Армазу! Крыло у него перебито.
Ждал я тебя у гробницы твоей, Серафита,
Ждал я — в полях пересохла ручьи.

Спой мне! Когда-то мы пели с тобой,
Пели, как реки, бок о бок залившие Мцхету.
Вот я нашел тебя. Песню забытую эту
Вспомни, крылатая. Спой!

О, для чего ты с собой унесла
Древнюю тайну? Зачем опочила в могиле?
Чтобы напевы твои над могилой застыли
Слаще печали, прозрачней стекла?

Я всколыхну голубиную речь,
Голос твой, нерасточенный немymi годами.
Верен тебе, я снимаю корзину с плодами,
Чашу слагаю с натруженных плеч.

Тонкой рукой приношенья коснись
И не отвергни моей переполненной чаши.
Встань! По-язычески за виноградники наши
И за отчизну свою помолись.

Выйди из гроба. Настала пора.
Славы минувшей покинуть седое гнездовье.
Благослови, осені нас высокой любовью,
Прелесь твою возврати нам, сестра!

КАРЛО КАЛАДЗЕ
(1904—1988)

КАМЕНЬ

Был я камнем и, в твердыню
Встроенный среди камней,
На плечах держу поныне
Древность родины моей.
Кладка общая — доверье,
И любовь крепит в камнях.
Льнут к долине Кахабери,
И Саингило, и Ках.

Был я камнем... Призван к славе —
Глыба, сколок отчих скал —
Я основой Рустави
Для времен грядущих стал.
За стеной стена вставала,
Шел орнамент по камням, —
И в каком из них начало
Наступающим векам?

Был я камнем, твердью, силой
Белых и седых камней.
Этот луг земля вспоила
Белизной моих костей.
Но дыханьем жизни новой
Средь камней дышал и я,
Послужил и я основой
Для величья бытия.

ПАОЛО И ТИЦИАН¹

Вспомню по сердечному веленью
Блиzkих мне сынов моей земли.
Мнится, в день один, в одно мгновенье
Паоло и Тициан ушли.

Мнится, в день один, все вместе, хором,
Спросят в мир пришедшие о них.
Я хочу восставить их пред взором,
Погостить во временах былых.

Вольный дух мне грудь отверз для слова,
И меня навеки взяли в плен
Тот, кто был, как сердце жизни новой,
И стиха грузинского Арсен².

Оба не свидетели двадцатых —
Братья этих памятных годов;
Им двоим — по духу младший брат их —
Я доверил смуту ранних снов.

Сверстников я в них искал впустую:
Позже их родился я на свет.

¹ Имеются в виду выдающиеся грузинские поэты П а о л о Яшвили (1895—1937) и Т и ц и а н Табидзе (1895—1937).

² А р с е н Одзелашвили — народный герой Грузии, вождь восстания начала XIX века.

День за днем, то плача, то ликуя,
Прожил я шестой десяток лет.

Солнце, добрый утешитель, что же
Не считаешь ты моих потерь?
Вот на двадцать лет меня моложе
Паоло и Тициан теперь.

Цвет меняет возраста примета,
Но, как встарь, бушует в жилах кровь.
Не теряет молодого цвета
Наша нестареющая новь.

Хору народившемуся тесен
Горного хребта широкий склон.
Сердцем я вверяюсь морю песен,
Гулу наступающих времен.

Век мой не обнес меня подарком —
Кормит хлебом завтрашнего дня,
Юность не скудеет в сердце жарком
На седьмом десятке у меня.

И когда, как солнце из тумана,
Жизнь встает и учит петь и жить,
Как могу забыть я Тициана,
Как могу я Паоло забыть?

Учит время:

даль близка.

И крепок,

Как в былые годы, наш союз.

Облака —

улыбок наших слепок,

И в антеннах —

песни наших муз.

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ
(1909—1992)

ГОЛОС У ГОЛГОФЫ

Вот я у Голгофы,
 О боже,
 Вот я у Голгофы,
Где свет мне забрезжил
 И день твой погас при распяты,
Я — чистой молитвы грузин
 Благодатные строфы,
И сонмам безбожных —
 Я Грузии отчей прокляты.

Я — дерево сухое,
 Нагое,
 Безлистное древо,
Твой цвет — не увянет,
 Твой ствол — непреклонен и строен,
Ты — солнце,
 Распятое
 Дланью неправого гнева.
Тень солнца померкшего —
 Казни я не удостоен.

И ведомо только тебе,
 Только мне,
 О, сладчайший,

Блаженство распять,
 Что жители слезной юдоли —
Народы земные —
 Равняют
 С отравленной чашей
И мукой горчайшей, —
 Одним только нам,
 И не боле.

Я — червь,
 Я — молящий о жалости грешник,
 Но кто же,
Кто зов твой услышал
 И понял, как я,
 Ты — властитель
Всех душ,
 Всех глубин тайнозритель,
 Мой боже,
Но душу твою
 Кто, как я, изучил,
 Мой учитель?

Кто истинней мог бы,
 Смиренней, чем я,
 Вдохновенней —
Рыданья души твоей
 Горлом почуять до дрожи,
Постичь, почему
 Ты, как в полдень взыскующий тени,
Бессмертье само,
 Верной смерти возжаждал,
 Мой боже.

Кто лучше меня
 Знает волю твою,
 Что затмила
Дневное светило

И крест возвела при Пилате?
Врата распахнулись небесные,
Зрелость и сила
По слову всевышнего
Пала на плечи дитяти.

И что есть распятие
И эта палящая жажда
Смешения с прахом земным
И небесною влагой?
И разве распятие
Не честь для того,
Кто однажды
Увидел не в жизни
Отраду и высшее благо?

Ревнуя по истине,
Мы откровенья алкали,
И, мир постигая,
Мы истине оба служили,
Я — чадо земли,
Плоть от плоти греха и печали,
И ты —
Без греха,
Воплощенный в величье и силе.

И если твой цвет молодой
Затоптало коварство,
То я, как Меджнун,
Годы старости встретил в пустыне,
И мне,
Кроме истины,
Нет ни пути,
Ни лекарства,
И жаждой былою
Томится душа и поныне.

И что же?
Я, смертный,
Достиг ли таинственной цели?
Я верой в нее
Истомил мою душу. И что же?
Нашел ли?
Достиг?..
Жизнь кончается,
Сроки приспели,
Мой путь завершен.
Я стою пред тобою,
Мой боже.

О боже, распятый за истину
В Иерусалиме,
Душе моей страстной
Несносны земные утраты.
Я в поисках истины
Зверя степного гонимей,
Судьбою истерзан,
У гроба стою нераспятый.

Пока не исчез я бесследно
Под крышею гроба
В утробе отчизны твоей,
Каменистой и ржавой,
Скажи мне:
К чему
Так стремились при жизни
Мы оба?
Скажи наконец:
Что есть истина,
Боже мой правый?

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ
(р. 1913)

НИ ДОЖДЯМИ, НИ ВИХРЕМ

Есть любовь изначальная,
Оправданье вселенной, —
Все мы кости игральные
Красоты несравненной.

Не щедра ты, избранница,
Не полна твоя мера.
Что ни делай, останется
В сердце твердая вера.

Листья сорваны грозами,
Перепутаны бурей,
Но забрезжит над лозами
Проблеск чистой лазури.

Он дождями не смывается,
Вихрем он не сотрется.
Сердце думами кроется,
С горя песня поется, —

Празднуй, неблагоклонная,
Я на праздник не прошен,
Я, как ветка зеленая,
Милой под ноги брошен.

Мерь нещедрую мерою,
Осуди эту ересь:
В красоту твою верую
И умру, не изверясь.

ДАРКВЕТСКАЯ ЛУНА

Нечто, похожее на этот лист.
Надвое распавшаяся единая сущность.

Гете

Приди, я тоскую, приди мне помочь,
Меня окружила даркветская ночь,
А ты, как двойного листа половина,
От стебля единого отделена.
Я твой Модинахе¹, я прах, я руины.
Нельзя до тебя дотянуться, луна.

Как хлынул бы я, непокорный судьбе,
Рекой полноводной навстречу тебе!
Рванулся — и встретил я полчища вражьи,
Рванулся — и вражьи знамена шумят.
И в каменных латах я замер на страже —
Застывший над бездной немой водопад.

Зачем эти горы покинула ты?
Вернись! Я, как ястреб, гляжу с высоты,
И камни, свидетели славы вчерашней,
Могучие камни окутаны мхом,
И ночь окружила разбитые башни...
А ты в небесах у меня под челом.

¹ М о д и н а х е — название древней крепости в Грузии.

К тебе мои темные думы плывут,
Тебя одичалые глыбы зовут,
Когда-то с тобою мы были едины, —
Войди в мою душу, как в те времена
Я твой Модинахе, я прах, я руины.
Даркветская ты молодая луна.

ПРАВИТЕЛЮ ДЗЕВАХУ¹

Я зову тебя: выйди из гроба!
Я ищу тебя: где ты, Дзевах?
Перед общей судьбою мы оба —
Уходящий в безвремяе прах.

Отзовись на мой возглас грузинский,
На призыв стихотворной строки,
Чтоб рванулся твой конь исполинский,
Чтобы взвился твой сокол с руки.

Но вдова молодая со стоном
От тебя отвратила лицо,
И на камень холодный со звоном
С мертвых пальцев скатилось кольцо.

Твоего отгоревшего счастья
И биения крови твоей,
Может быть, не забыли запястья,
Виноградины пыльных камней?

¹ В Мцхете в одной из гробниц найдена именная гемма правителя древней Грузии патиахша Д з е в а х а.

Может быть, у твоих украшений
Память есть о движеньях живых
И твоей истомившейся тени
Вновь коснуться хотелось бы их?

Может быть, ты и вправду измучен
Вдовым плачем над гробом немым?
Съеден ржавчиной меч, и приручен
Твой охотничий сокол другим.

Может быть, в одинокой могиле
Истлевавшие руки твои
О последних объятьях молили,
О блаженном земном бытии?

Время льнет к твоему изголовью,
Ты в глаза ему прямо смотри, —
Встань, Дзевах! Мы равны пред любовью, —
Патнахши, поэты, цари...

ЗНАМЕНА

Народ грузинский помнит времена,
Когда война
Пылала в нашем стане.
И мы знаменам дали имена:
Горгаслиани и Давитиани¹.

Потом пришла прекрасная Тамар
И — мнится:
Все окрестные твердыни —
Владычицы грузинской дивный дар.
И лик ее —
Был как мираж в пустыне.

И кровь и слезы воин проливал,
Взглянув на те стрельчатые ресницы,
Но знамени

¹ Горгаслан Вахтанг — грузинский царь Вахтанг I (V в.), выдающийся политический деятель и полководец, борец за независимость своей родины; по преданию, был прозван иранцами Горгаслиани, так как его шлем украшали изображение волка (горг) и льва (ислан). Д а в и д — государственный деятель Грузии, царь-полководец, вступил на престол в 1089 г., вел борьбу за объединение Грузии. Умер в 1125 г.

Он все же не назвал
Благословенным именем царицы.

Не гром нагорья потрясал вокруг, —
Иракий меч занес рукою смелой,
Чтобы потом
Немало вражьих рук
На башнях победителей чернело.

За ратный труд
Он был вознагражден —
Неизгладимой славы удостоен,
Но именем Иракия
Знамен
Не окрестил отчизну спасший воин.

Взлетело знамя,
Пел военный рог,
Смывалась кровью жгучая обида,
Но кто из древних полководцев мог
Превысить Горгаслана и Давида?

Как будто в измерении ином,
Иным огнем
Они дышали оба...
Вахтанга называли
Волком-Львом —
И не смирился он под крышей гроба.

Так — пенье стрел
Любил Вахтанг один,
И нашу славу он донес до Ганга.
И над Кавказом —
Выше всех вершин,
Как радуга,
Светился меч Вахтанга.

И этот меч
Потом извлек Давид.
Чтобы пред ним
Два моря трепетали:
Со старой фрески
Нам в лицо глядит
Живое око,
Полное печали.

Арабский всадник пал к его ногам.
Не спасся турок от его погони —
И держит царь
Золотоглавый храм,
Как робкую голубку,
На ладони.

Строптивый враг
Не смел перечить нам,
И никому
Мы не платили дани,
И реяли,
Подобные орлам,
Давитиани и Горгаслиани.

Служители воинственной судьбы
Бросались на врагов неусмиранных,
Подобно львам,
Встающим на дыбы,
Могучим львам
На боевых знаменах.

Когда Тимур
Дорогу пролагал
Хмельным от крови
Полчищам пророка,
Стояли мы

Неколебимей скал
У тех полотниц,
Поднятых высоко.

Теперь —
Под ветром боя не кипят
Торжественные орифламы¹ эти.
Они в музее
Безмятежно спят,
Овеянные славою столетий.

¹ Орифламма — род знамени.

ТБИЛИСИ

Вы не верите рассказням странным,
На привычную быль непохожим,
Но упал я подбитым фазаном
В этот город на диво прохожим.

Я, небесные выси покинув,
Слаблю стрелы любви светлолицей, —
Смерть преследует Джелал-Эддинов¹,
Чтобы пели в грузинской столице.

Всходит солнце, как водится в песнях,
Брезжит луч за молочным туманом,
Я — лучу и Тбилиси ровесник,
Был и я сотворен Горгасланом.

Это бедное сердце не лживо,
Хоть рассказ мой и смутен, и странен.
Бьюсь на улице людям на диво,
Потому что охотницей ранен.

¹ Джелал-Эддин — сын хорезмийского шаха Мухаммеда, правитель Хоросана, подвергший Грузию в XIII в. опустошению и беспощадно истребивший население Тбилиси в 1226 г.

ЗОЛОТОЙ ВИНОГРАДНИК

Живи, одета в светы негасимые,
Да не затмится день высокий твой,
О, щедрая поилица мечты моей
И жизни виноградник золотой!

Люблю я солнце, но люблю и тени я
Вершин твоих и рек немолчный шум.
Ты для меня — и корень вдохновения,
И цвет стиха, и сердцевина дум.

Ты солнце ясное мое, да славится
Твой дух прямой и сердца глубина.
На свете не одна страна — красавица,
Но Грузия поистине одна.

Когда дерзаю петь тебя, любимая,
К сердечным струнам я тянусь рукой.
О, щедрая поилица мечты моей
И жизни виноградник золотой!

У МАТЕРИ

Сад осенний в крупном янтаре.
Что пред ним созревших нив наследство?
В том саду играет на заре
Нежное, смеющееся детство.

Издалёка тянется ко мне,
За деревья убегает снова, —
Нас обоих видит мать во сне
И не хочет видеть сна иного.

Яркая, недолгая пора, —
Сад огнем пылает, не сгорая.
— Подойди ко мне, дитя добра,
Подойди: я — молодость без края.

В ожиданье громких саарí¹
Вместе мы не будем спать ночами.
О, побудь со мной! Не говори:
— Четверть века пролегло меж нами.

¹ Саарí — утренняя застольная песня.

ЛАСТОЧКА И МОРЕ

Ласточка падает с неба стремглав,
Свищет и вьется над кипенью белой
Острые крылья свои распластав,
Мчится — и вот ее нет: улетела.

Что ей до этой тяжелой волны,
Что ей до кипени этой жемчужной?
Брызги соленые ей не нужны,
Ветра бездомного пенье — не нужно.

Помнишь — со мною была ты вчера?
Ты от меня ничего не хотела.
Я-то ведь знаю, что это — игра
Ласточки быстрой над кипенью белой.

* * *

Пушкой безумцем буду я для мира, —
Ты моего желанья не забудь:
Могилу мне под алычою вырой,
Ее цветы мне урони на грудь.

Когда ты сжечь захочешь сердце это —
В любом саду среди окрестных гор
Из розового персикова цвета,
Из ярких маков разведи костер.

Тогда я в дымных траурных обновах,
Как ивериец, в бурке, на коне,
На крыльях — нет! — на ирисах лиловых
К небесной потянусь голубизне.

Я обезумел в день цветенья мира.
Когда и я покину белый свет,
Могилу мне под алычою вырой,
Сожги в цветах. Других желаний — нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЕРЕВОДЫ

Слава Тарковского-поэта в последние годы в значительной мере заслонила перед читателем Тарковского-переводчика. Между тем его переводческая работа по праву стоит рядом с переводческой работой таких поэтов как Пастернак, Ахматова, Заболоцкий, Ходасевич.

Как известно, в мире переводчиков существуют две основные школы. Первую составляют те, кто аккуратно и добросовестно воспроизводит все метрические и семантические данные оригинала, ставя перед собой прежде всего задачи культурно-филологического и информационного характера. Ко второй школе относятся переводчики, стремящиеся творчески переосмыслить подлинник в духе русской поэтической традиции, передать его художественную идею возможно более ярко, красочно и многообразно, нередко жертвуя ради этого информационной точностью; переводчик из «почтовой лошади просвещения» превращается в соперника переводимого поэта. Думается, А. А. Тарковскому удалось найти золотую середину между двумя школами. С одной стороны, его переводы, как правило, очень близки к подстрочнику, с другой стороны, Тарковский-переводчик обладал сильным даром перевоплощения, умением отыскать в русской поэзии тот историко-культурный, стилиевой пласт, который соответствует переводимому произведению.

Выступая с воспоминаниями о переводах лирики Низами, А. А. Тарковский писал: «Я <...> верю, что перевод тем лучше,

чем он ближе к подлиннику и чем скромней переводчик прячется в тени переводимого автора. Перевести на 100 процентов стихотворение нельзя, но добиться верности оригиналу на 80 процентов необходимо. Остальные 20 процентов должны, по моему убеждению, дышать воздухом подлинника, раствориться в его стихии. Когда вы пишете свои стихи, пишите как вам придет в голову, но переводя чужие стихи с одного языка на другой, будьте буквалистом в тех пределах, какие вам предоставляют свойства нашего языка» (Цитируется по машинописи из архива А. А. Тарковского).

Если сравнить переводы Тарковского с подстрочниками, можно убедиться, что своим принципам он следовал достаточно строго. Переводы его в самом деле очень близки к оригиналу, а «вольности» касаются только отдельных художественных деталей. Для Тарковского было важно, чтобы весь перевод прозвучал на единой ноте, без срывов. Ради этого он использовал принцип усиления — замены нейтральной или слишком банальной художественной детали (эпитет, определение, метафора и т. д.) на более яркую. Вот, к примеру, подстрочный перевод двух строф стихотворения Махтумкули «Ожидание Менгли», где описываются страдания влюбленного. Ожидание любимой длится так долго, что за это время «прямые ветки согнулись, // Разлетелись соловьи, рассеялись, // Проточные воды иссякли, // Сухие места залило водой. // Не бывает исцеления от смерти, // Ничего не дают нуждающемуся, // Баи превратились в нищих, // Бедняки стали баями...» А вот как переводит это место Тарковский:

Согнулся гордый ствол в дугу,
Истлели травы на лугу,
Иссякли воды на бегу,
И море поросло бурьяном.

Бай превратился в бедняка,
И ханом стал бедняк — пока
Я ждал тебя, моя тоска,
Надежда, ставшая обманом.

К качеству перевода А. А. Тарковский относился чрезвычайно строго. Принимаясь за переводы классической поэзии, он никогда не удовлетворялся одним подстрочником, пусть даже составленным авторитетнейшим специалистом в области языка и культуры оригинала, — всегда обкладывался словарями, специальной литературой.

Приход Тарковского в стан переводчиков был и случайным, и закономерным. В начале 1930-х годов, после того, как из-за нападок РАППовской критики поэт потерял работу на радио, друг и учитель А. Тарковского Георгий Шенгели предложил ему попробовать свои силы в искусстве поэтического перевода (см. воспоминания о Шенгели во втором томе наст. изд.). Еще до войны Тарковский заявил о себе как о переводчике первого ряда, сделав ряд крупных переводческих работ, в том числе из туркменского поэта XIX в. Кемине. После демобилизации, с 1944 до середины 70-х годов, Тарковский продолжал активно переводить, главным образом поэзию народов Закавказья, Средней Азии и Ближнего Востока. Его переводческая работа отмечена рядом премий, в том числе Государственной премией Туркменской ССР им. Махтумкули, Государственной премией Узбекской ССР им. Бардаха.

Первым опытом собрания переводов А. Тарковского была книга «Волшебные горы», куда вошли переводы из грузинской поэзии. В *Избранном* круг расширился: здесь были представлены переводы из арабской, польской, армянской, туркменской и грузинской поэзии. За основу настоящего издания взяты переводы, включенные в *Избранное*.

ИЗ КАРАКАЛПАКСКОЙ ПОЭЗИИ

(ПО МОТИВАМ КАРАКАЛПАКСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ)

Из поэмы «Сорок девушек»

В черновых записях выступления на секции переводчиков Московского отделения СП РСФСР А. А. Тарковский рассказывает об этой работе так: «В конце 40-х годов Гослитиздат поручил

чил мне перевести каракалпакскую народную поэму «Сорок девушек». Целый год я ходил вокруг да около поэмы, не находя к ней ни дороги, ни ключа, пока постепенно не стало мне ясно, что для меня эта поэма может быть только одним: моим воспоминанием об Отечественной войне 41—45 годов, — что чувства, поднявшие на подвиг героев старинной поэмы, тождественны тем чувствам, которые подняли на бой с гитлеризмом нашу родину. В поэме — в подлиннике — было еще много побочных элементов, с основной темой ее связанных не столь тесно, и я не мог *перевести* поэму, я мог ее *переложить*, что не совсем одно и то же; я обошелся с подлинником свободней, чем допускали традиции Гослитиздата, и, каковы бы ни были недостатки переложения, я голову даю на отсечение, что переложение мое по сущности своей — слепок оригинала достаточно точный».

Стр 19. *Азраил* — ангел смерти в мусульманской мифологии. *Ак-Дарья* — река в Самаркандской области (Узбекистан).

Стр. 28. *Красные Пески* — древнее название пустыни в Средней Азии между Аральским и Каспийским морями.

Стр. 40. *Дербент-гора* — древнее название одной из возвышенностей близ восточного побережья Каспийского моря.

ИЗ АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

А б у - л ь - А л я а л ь - М а а р р и (973—1057)

В одном из интервью А. А. Тарковский признавался: «Мне почему-то всегда было интереснее переводить те стихи, которые непохожи на меня, даже чуждоваты мне, далеки от меня. И в итоге как-то так получалось, что во время перевода обнаруживались какие-то точки общности. Так было с Махтумкули, великим туркменским поэтом XVIII века. Или сколько душевных совпадений с арабским поэтом XI века Абу-ль-Аля аль-Маарри, которого я тоже увлеченно переводил!.. Я выбирал как будто непохожее на себя, а потом находил родное...» (ДН, 1983, N 7, с. 268). В другом случае Тарковский, говоря о принципах своей

переводческой работы, приводил как пример переводы из Абу-ль-Аля аль-Маарри: «Я считаю: перевод по возможности должен быть буквальным. А когда имеешь дело с большим поэтом, с большой поэзией, то это всегда возможно и, думается, необходимо. Тут требуется особая точность. Вот в Абу-ль-Аля аль-Маарри только полстрочки добавлено мной, и то я мучаюсь, что посмел сделать такое добавление. Я переводил книжку полтора года. Безумно трудная была работа. Потому что все стихи великого арабского поэта — свод мыслей, очень четко выраженных, и каждое стихотворение идет на монорифме...» (ЛГ, 13.8.1980).

Стр. 150. *Ирак и Сирия — добыча разоренья...* — Аль-Маарри жил во время, когда распался могущественный Багдадский халифат, и страны, входившие в бывшую империю (особенно родину поэта — Сирию), начали терзать бесконечные политические и религиозные усобицы.

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

А д а м М и ц к е в и ч (1798-1855)

Стихи А. Мицкевича Тарковский переводил в 1950-е годы. Тарковский неплохо знал польский язык, на его интерес к польской культуре, очевидно, влияли и польские корни его матери М. Д. Рачковской. Помимо лирики, Тарковский перевел поэму Мицкевича «Гражина».

Представленные в томе стихи — переложение Мицкевичем касяд арабских поэтов-воинов Шанфари (V—VI в.) и Альмотенабби (X в.)

Стр. 158. *...будто стрел шевеленье сухое//Под фрукой колдуна...* — В доисламский период арабские колдуны-язычники гадали на священных стрелах.

Стр. 160. *Космы грязных волос залепили мне веки...* — Шанфари дал клятву не стричь волосы, пока не отомстит вражескому роду саламанов.

Стр. 162. *Приютила//Дорогого султана могила.* — Изгнанный родным племенем, Альмотенабби отправился в Египет к

своему другу султану Абу-Ходже-Фатику. Султан к этому времени умер, и Альмотенабби был вынужден бежать из Египта.

ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Низами Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс и бн Юсуф (ок.1141 — ок. 1209)

Впервые к переводам лирики Низами А. Тарковский обратился в конце 1930-х годов. Он сделал совсем немного переводов из великого азербайджанского поэта, но все они отличаются блестящей передачей смысловых оттенков поэзии Низами. Это особенно поразительно, если учесть, что до 70-х годов не существовало научно выверенных подстрочных переводов Низами с фарси, и Тарковскому приходилось работать с подстрочниками, сделанными с переводов на азербайджанский язык стихотворений Низами.

Поэтический псевдоним «Низами» означает «Тот, кто нанизывает строки».

ИЗ ТУРКМЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

Махтумкули (Фраги) (ок. 1730—1780-е гг.)

Над переводами Махтумкули А. А. Тарковский начал работать в конце 40-х — начале 50-х годов. За переводы туркменской поэзии, прежде всего поэзии Махтумкули, в 1971 году поэт был награжден Государственной премией Туркменской ССР им. Махтумкули. Тарковский не просто переводил стихи Махтумкули, но стремился теоретически обосновать свой подход к этим переводам. «Различие поэтики Запада и Востока, — писал он, — определяется разностью систем сознания, предуказанной комплексами бытия Европы и — в нашем случае — Средней Азии XVIII века. Здесь не место распространяться об этих предпосылках. Достаточно сказать, что сознание Востока произвело поэтику, резко отличающуюся от привычной нам, русским, поэтики европейской.

Как развивается русское лирическое стихотворение? Со времен Жуковского и Батюшкова — словно по прямой линии,

соответственно *временной* последовательности событий, базирующихся на теме этого стихотворения. Вспомним хотя бы «Я помню чудное мгновенье...» Пушкина. Здесь особенно ярко намечается принцип европейской поэзии — наложение темы на *время*: «Шли годы...» Когда же мы обращаемся к восточным лирикам, мы — для этого нужно только быть достаточно внимательными — легко заметим следующее: художник занимает некую центральную точку зрения на тему, которая как бы движется вокруг этой точки зрения. Идея художника направляется к орбите темы, заставляя ее в определенном положении, — и возвращается к исходной точке зрения. Так образуется строфа, подчас состоящая из двух частей: тезы и антитезы. Далее следует бросок нового «луча» идеи, опять возвращающегося к исходной точке (вторая строфа!), и т. д. Этим определяется отсутствие *временного* развития темы, существующей и воплощающейся словно только в пространстве. Этим определяется и внешняя форма стихотворения, его «редифная» система, где реди́ф и символизирует это постоянное возвращение к исходной точке зрения.

Во многих стихотворениях Махтумкули реди́ф прямо указывает нам тему: таковы стихотворения «Менгли», «Разлука» и др. Вероятно (к сожалению, мы не располагаем достаточными основаниями для утверждения), реди́ф на первой ступени своего развития совпадал с темой всегда. Впоследствии он перестал играть роль перста указующего и превратился только в символ возврата к теме и нового движения идеи.

Вспомним балладу Фр. Вийона «О дамах былых времен». Не ту же ли роль, что и в восточной поэтике реди́ф, здесь играет рефрен? А как известно, балладный рефрен появился в Европе после т. н. крестовых походов. Упомянутая (как и многие другие) баллада строится на том же принципе, о котором мы говорили выше.

Это — принцип «пространственной» поэтики восточных народов.

Достоинства его (как одного из средств познания) в том, что он позволяет нам увидеть предмет темы стихотворения с разных сторон.

Недостатки его — в том, что тема здесь преподается нам словно вне времени: статически.

Махтумкули, находясь в кругу сознания восточного (конечно, имевшего определенные особенности, обусловленные социальными, историческими и проч[ими] чертами его эпохи), чувствует некоторую скованность поэтики своего мира и — поэт больших масштабов — этот канон ломает. Но и тогда («Вставай! — сказали...», «Медресе Шир-гази», «Скажите лжецам и глупцам...», «Повесть о Юсупе»¹ и др.) редифную или «однорифменную» систему строфики он оставляет неприкосновенной». (Цитируется по машинописи из архива А. А. Тарковского.)

Стр. 172. *Н а ш е с т в и е*. — Махтумкули был современником жестокого иранского правителя Надир-шаха (1688—1747), который втянул в войны и смуты огромную территорию от Турции до Индии; при этом особенно сильно пострадали туркменские племена.

Стр. 175. *Дехистан* — второе название древнего города Мешеди-Мысрияна.

Стр. 176. *Мамед-сапа и Абдулла* — старшие братья Махтумкули, по преданию, погибли в бою с иноземными захватчиками. *Тавриз* (Тебриз) — город в южном Иране, в древности столица туркменских и азербайджанских правителей.

Стр. 177. *Притин* — здесь: место существования.

Стр. 191. *Туран* — древнее наименование территории к северу от Ирана, населенной, в основном, тюркоязычными народами.

Стр. 195. *Неджд* — горная область в Аравии, где, по преданию, скитался герой восточного сказания Меджнун, символ человека, обезумевшего от любви.

Стр. 202. *Рейхан* — душистая трава.

¹Позднее названо «Сын». — А. Л.

Стр. 204. *Мекка и Медина* — города на Аравийском полуострове, святыни ислама.

Стр. 245. *Мешхед* — город в северо-восточном Иране.

К е м и н е (Мамед Вели; ок. 1770—1840) — великий туркменский поэт-сатирик. Поэтический псевдоним «Кемине» на персидском буквально означает «приниженный»; в эпистолярном послании адекватен выражению «Ваш покорный слуга».

Впервые к творчеству Кемине Тарковский обратился в середине 1930-х годов. Как известно, переданная им М. И. Цветаевой в 1939 году книга переводов из Кемине послужила завязкой дружбы двух поэтов.

Стр. 256. *Хум* — большой глиняный кувшин для хранения вина.

ИЗ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

В начале 80-х в одном из интервью на вопрос о переводах армянской поэзии Тарковский ответил: «Мне хотелось бы присмотреться к великой книге Нарекаци и попробовать свои силы над переводом этого бессмертного произведения. Хочется также поработать над армянской народной поэзией. Должен признаться, что за последние несколько лет я не перевел ни единой поэтической строки, но велико желание вернуться к стихотворному переводу» (ЛА, 1983, № 4, с. 50). К сожалению, это желание поэта не реализовалось.

С а я т - Н о в а (Арутюн Саядян; 1712—1795) — поэт, музыкант, ашуг, крупнейший представитель армянской литературы позднего средневековья.

Переводить стихи Саят-Новы Тарковский начал в начале 1960-х годов. Работа эта была для него особенно интересна потому, что великий армянский поэт писал стихи не только на армянском, но и на грузинском и азербайджанском языках.

Е г и ш е Ч а р е н ц (Егише Абгарович Согомонян;

1897—1937) — поэт и прозаик. Казнен во время сталинских репрессий. Его стихи А. Тарковский переводил в середине 1950-х гг.

О в а н е с Ш и р а з (Ованес Татевосович Карапетян; 1914—1984). Поэма «Сиаманто и Хаджезаре» была написана поэтом в 1935 г. (переведена А. Тарковским в 1956 г.). Ее тема — история трагической любви пастуха-армянина и курдянки, дочери бея. В настоящем издании даны фрагменты поэмы — песни-монологи ее героев.

А м о С а г и я н (Амаяк Саакович Григорян; р. 1915) — поэт и переводчик.

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Над переводами из грузинской поэзии А. А. Тарковский начал работать в 1944 году, после ранения и демобилизации. Поэт вспоминает: «Симон Чиковани, тогда первый секретарь Союза писателей Грузинской ССР, вызвал меня в Тбилиси. Первые две недели в этом чудесном и гостеприимном городе мне довелось принимать участие во встречах с поэтами и деятелями смежных искусств. Вместе со всей нашей многоязычной родиной недоедала и Грузия: немного вина, немного лобio — но сколько добрых слов, сколько радушия! Грузинское гостеприимство, как известно, не знает границ.

Так прошло недели две. Потом я взялся за работу. Я переводил на русский язык стихи Симона Чиковани, Георгия Леонидзе, Григола Абашидзе, Иосифа Нонешвили, Ревазы Маргиани — прекрасных поэтов, сердечных людей, и перезнакомился чуть ли не с четвертью населения Тбилиси». (Цитируется по машинописи из архива А. А. Тарковского.)

О р б е л и а н и Г р и г о л Зурабович (1804—1883) — виднейший грузинский поэт-романтик.

Эристави Рафаэл Давидович (1824—1901) — поэт, в чьем творчестве сочетались романтизм и гражданская направленность.

Чавчавадзе Илья Григорьевич (1837—1907) — поэт, писатель, общественный деятель.

Важа Пшавела (Лука Павлович Разикашвили) (1861—1915) — поэт, прозаик, драматург, этнограф. Тарковский с особым чувством переводил его стихи, ставя Важа Пшавелу в одном ряду с аль-Маарри и Махтумкули.

Табидзе Галактион Васильевич (1892—1959) — народный поэт Грузии.

Тарковский самокритично относился к своим переводам из Табидзе. Размышляя об этом, он говорил, что Табидзе «трудно поддается переводу. И потом мы какого-то разного душевного строя, а может быть, я не сумел отыскать к нему ключ» (ЛГ, 1980, 13 августа, с. 3).

Леонидзе Георгий Николаевич (1899/1900—1966) — народный поэт Грузии, общественный деятель. В юности Г. Леонидзе входил в литературную группу грузинских символистов «Голубые роги». А. Тарковский начал творческое сотрудничество с поэтом в 1944—1945 гг.

Чиковани Симон Иванович (1902/1903—1966) — поэт, общественный деятель.

С Симоном Чиковани у Тарковского сложились особые отношения. Об этом он говорит в стихотворении «Ласточки»: «...А я любил его, и мне он был как брат...», в воспоминаниях о Чиковани (см. том второй наст. изд.), а также в одном из интервью: «Я дружил с Симоном Чиковани. И вот когда кончилась моя война — я вышел из госпиталя зимой 44-го года, — он пригласил меня к себе в Тбилиси. Я жил там довольно долго и пере-

водил Чиковани, Леонидзе, Галактиона Табидзе...» (ЛГ, 1980, 13 августа, с. 3).

Армазские видения — по поводу этого цикла А. А. Тарковский писал: «Археологи раскопали древнее, еще языческое захоронение: саркофаг некой Серафиты. Никто не знает, кем она была при жизни. В саркофаге лежали постепенно опустившиеся, по мере того как истлевало тело, многочисленные украшения. Дно саркофага было устлано ими. Это была как бы тень женщины, от которой осталось только имя. Симон Чиковани — наряду с другими стихами — написал несколько произведений на эту тему. Мне выпало счастье перевести большинство их». (Цитируется по машинописи из архива А. А. Тарковского.)

Стр. 377. *Чорох* — река в Аджарии.

К а л а д з е **К а р л о** **Р а ж д е н о в и ч** (1904—1988) — поэт и драматург.

А б а ш и д з е **И р а к л и й** **В и с с а р и о н о в и ч** (1909—1992) — поэт, общественный деятель.

А б а ш и д з е **Г р и г о л** **Г р и г о р ь е в и ч** (р. 1913). Работу над переводами Г. Абашидзе А. Тарковский начал в 1944 г.

А. Лаврин

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ А. А. ТАРКОВСКОГО

1907

25 (12 по старому стилю) июня в городе Елизаветграде (ныне Кировоград на Украине) в семье бывшего народовольца Александра Карловича Тарковского (1862—1924) и Марии Даниловны Тарковской (урожд. Рачковской; 1867—1944) родился Арсений Александрович Тарковский.

1913

Отец водил будущего поэта на вечера знаменитых в то время русских поэтов Федора Сологуба, Игоря Северянина и Константина Бальмонта. В этом же году друг отца Афанасий Михалевич познакомил Арсения Тарковского с поэзией украинского мыслителя Григория Сковороды.

1914—1918

Учеба в частной классической гимназии М. К. Крыжановского.

1916

Поступление в музыкальную школу, принадлежавшую родителям пианиста Генриха Нейгауза.

1919

В боях с бандами атамана Григорьева убит старший брат поэта Валерий.

1924

Окончание Единой трудовой школы-семилетки (Елизаветград). Переезд в Москву.

1924—1926

Работа в газете «Гудок», где А. Тарковский писал стихотворные фельетоны под псевдонимом «Тарас Подкова». В это время в «Гудке» сотрудничали Юрий Олеша, Михаил Булгаков, Валентин Катаев, Илья Ильф и Евгений Петров. Рецензирование рукописей в издательстве «Земля и фабрика» (директором издательства был в это время поэт-акмеист Владимир Нарбут).

1925—1929

Учеба на Литературных курсах с правами высших учебных заведений при Всероссийском союзе поэтов (бывший Брюсовский институт).

1926

Поездка в Ленинград и личное знакомство с Федором Сологубом.

1926

Женитьба на Марии Ивановне Вишняковой.

1928

Начало работы на радио (инсценировки радиопьес). Из-за пьесы «Стекло» (о Михаиле Ломоносове) А. Тарковский был обвинен РАППовской критикой в мистицизме и работы на радио лишился.

Первые поэтические публикации.

1929

А. Тарковскому назначена стипендия из Фонда молодых дарований при Госиздате.

конец 1920-х — начало 1930-х

Знакомство и общение с Осипом Мандельштамом.

1932

Первые переводы на русский язык поэзии народов СССР (Закавказье и Средняя Азия).

1932

4 апреля родился сын Андрей.

1934

3 октября родилась дочь Марина.

1936

Знакомство с Антониной Александровной Трениной (1905—1951) и уход из семьи.

1937

Женитьба на А. А. Трениной.

1939

Знакомство с Мариной Цветаевой, вернувшейся в СССР из эмиграции.

1940

Вступление в Союз писателей СССР.

1941, октябрь

Эвакуация в город Чистополь вместе со второй семьей.

1941, декабрь

Уход добровольцем на фронт, в действующую армию.

1941 — 1943

Участие в качестве военного корреспондента фронтовой газеты «Боевая тревога» 16-й армии (в 1942 г. армия преобразо-

вана во 2-ю гвардейскую) в боевых действиях под Москвой, на Западном, Брянском, 2-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени.

1943, декабрь

В период боевых действий в районе ст. Черная Болотница (Невельское направление) тяжело ранен. Перенес несколько тяжелых операций, связанных с последствиями ранения (ампутация ноги).

1944, январь

Демобилизован из армии в звании капитана гвардии. Поездка в Тбилиси и начало работы над переводами из грузинской поэзии.

1945

Знакомство с Татьяной Алексеевной Озерской.

1946

А. А. Тарковский связывает свою судьбу с Т. А. Озерской. Несколько месяцев А. А. Тарковский живет в Ашхабаде, где переводит стихи Махтумкули.

Знакомство с Анной Ахматовой в доме поэта и переводчика Георгия Шенгели.

В издательстве «Советский писатель» подготовлен к выпуску сборник стихов А. Тарковского, но после Постановления ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» сматрированный набор книги уничтожен.

1948

Начало работы над переводом каракалпакского народного эпоса «Сорок девушек».

1949

Весной А. А. Тарковскому поручают перевести на русский язык к 70-летию И. Сталина его юношеские стихи. Осенью задания отменяют.

1950-е годы

Дружба и творческое общение с Николаем Заболоцким и Борисом Пастернаком.

1962

Выход первой книги А. Тарковского «Перед снегом» (Москва, «Советский писатель»).

Середина 1960-х

А. Тарковский ведет поэтическую студию при Московском отделении Союза писателей СССР.

1966

Выход книги стихотворений «Земле — земное» (Москва, «Советский писатель»).

апрель

Поездка во Францию в составе делегации советских писателей.

1969

Выход третьей книги стихотворений «Вестник» (Москва, «Советский писатель»).

1971

А. А. Тарковскому присуждена Государственная премия Туркменской ССР им. Махтумкули за переводы классических и современных туркменских поэтов.

1974

Выход книги «Стихотворения» (Москва, «Художественная литература») — первого опыта собрания стихотворений А. А. Тарковского.

1977

Награжден орденом Дружбы народов.

1980

Выход книги стихотворений «Зимний день» (Москва, «Советский писатель»).

1982

Выход книги «Избранное» (Москва, «Художественная литература»), наиболее полного собрания стихотворений и переводов поэта.

1986

13 августа выступление на авторском благотворительном вечере, сбор средств от которого был направлен в фонд помощи жертвам аварии на Чернобыльской АЭС.

29 декабря во Франции умер сын Тарковского Андрей.

1987

Выход книги стихотворений «От юности до старости» (Москва, «Советский писатель»). Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1988, декабрь

А. А. Тарковский помещен в Центральную клиническую больницу г. Москвы.

1989

27 мая в Центральной клинической больнице г. Москвы умер А. А. Тарковский. Похоронен на православном кладбище в подмосковном поселке Переделкино.

7 ноября объявлено о посмертном присуждении А. А. Тарковскому Государственной премии СССР за книгу «От юности до старости» (Москва, «Советский писатель», 1987).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

	Том	Стр.
«А все-таки я не истец...»	1	357
А случилось не так	2	103
«Автобиографические заметки»	2	179
Актер	1	273
Альмотенабби (из Адама Мицкевича)	3	161
Анжело Секки	1	85
Ардон	1	405
Армазские видения (из Симона Чиковани)	3	385
Бабочка в госпитальном саду	1	132
«Бабочки хохочут как безумные...»	1	358
Байрон. Заметки на полях книги	2	211
Балет	1	89
Беда (из Махтумкули)	3	175
Бедный рыбак (Две японские сказки)	1	266
Бедняк (из Кемине)	3	256
Беженец (из цикла «Чистопольская тетрадь»)	1	105
Белые сосны (из цикла «Памяти А. А. Ахматовой»)	1	314
Белый день	1	302
«Беспомощней, суровее и суше...» (из цикла «Чистопольская тетрадь»)	1	103
Бессонница («Мебель трескается по ночам...»)	1	247

Бессонница («И мчатся, и мчатся, и мчатся кони...») (из <i>Египте Чаренца</i>)	3	286
Близость войны	1	100
Бобыль	1	346
Братья Конопницыны	2	165
Букет роз	2	207
«Бывает, в летнюю пору лежишь...» (<i>После войны</i>)	1	141
Был в горах... (из <i>Важа Пшавелья</i>)	3	344
«Был домик в три оконца...»	1	336
«Был он критикой признан и учениками...»	2	72
Были мы в горах (из <i>Важа Пшавелья</i>)	3	365
В дороге	1	98
«В душе разбушевалась листва...» (из <i>Симона Чиковани</i>)	3	381
«В желтой траве отплясали кузнечики...» (<i>Зима в детстве</i>)	1	288
«В Египте — мор, но нет на свете края...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	100
«В магазине меня обсчитали...» (<i>Пушкинские этиграфы</i>)	1	330
В Мазандеран (<i>Пятидесятилетие</i>) (из <i>Мактумкули</i>)	3	188
В музее	1	91
«В неведение день проводил я за днем...» (из <i>Кемине</i>)	3	254
«В ночи я знаю: сердце мне от той отвлечь придется...» (из <i>Низами</i>)	3	167
«В обиде я на жизнь иль не в обиде...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	116
«В последний месяц осени...»	1	355
«В пятнах света, в путанице линий...»	2	74
Век (из <i>Кемине</i>)	3	263
«Венков еловых птичьих лапки...» (<i>Могилы поэта</i>)	1	97

Верблюды	1	169
Весенняя Пиковая дама	1	224
«Весна приходит, и опять цветет шиповник...» (из <i>Егише Чаренца</i>)	3	292
«Весть пришла от джан прелестной...» (из <i>Саят-Новы</i>)	3	280
Ветер	1	215
«Ветер летучий...» (из поэмы « <i>Сиаманто и Хаджезар</i> ») (из <i>Ованеса Шифаза</i>)	3	303
«Вечерний, сизокрылый...»	1	146
Вещи	1	165
«Взял бы ты меня, милый, к себе на грудь...» (из поэмы « <i>Сиаманто и Хаджезар</i> ») (из <i>Ованеса Шифаза</i>)	3	305
«Вино для них светильники зажгло...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	125
«Влажной землей из окна потянуло...»	1	342
«Вложи мне в руку Николин образок...» (из цикла « <i>Чистопольская тетрадь</i> ») (из <i>Ованеса Шифаза</i>)	1	104
Влюбленный («Зохре небесная взошла...») (из <i>Махтумкули</i>)	3	202
Влюбленный («Я влюблен, молчать не могу...») (из <i>Кемине</i>)	3	268
«Во вселенной наш разум счастливый...»	1	308
«Воздадим хвалу героям...» (из <i>грузинской поэзии. Народная поэзия</i>)	3	317
Возлюбленной (из <i>Махтумкули</i>)	3	208
Вопросы и ответы (из <i>Важа Пшавелы</i>)	3	351
Воробьиная ночь	2	154
«Ворон ворона окликает...» (из <i>Важа Пшавелы</i>)	3	338
«Восковая свеча золотого отлива...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	63
«Восславим Аллаха, кормильца земли!..» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	80

«Вот и лето прошло...»	1	303
«Вот пришла и эта весна...» (из <i>Важы Пшавелы</i>)	3	337
«Впору мне груз твой! Скажешь — немолд, — пусть!...» (из <i>Низами</i>)	3	166
«Время саду расцветать...» (из « <i>Альбома кошачьих муз</i> »)	2	132
«Все стало таким, будто мост разводят...»	1	393
«Все ты ходишь в платье черном...»	2	90
«Встали хлопцы золотые...»	1	159
Вступление (из поэмы « <i>Сиаманто и Хаджезарэ</i> ») (из <i>Ованеса Ширази</i>)	3	299
Вторая ода	1	298
«Вы, жившие на свете до меня...»	1	80
«Вы нашей земли не считаете раем...»	1	110
«Вы скажете: «Премудр податель бытия!»...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	143
Газелла (из <i>Егише Чаренца</i>)	3	287
Газелла моей матери (из <i>Егише Чаренца</i>)	3	288
«Где вьюгу на латынь...» (<i>Степная дудка</i>)	1	207
«Где ты, мой молодой орел?..» (из поэмы « <i>Сиаманто и Хаджезарэ</i> ») (из <i>Ованеса Ширази</i>)	3	306
«Где ты, мой орел?..» (из <i>Важы Пшавелы</i>)	3	343
«Где целовали степь курганы...»	1	333
Глаза Менгли (из <i>Махтумкули</i>)	3	207
«Глупый мой сон, неразумная дрема...»	2	114
«Говорящим: «Побойся всезрящего бога!»...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	102
«Год за годом проходит...» (из « <i>Альбома кошачьих муз</i> »)	2	132
Голос у Голгофы (из <i>Ираклия Абашидзе</i>)	3	393
Голуби	1	174
Голуби на площади	2	66
Горам (из <i>Важы Пшавелы</i>)	3	359

«Горделивые души склонились к ногам...»		
(из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	65
Городской сад	2	43
Горы в тумане (из <i>Махтумкули</i>)	3	231
Горы поют (из <i>Симона Чиковани</i>)	3	377
Гость (из <i>Махтумкули</i>)	3	233
Град на Первой Мещанской	1	41
Граммофонная пластинка	1	257
Греческая кофейня	1	168
Григорий Скворода	1	332
«Да не коснутся тьма и тлен...»	1	395
Дагестан	1	229
Даркветская луна (из <i>Григола Абашидзе</i>)	3	399
25 июня 1935 года	1	42
25 июня 1939 года	1	51
Две лунные сказки	1	261
Две японские сказки	1	266
Дерево Жанны	1	78
Деревья	1	175
«Державы птичьей нищеты...» (<i>Деревья</i>)	1	176
Для чего я жил на свете?.. (из <i>Важа Пшавелы</i>)	3	363
Дни (из <i>Махтумкули</i>)	3	176
До стихов	1	191
«Добивается благ только тот, кто привык...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	93
Добро и зло (из <i>Махтумкули</i>)	3	235
«Довольствуй ум досужий запасом дум своих...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	105
Дождь	1	50
Дождь в Тбилиси	1	52
Дом	1	32
«Дом без жильцов заснул и снов не видит...»	1	300

Дом напротив	1	178
«Домой, домой, домой...» (из цикла «Памяти А. А. Ахматовой»)	1	313
Донька	2	147
Дорога	1	254
«Дочка бека, брось стыдиться...» (из поэмы «Сиаманто и Хаджезар») (из Ованеса Шираза)	3	304
Древняя Мцхета (Армазские видения) (из Симона Чиковани)	3	385
Дриада	1	265
«Дровяные, погонные возвожу алтари...» (из цикла «Чистопольская тетрадь»)	1	106
«Друзья, правдолюбцы, хозяева...» (из цикла «Памяти М. И. Цветаевой»)	1	201
Дума	1	365
Думы о Серафите (Армазские видения) (из Симона Чиковани)	3	386
Думы Сэсна (из Рафазла Эристави)	3	329
«Душу, вспыхнувшую на лету...»	1	335
Елена	2	97
Елена Молоховец	1	155
«Если б, как прежде, я был горделив...»	1	35
«Если б ты написала сегодня письмо...»	2	55
«Если воли свободной преступник лишен...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	144
«Если корень зачах, то скажите: понятно ли вам...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	135
«Есть город, на реке стоит...»	2	29
«Есть много путей. Все земные пути...» (из поэмы «Сиаманто и Хаджезар») (из Ованеса Шираза)	3	303
«Ехал из Брянска в теплушке слепой...»	1	126
«Еще в ушах стоит и гром и звон...»	1	338

Жалоба (из <i>Махтумкули</i>)	3	177
Жалоба дударя (из <i>Важы Пшавелы</i>)	3	340
Желание странствий (из <i>Махтумкули</i>)	3	236
«Женщина прекрасная со мною...» (из <i>Ильи Чавчавадзе</i>)	3	330
«Живешь, как по лесу идешь...»	2	71
«Живите в доме — и не рухнет дом...» (<i>Жизнь, жизнь</i>)	1	242
«Живу я надеждой на лучшие дни...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	92
Жизнь (из <i>Махтумкули</i>)	3	238
Жизнь, жизнь	1	242
«Жизнь меня к похоронам...»	1	149
«Жизнью клянусь: мне уехавшие завеща- ли (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	66
Жили-были	1	340
«Жили, воевали, голодали...» (<i>Степная дудка</i>)	1	206
Жираф-балерина. Рассказ, сочиненный Ва- лей в 1916 году	2	169
Жребий (из <i>Махтумкули</i>)	3	210
За горой засветился месяц (из <i>Важы Пшавелы</i>)	3	335
«За мертвым сиротливо и пугливо...» (<i>Мо- гила поэта</i>)	1	96
«За ночью день идет, и ночь сменяет день...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	76
«За хлеб мой насыщенный, за каждую каплю воды...»	1	367
Заветное (из <i>Георгия Леонидзе</i>)	3	373
Загадка Пушкина	2	230
Загадка с разгадкой	1	183
Закат (из <i>Симона Чиковани</i>)	3	378
Заклинание Серафиты (<i>Армазские видения</i>) (из <i>Симона Чиковани</i>)	3	389

Заключение (из поэмы «Сиаманто и Хад- жезар») (из Ованеса Шифаза)	3	307
Заманский	2	92
Заметки к пятидесятилетию «Четок» Анны Ахматовой	2	217
«Записал я длинный адрес на бумажном лоскутке...»	1	37
«Зардели сонмы звезд на ясных небесах...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	139
«Зарех-бек обманул народ...» (из поэмы «Сиаманто и Хаджезар») (из Ованеса Ши- фаза)	3	305
Застольная (из Важа Пшавелья)	3	339
Засуха	1	317
Затмение солнца. 1914	1	153
Звездный каталог	1	57
«Звезды мрака ночного — живые они или нет?...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	142
«Звенят подковы золотые...» (из цикла «Восьмистишия солнцу») (из Егише Чаренца)	3	294
«Здесь дом стоял. Жил в нем какой-то дед...»	1	362
«— Здравствуй, — сказал я, а сердце упало...»	1	383
«Зеленые рощи, зеленые рощи...»	1	33
Земля	1	134
«Земля неплодородная, степная...» (Степ- ная дудка)	1	237
Земное	1	99
Зима в детстве	1	288
Зима в лесу	1	348
Зимой	1	236
Знамена (из Григола Абашидзе)	3	403
«Зову — не отзывается, крепко спит Ма- рина...» (из цикла «Чистопольская тет- радь»)	1	111

Золотой виноградник (из Григола Абашидзе)	3	408
Зуммер	1	144
«И для меня прервется путь земной...» (из Егише Чаренца)	3	285
«И это снилось мне, и это снится мне...»	1	324
«И эту тень я проводил в дорогу...» (из цикла «Памяти А. А. Ахматовой»)	1	315
«И я ниоткуда...»	1	285
Иванова ива	1	135
Игнатьевский лес	1	44
«Идет кораблей станица...»	2	109
Из «Альбома кошачьих муз»	2	132
Из Анакреона	1	387
Из окна	1	230
Из поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ» (из Ованеса Шифаза)	3	299
Из поэмы «Сорок девушек» (По мотивам каракалпакских народных сказаний)	3	5
«Из просеки, лунным стеклом...»	1	368
Из старой тетради (из цикла «Памяти М. И. Цветаевой»)	1	200
Из цикла «Восьмистишия солнцу» (из Егише Чаренца)	3	294
Изгнанник (из Махтумкули)	3	171
Имена	1	268
«Июнь, июль, пройди по рынку...» (Граммобонная пластинка)	1	257
К новой жизни (Колхозная поэма)	2	124
К стихам	1	64
К тетради стихов	2	110
Каждому свое. Удивительная пьеса в одном действии	2	134

«Как бедра женщины, рожденной...» (из цикла «Восьмистишия солнцу») (из Египте Чаренца)	3	294
Как двадцать два года тому назад (из цикла «Памяти М. И. Цветаевой»)	1	203
«Как дерево поверх лесной травы...» (После войны)	1	140
«Как дерево с подмытого обрыва...» (После войны)	1	141
«Как золотая птичка...»	1	408
«Как Иисус, распятый на кресте...»	2	70
«Как истый лодырь и бездельник...» (из «Альбома кошачьих муз»)	2	127
«Как море — эта жизнь. Среди бурных волн плывет...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	155
«Как сорок лет тому назад, сердцебиение при звуке...»	1	320
«Как сорок лет тому назад, я вымок под дождем...»	1	321
«Как тот Кавказский Пленник в яме...» (Пушкинские эпиграфы)	1	328
«Какие скорбные просторы...»	1	376
Кактус	1	77
«Какую ты преследовала цель...» (из Саят-Новы)	3	279
Камень (из Карло Каладзе)	3	390
Камень на пути	1	197
Карловы Вары	1	83
«Кем налит был стакан до половины...»	1	384
Книга трав	1	252
«Когда в науке нет ни сердцу обороны...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	94
«Когда возвратимся домой после этой неслыханной бойни...»	2	54
«Когда вступают в спор природа и словарь...»	1	286

«Когда купальщица с тяжелою косой...»	1	45
«Когда под соснами, как подневольный раб...»	1	319
«Когда присмотришься к живущим на земле...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	78
«Когда тебе жену и впрямь избрать угодно...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	149
«Когда тебе скажут, что ты не любила, — не верь...»	2	98
«Когда у Николы Морского...» (из цикла «Памяти А. А. Ахматовой»)	1	312
Кожух (из <i>Кемине</i>)	3	272
Колокол	2	87
Колорадо (из <i>Дж. Хогта</i>)	2	100
Колыбель	1	29
Кольчуги (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	68
Комитас	1	205
Конец навигации	1	238
Константинополь. Книга рассказов	2	141
Константинополь	2	141
Кора	1	81
Костыли	2	60
«Косы твои — рейхан в росе — нежней дорогих шелков...» (из <i>Саят-Новы</i>)	3	275
Красавица (из <i>Кемине</i>)	3	271
«Красавицами полон мир...» (из <i>Кемине</i>)	3	264
Красный фонарик стоит на снегу	1	343
Круг (из <i>Махтумкули</i>)	3	179
«Кто купит кольчугу? По кромке кольчуга моя...» (<i>Кольчуги</i>) (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	68
«Кто небо мое разглядит из окна...»	1	399
«Кто слово называет...»	2	33
«— Кто твой муж? Каков он с виду?...» (из <i>грузинской поэзии. Народная поэзия</i>)	3	322
Кузнец	1	281

«Кузнечик на лугу стрекочет...» (<i>Кузнечики</i>)	1	260
Кузнечики	1	259
«Кухарка жирная у скарעד...»	1	163
Лазурный луч	1	274
Ласточка и море (<i>из Григола Абашидзе</i>)	3	410
Ласточки	1	299
Лик царицы Тамары в Бетанийском монастыре (<i>из Григола Орбелиани</i>)	3	325
Листопад и озимый сев (<i>из Симона Чиковани</i>)	3	383
Луна (<i>из Махтумкули</i>)	3	212
Луна в последней четверти (<i>Две лунные сказки</i>)	1	261
Луна и коты (<i>Две лунные сказки</i>)	1	262
«Лучше не начинайте болтать о душе набум...» (<i>из Абу-ль-Аля аль-Маарри</i>)	3	121
«Лучше я побуду в коридоре...»	1	375
«Льнут к Господнему порогу...» (<i>из цикла «Чистопольская тетрадь»</i>)	1	101
«Льются вина, длится пир...» (<i>из поэмы «Сиаманто и Хаджезар»</i>) (<i>из Ованеса Ши-раза</i>)	3	304
«Люди предали мальчика этого...»	2	121
Макферсон	2	27
Малиновка	1	241
Малютка-жизнь	1	173
«Мамка птичьья и стрекозья...»	1	305
Манекен	1	353
Марсианская обезьяна	2	144
Мартовский снег	1	350
Масличная роща	1	390
Матрос	2	116
Медведь	1	400

Медресе Шир-гази (из <i>Махтумкули</i>)	3	181
Мельница в Даргавском ущелье	1	46
«Меня хватало бы на все живое...» (<i>После войны</i>)	1	140
Мерещится вейлака (<i>Зима в детстве</i>)	1	288
«Меркнет зрение — сила моя...»	1	344
Мир (из <i>Махтумкули</i>)	3	241
«Мне бы только теперь до конца не раскрыться...»	1	304
«Мне было десять лет, когда песок...»	2	35
«Мне в черный день приснится...»	1	151
«Мне другие мерещатся тени...»	1	325
«Мне опостытели слова, слова, слова...»	1	232
«Мне снится какое-то море...»	1	403
«Мне странно, и душно, и томно...»	1	385
«Мне стыдно руки жать лъстецам...»	2	50
Могила поэта	1	96
«Может быть, где-нибудь в мире...»	2	51
Мой кази (из <i>Кемине</i>)	3	258
«Мой город в ранах, от которых можно...»	2	67
Мой Шенгели	2	183
Молва (из <i>Махтумкули</i>)	3	243
Молодости	2	95
Молодым поэтам (из <i>Важа Пшавелы</i>)	3	349
Мольба (из <i>Махтумкули</i>)	3	213
«Молюсь молитвой лицемера, прости, мой боже!..» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	74
«Мосты разводят, лодочки скользят...»	2	89
Мотылек	1	171
Моя утренняя звезда (из <i>Егише Чаренца</i>)	3	298
«Муж приходит к жене, ибо страсть отягчает его...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	113
Мусорщик	2	85
Мщение Ахилла	1	255
«Мы шли босые, злые...»	1	158

На берегу	1	185
«На волю отпущу, поймав блоху, затем...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарри</i>)	3	124
На дальнем берегу (из <i>Амо Сагияна</i>)	3	311
«На каждый звук есть эхо на земле...» (<i>Степная дудка</i>)	1	206
«На погребальные носилки слепому лечь...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарри</i>)	3	134
«На полоски несжатого хлеба...»	2	58
«На пространство и время ладони...»	1	310
«На свете живешь, к наслаждениям плоти стремясь...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарри</i>)	3	112
«На черной трубе погорелого дома...»	1	128
Наблюдения (из <i>Махтумкули</i>)	3	245
«Навек я запомнил зазубрины ранней гвоздики в тревоге горчайшей...»	2	40
«Над черно-сизой ямою...»	1	181
Надпись на книге («Ты ангел и дитя, ты первая страница...»)	1	213
Надпись на книге	2	59
Надпись к портрету Байрона	1	388
Напутствие (из <i>Кемине</i>)	3	253
«Наша кровь не ревнует по дому...»	1	309
Нашествие (из <i>Махтумкули</i>)	3	172
Не зная зависти (из <i>Махтумкули</i>)	3	248
«Не радуйся: пройдет беспечная весна...» (из <i>Кемине</i>)	3	260
«Не стой тут...»	2	105
«Невысокие, сырые...»	1	369
Недуг (из <i>Махтумкули</i>)	3	215
Несправедливость (из <i>Махтумкули</i>)	3	249
«Нестерпимо во гневе карает, Господь...» (из цикла « <i>Чистопольская тетрадь</i> »)	1	108
«Нет на свете греха. Что же мы осуждаем его?...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарри</i>)	3	133

Ни дождями, ни вихрем (из Григола Абашидзе)	3	397
«Никогда не завидуй избранникам благополучия...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	110
«Ни на один приказ, ни на один совет...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	98
«Ничего на свете нет...»	2	42
Нищета (из Кемине)	3	261
Нищета влюбленного (из Махтумкули)	3	217
Нищий царь (из Махтумкули)	3	251
Новогодняя ночь	1	239
Новоселье	1	282
Новости античной литературы	2	128
Ноты	1	402
Ночлежный дом	2	83
Ночная бабочка «Мертвая голова»	1	296
Ночная работа	1	249
Ночной дождь	1	36
Ночной звонок	2	62
«Ночь не развеяла праха перегоревшего дня...»	2	80
Ночь под первое июня	1	223
«Ночью медленно время идет...»	1	347
«О белоснежные мои...» (из поэмы «Сиаманто и Хаджесарэ») (из Ованеса Ширази)	3	302
«О, земные цари! Вы мечтаете смерть обмануть...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	96
«О, люди, скажите, кто видел из вас...» (из поэмы «Сиаманто и Хаджесарэ») (из Ованеса Ширази)	3	304
«О, племя писателей! Мир обольщает ваш слух...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	123
«О поэтическом языке»	2	223
«О, ранней свежести глубокие морщины...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	152

«О, сердце, горсть воды, о, сердце наше, где...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	99
«О, только бы привстать, опомниться, очнуться...»	1	209
О царе Ираклии (из <i>грузинской поэзии. Народная поэзия</i>)	3	320
〈Об акмеизме〉	2	226
Обмороженные руки	2	171
«Огонь и трубы медные прошел...»	2	106
Ода	1	188
«Одно мученье — жизнь, одно мученье — смерть...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	103
Ожидание Менгли (из <i>Махтумкули</i>)	3	219
Оливы	1	250
«Он взял себе жену и трех в подмогу ей...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	137
«Он юлит и желает успеха во всем...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	126
«Она и в знойный день была как сад тенистый...» (<i>Кольчуги</i>) (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	68
«Опоясан отец твой цветным кушаком...» (из поэмы « <i>Сиаманто и Хаджесарэ</i> ») (из <i>Ованеса Ширази</i>)	3	306
Оравел (из <i>Амо Сагияна</i>)	3	314
Орел (из <i>Важа Пшавелья</i>)	3	342
«От зора свет бежит. Сиянье меркнет. Вера...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	79
«От мертвых нет вестей, ушли, не кажут глаз...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	107
«Отнятая у меня, ночами...»	1	43
Отрывок	2	64
Осень	2	76
Осень в горах (из <i>Амо Сагияна</i>)	3	310
Охота	1	136

Памяти А. А. Ахматовой	1	312
Памяти друзей	1	360
Памяти М. И. Цветаевой	1	200
Памяти Симона Чиковани	2	190
Паоло и Тициан (из <i>Карло Каладзе</i>)	3	391
Пауль Клее	1	277
Певец (из <i>Махтумкули</i>)	3	183
Первая гроза	1	301
Первые свидания	1	217
Переводчик	1	92
Перед листопадом	1	27
«Пес дворовый с улицы глядит в окошко...»	1	411
Песни (из поэмы « <i>Сиаманто и Хаджезарэ</i> » (из <i>Ованеса Ширази</i>))	3	300
Песня	1	214
Песня под пулями	1	127
Песня старика (из <i>Важа Пшавелы</i>)	3	364
«Песня твоя семь печальных лет...» (из поэмы « <i>Сиаманто и Хаджезарэ</i> ») (из <i>Ованеса Ширази</i>)	3	305
Петр	2	78
Петровские казни	1	246
Петух	2	49
Печаль (из <i>Махтумкули</i>)	3	221
Плач (из <i>Махтумкули</i>)	3	185
Плачущей Нине Чавчавадзе (из <i>Григола Орбелиани</i>)	3	328
«Плыл вниз от Юрьевца по Волге звон пасхальный...»	2	38
«Пляшет перед звездами звезда...»	1	307
«По льду, по снегу, по жасмину...» (из цикла « <i>Памяти А. А. Ахматовой</i> »)	1	314
«По Самгори — полю чистому...» (из <i>грузинской поэзии. Народная поэзия</i>)	3	321

«Побольше скромности! Я людям не судья...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	75
«Побратим побратиму, как родник, говорит...» (из поэмы « <i>Сиаманто и Хаджезарэ</i> ») (из <i>Ованеса Шифаза</i>)	3	306
«Под бременем печали изнывая...» (из <i>Ильи Чавчавадзе</i>)	3	332
Под прямым углом	1	219
«Под сердцем травы тяжелеют росинки...»	1	34
«Подобно мудрецам, и я теперь обрушу...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	108
«Позднее наследство...»	1	291
Поздняя зрелость	1	210
«Пойду, затеряюсь в листве неживой...» (из <i>Амо Сагияна</i>)	3	315
«Пойми значение сменяющихся дней...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	145
Поклонение (из <i>Махтумкули</i>)	3	222
«Полднего солнца луч...» (из поэмы « <i>Сиаманто и Хаджезарэ</i> ») (из <i>Ованеса Шифаза</i>)	3	301
Полевой госпиталь	1	130
Полька	1	363
«Понятна разумному наша природа...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	148
«Пора бы мне собственный возраст понять...»	1	404
«Пора бы перестать печалиться о том...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	150
«Порой по улице бредешь...»	1	94
Портной из Львова. Перелицовка и починка. (Октябрь, 1941)	1	122
Портрет	1	47
Посвящение	1	378
После бомбежки	2	122
После войны	1	140

Посредине мира	1	172
«Почему, скажи, сестрица...» (<i>Пушкинские эпиграфы</i>)	1	327
Поэт	1	198
Поэт начала века	1	294
Поэты	1	194
Правителю Дзеваху (<i>из Григола Абашидзе</i>)	3	401
Превращение	1	231
Предупреждение	1	143
«Предчувствиям не верю, и примет...» (<i>Жизнь, жизнь</i>)	1	242
«Прекрасное горит, сжигая...» (<i>из цикла «Восьмистишия солнцу» (из Егише Чаренца)</i>)	3	295
Приазовье	1	306
Приглашение в путешествие	2	44
«Пригляжусь я к себе...» (<i>из Важа Пшавелы</i>)	3	357
«Приди, возьми, мне ничего не надо...» (<i>После войны</i>)	1	142
Проводы	1	118
«Просыпается тело...»	1	345
Прохожий	1	28
Прощальный вечер (<i>из Симона Чиковани</i>)	3	379
Пруд	2	107
Психея	2	101
Пунктир	2	235
«Пускай безумцем буду я для мира...» (<i>из Григола Абашидзе</i>)	3	411
«Пускай меня простит Винсент Ван Гог...»	1	87
«Пустую жизнь без вдохновенья...» (<i>из Ильи Чавчавадзе</i>)	3	333
Пушкинские эпиграфы	1	327
Пятидесятилетие (<i>из Махтумкули</i>)	3	187
Радуга животрепещущая (<i>из Амо Сагияна</i>)	3	313
Раздел добычи (<i>из Важа Пшавелы</i>)	3	367
Разлука с Менгли (<i>из Махтумкули</i>)	3	224

«Разобрал головоломку...» (Пушкинские эпиграфы)	1	329
«Разумные создания бессмертного твор- ца...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	101
Разъясните фиалке нежной... (из Важа Пша- велы)	3	354
Ранняя весна	1	180
Раскаяние (Пятидесятилетие) (из Махтум- кули)	3	187
«Расступился черный мускус, и она всплыла вчера...» (из Низами)	3	165
«Рассудок запрещает греховные поступ- ки...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	119
Расцветают весной фиалки (из Важа Пшаве- лы)	3	336
«Река Сугаклея уходит в камыш...»	1	31
Рифма	1	192
«Розу пологом колючим твой всеильный взгляд закрыл...» (из Низами)	3	170
Руки	1	63
Рукопись	1	189
Румпельштильцхен	1	270
Русалка	1	272
«Русь моя, Россия; дом, земля и матерь!..»	1	114
«С безымянного пальца кольцо...»	1	352
С осетинского	2	93
«С поникшей головой, в цепях...» (из Саят- Новы)	3	281
«С утра я тебя дожидался вчера...»	1	55
Садовник (из Махтумкули)	3	226
Сверчок	1	59
«Сегодня ли тебя найдет судьба...» (из Еги- ше Чаренца)	3	297
«Сердца у вас — кремень, в чертах лица уныние...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	138

Сердцу (из <i>Махтумкули</i>)	3	190
Серебряные Руки	1	264
Сестре (из <i>Махтумкули</i>)	3	227
Синицы	1	237
Синяя песня (из <i>Амо Сагияна</i>)	3	308
«Сирени вы, сирени...»	1	148
«Скажи мне, за что ты не любишь моей седины...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	67
Скиталец (из <i>Махтумкули</i>)	3	204
Скитальцы на Млечном Пути (из <i>Егише Чаренца</i>)	3	282
«Сколько в сердце ни скрыто тепла и огня...» (из <i>Егише Чаренца</i>)	3	289
«Сколько листвы намело. Это легкие наших деревьев...»	1	356
«Скрипач Кузьма Касьяныч...»	2	123
Слезы (Сын) (из <i>Махтумкули</i>)	3	197
Слепой (Поэма)	2	7
Словарь	1	190
Слово	1	71
«Слышен сердца страстный стук...» (из поэмы « <i>Сиаманто и Хаджезарэ</i> ») (из <i>Ованеса Ширази</i>)	3	302
Смерть (Сын) (из <i>Махтумкули</i>)	3	196
«Смерть на все накладывает руку...» (из цикла « <i>Чистопольская тетрадь</i> »)	1	107
Смерть отца (из <i>Махтумкули</i>)	3	193
Смущение Менгли (из <i>Махтумкули</i>)	3	229
«Смятенье смутное мне приносят...»	1	364
Снежная ночь в Вене	1	235
«Снова я на чужом языке...»	1	145
Сны	1	244
«Соберемся понемногу...»	2	37
Сократ	1	82
Солдат	2	111
Солнечное затмение	2	151

Ссора	1	373
Стань самим собой	1	69
Старинная песня воинов (из <i>Важа Пшавелья</i>)	3	355
Старость (из <i>Махтумкули</i>)	3	195
Старый лев (из <i>Важа Пшавелья</i>)	3	345
«Стелил я снежную постель...» (из цикла «Памяти А. А. Ахматовой»)	1	312
Степная дудка	1	206
Степь	1	67
Стирка белья (из цикла «Памяти М. И. Цветаевой»)	1	200
Стихи в тетрадах	1	195
Стихи из детской тетради	1	161
«Стихи попадают в печать...»	1	323
«Стол накрыт на шестерых...»	1	371
«Стояла батарея за этим вот холмом...»	1	129
Странствие (Сын) (из <i>Махтумкули</i>)	3	198
Страус в 1913 году	1	40
«Стройная мурчинка поведет плечом...» (из <i>Кемине</i>)	3	270
«Струнам счет ведут на лире...»	1	311
Суббота, 21 июня	1	112
Судьба (из <i>Махтумкули</i>)	3	174
Суп	2	81
Сын (из <i>Махтумкули</i>)	3	196
Тайна Марии Петровых	2	194
«Так далеко зашли мы в невежестве своем...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	114
Так жить (из <i>Амо Сагияна</i>)	3	312
«Там, в родимой стороне...» (из поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ») (из <i>Ованеса Шифаза</i>)	3	303
Тбилиси (из <i>Григола Абашидзе</i>)	3	407
«Твоими глазами, твоими глазами...» (из <i>Амо Сагияна</i>)	3	316

«Твой лик белоснежен, кудрей твоих свойство...» (из <i>Кемине</i>)	3	266
«Твори добро без пользы для себя...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	136
«Тебе не наскучило каждому снится...»	1	116
Телефоны	1	263
Телец, Орион, Большой Пес	1	233
Темнеет	1	220
«Темнеют горы на горах...» (из <i>Амо Сагияна</i>)	3	309
«Темно вокруг, и на душе темно...» (из <i>Ильи Чавчавадзе</i>)	3	334
Тень отца (из <i>Симона Чиковани</i>)	3	375
«Тикают ходики, ветер горячий...» (<i>Кузнички</i>)	1	259
Титания	1	147
То, что я видел когда-то (из <i>Важа Пшавелы</i>)	3	370
«Тогда еще не воевали с Германией...»	1	290
«Толкуют, что душа легко и смело...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	141
Только грядущее	1	61
«Тот жил и умер, та жила...»	1	354
Точильщики	2	160
«Третьи сутки дождь идет...»	1	297
Триолет (из <i>Егише Чаренца</i>)	3	296
Трубач хочет пить	2	31
«Ты болен разумом и верой. Приди за словом...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	128
«Ты в обиде на жизнь, а какая за нею вина?...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	106
«Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять...» (из <i>Егише Чаренца</i>)	3	293
«Ты видишь, я твой давний друг, — зачем томишь тоской меня...» (из <i>Низами</i>)	3	168
«Ты девушкой была во сне...» (из поэмы <i>«Сиаманто и Хаджезарэ»</i>) (из <i>Ованеса Ширази</i>)	3	301

«Ты заветный мой родник...» (из поэмы «Сиаманто и Хаджезар») (из Ованеса Шираза)	3	300
«Ты, что бабочкой черной и белой...»	1	54
1914	2	75
«Тюрки рабами индийскими стали — рядом с тобой...» (из Низами)	3	169
«Тянет железом, картофельной гнилью...»	2	68
«У добродетели две степени. Иль три?...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	147
У лесника	1	187
У матери (из Григола Абашидзе)	3	409
«У студеного ключа...» (из поэмы «Сиаманто и Хаджезар») (из Ованеса Шираза)	3	301
«Удивляюсь тому, кто кричит: «Я не пью!»...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	131
«Умы покрылись ржавчиной порока и разлада...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	146
«Упала, задохнулась на бегу...» (из цикла «Чистопольская тетрадь»)	1	109
Утро (из Махтумкули)	3	230
Утро в Вене	1	84
«Ученых больше нет, и мрак объемлет нас...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	87
Феофан Грек	1	326
Флейта (Две японские сказки)	1	266
Фонари	1	226
Фотография	1	167
Фраги (из Махтумкули)	3	200
«Хвала измерившим высоты...»	1	322
Хвала Серафите (Армазские видения) (из Симона Чиковани)	3	387
Хлеб	2	77

«Ходить меня учила мать...»	2	118
Хорошо (из <i>Кемине</i>)	3	259
«Хорошо мне в теплушке...»	1	124
Цейский ледник	1	58
«Чего ты не делала только...»	1	119
«Человек благородный везде отщепенец...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	71
«Чем глуше крови страстный ропот...» (<i>Деревья</i>)	1	175
Чем пахнет снег	1	137
Через двадцать два года	1	203
Четвертая палата	1	279
«Четыре дня мне ехать до Москвы...»	2	104
Чечененок	2	53
Чистопольская тетрадь	1	101
«Что в правде доброго? Причина ссор...»	2	113
«Что входит в мое понимание поэзии»	2	201
Что не покрывается забвеньем (из <i>Галактиона Табидзе</i>)	3	372
Что, река, рычишь мне в уши? (из <i>Важа Пшавелы</i>)	3	347
«Что со мною стряслось? Я сношу терпеливо беду...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	84
Чудеса летнего дня	2	157
Чудо со щеглом. <i>Поселковая повесть</i> (Поэма)	2	12
Шанфари (из Адама Мицкевича)	3	156
Шиповник	1	228
Шотландская песня	1	389
Эвридика	1	221
Эребуни	1	318
Эсхил	1	196

«Юность, где сладость твоя? Где живые усилья...» (из Ильи Чавчавадзе)	3	331
Юродивый в 1918 году	1	156
Юрьевец	1	410
«Я боюсь, что слишком поздно...»	1	38
«Я в детстве заболел...»	1	292
«Я вспомнил города, которых больше нет...»	2	69
«Я вспомнил далекие годы...»	1	397
«Я век себе по росту подбирал...» (Жизнь, жизнь)	1	243
Явь и речь	1	211
«Я горевал, когда под оболочкой дня...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	82
«Я долго добивался...»	1	75
«Я ждал, я пролил столько слез...» (из Саят- Новы)	3	277
«Я затосковал, больной и безумный...» (из Егише Чаренца)	3	284
«Я иду по степи Ширакской...» (из грузин- ской поэзии. Народная поэзия)	3	324
«Я иду по тропе...» (из поэмы «Сиаманто и Хаджезар») (из Ованеса Шифаза)	3	306
«Я, как мальчишка, убежал в кино...»	2	47
Ялик	1	56
«Я много знал плохого и хорошего...»	2	57
«Я множество дорог оставил за спиною...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	64
«Я мог на горе им увлечь их за собой...» (из Абу-ль-Аля аль-Маарфи)	3	120
«Я надену кольцо из железа...»	2	120
«Я не был убит на войне...»	1	359
«Я не пойду на первое свиданье...» (Граmmo- фонная пластинка)	1	257

«Я не спугнул ее, но птица улетела...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	127
«Я одинок, и жизнь моя пустынна...» (из <i>Абу-ль-Аля аль-Маарфи</i>)	3	132
«Я писал эти стихи»	2	198
«Я по каменной книге учу вневременный язык...»	1	287
«Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был...»	1	73
«Я — пьяный духанщик. А где духан?...» (из <i>Егише Чаренца</i>)	3	291
«Я руки свои отморозил...»	2	46
«Я сбросил ворох одеял...»	2	94
«Я слышу, я не сплю, зовешь меня, Мари- на...» (из цикла «Памяти М. И. Цветаевой»)	1	202
«Я так давно родился...»	1	48
«Я тень из тех теней, которые однажды...»	1	351
«Я учился траве, раскрывая тетрадь...»	1	65
«Я хочу, чтоб зурна мне пела...» (из <i>Егише Чаренца</i>)	3	290

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ КАРАКАЛПАКСКОЙ ПОЭЗИИ

Из поэмы «Сорок девушек» (По мотивам каракалпакских народных сказаний)	5
--	---

ИЗ АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

Абу-ль-Аля аль-Маарри	
«Восковая свеча золотого отлива...»	63
«Я множество дорог оставил за спиною...»	64
«Горделивые души склонились к ногам...»	65
«Жизнью клянусь: мне уехавшие завещали...»	66
«Скажи мне, за что ты не любишь моей седины...»	67
Кольчуги	
1. «Кто купит кольчугу? По кромке кольчуга моя...»	68
2. «Она и в знойный день была как сад тенистый...»	68
«Человек благородный везде отщепенец...»	71
«Молюсь молитвой лицемера, прости, мой боже!..»	74
«Побольше скромности! Я людям не судья...»	75
«За ночью день идет, и ночь сменяет день...»	76

«Когда присмотришься к живущим на земле...»	78
«От взора свет бежит. Сиянье меркнет. Вера...»	79
«Восславим Аллаха, кормильца земли!...»	80
«Я горевал, когда под оболочкой дня...»	82
«Что со мною стряслось? Я сношу терпеливо беду...»	84
«Ученых больше нет, и мрак объемлет нас...»	87
«Живу я надеждой на лучшие дни...»	92
«Добивается благ только тот, кто привык...»	93
«Когда в науке нет ни сердцу обороны...»	94
«О земные цари! Вы мечтаете смерть обмануть...»	96
«Ни на один приказ, ни на один совет...»	98
«О, сердце, горсть воды, о, сердце наше, где...»	99
«В Египте — мор, но нет на свете края...»	100
«Разумные созданья бессмертного творца...»	101
«Говорящим: «Побойся всезрящего бога!»...»	102
«Одно мученье — жизнь, одно мученье — смерть...»	103
«Довольствуй ум досужий запасом дум своих...»	105
«Ты в обиде на жизнь, а какая за нею вина?..»	106
«От мертвых нет вестей, ушли, не кажут глаз...»	107
«Подобно мудрецам, и я теперь обрушу...»	108
«Никогда не завидуй избранникам благополучия...»	110
«На свете живешь, к наслаждениям плоти стремись...»	112
«Муж приходит к жене, ибо страсть отягчает его...»	113
«Так далеко зашли мы в невежестве своем...»	114
«В обиде я на жизнь иль не в обиде...»	116
«Рассудок запрещает греховные поступки...»	119
«Я мог на горе им увлечь их за собой...»	120
«Лучше не начинайте болтать о душе наобум...»	121
«О, племя писателей! Мир обольщает ваш слух...»	123
«На волю отпущу, поймав блоху, затем...»	124
«Вино для них светильники зажгло...»	125
«Он юлит и желает успеха во всем...»	126
«Я не спугнул ее, но птица улетела...»	127
«Ты болен разумом и верой. Приди за словом...»	128
«Удивляюсь тому, кто кричит: «Я не пью!»...»	131
«Я одинок, и жизнь моя пустынна...»	132

«Нет на свете греха. Что же мы осуждаем его?..»	133
«На погребальные носилки слепому лечь...»	134
«Если корень зачах, то скажите: понятно ли вам...»	135
«Твори добро без пользы для себя...»	136
«Он взял себе жену и трех в подмогу ей...»	137
«Сердца у вас — кремень, в чертах лица уныние...»	138
«Зардели сонмы звезд на ясных небесах...»	139
«Толкуют, что душа легко и смело...»	141
«Звезды мрака ночного — живые они или нет?..»	142
«Вы скажете: «Премудр податель бытия!»...»	143
«Если воли свободной преступник лишен...»	144
«Пойми значение сменяющихся дней...»	145
«Умы покрылись ржавчиной порока и разлада...»	146
«У добродетели две степени. Иль три?..»	147
«Понятна разумному наша природа...»	148
«Когда тебе жену и впрямь избрать угодно...»	149
«Пора бы перестать печалиться о том...»	150
«О, ранней свежести глубокие морщины...»	152
«Как море — эта жизнь. Среди бурных волн плывет...»	155

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

А д а м М и ц к е в и ч

Шанфари	156
Альмотенабби	161

ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Н и з а м и

«Расступился черный мускус, и она всплыла вчера...»	165
«Впору мне груз твой! Скажешь — немолод, — пусть!..»	166
«В ночи я знаю: сердце мне от той отвлечь придется...»	167
«Ты видишь: я твой давний друг, — зачем томишь тоской меня...»	168
«Тюрки рабами индийскими стали — рядом с тобой...»	169
«Розу пологом колючим твой всесильный взгляд закрыл...»	170

ИЗ ТУРКМЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

Махтумкули (Фраги)	
Изгнанник	171
Нашествие	172
Судьба	174
Беда	175
Дни	176
Жалоба	177
Круг	179
Медресе Шир-гази	181
Певец	183
Плач	185
Пятидесятилетие	
1. Раскаяние	187
2. В Мазандеран	188
Сердцу	190
Смерть отца	193
Старость	195
Сын	
1. Смерть	196
2. Слезы	197
3. Странствие	198
Фраги	200
Влюбленный	202
Скиталец	204
Глаза Менгли	207
Возлюбленной	208
Жребий	210
Луна	212
Мольба	213
Недуг	215
Нищета влюбленного	217
Ожидание Менгли	219
Печаль	221

Поклонение	222
Разлука с Менгли	224
Садовник	226
Сестре	227
Смущение Менгли	229
Утро	230
Горы в тумане	231
Гость	233
Добро и зло	235
Желание странствий	236
Жизнь	238
Мир	241
Молва	243
Наблюдения	245
Не зная зависти	248
Несправедливость	249
Нищий царь	251
К е м н е	
Напутствие	253
«В неведенье день проводил я за днем...»	254
Бедняк	256
Мой кази	258
Хорошо	259
«Не радуйся: пройдет беспечная весна...»	260
Нищета	261
Век	263
«Красавицами полон мир...»	264
«Твой лик белоснежен, кудрей твоих свойство...»	266
Влюбленный	268
«Стройная мурчинка поведет плечом...»	270
Красавица	271
Кожух	272

ИЗ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

С а я т - Н о в а

«Косы твои — рейхан в росе — нежней дорогих шелков...» . . .	275
«Я ждал, я пролил столько слез...»	277
«Какую ты преследовала цель...»	279
«Весть пришла от джан прелестной...»	280
«С поникшей головой, в цепях...»	281

Е г и ш е Ч а р е н ц

Скитальцы на Млечном Пути	282
«Я затосковал, больной и безумный...»	284
«И для меня прервется путь земной...»	285
Бессонница	286
Газелла	287
Газелла моей матери	288
«Сколько в сердце ни скрыто тепла и огня...»	289
«Я хочу, чтоб зурна мне пела...»	290
«Я — пьяный духанщик. А где духан?...»	291
«Весна приходит, и опять цветет шиповник...»	292
«Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять...»	293

Из цикла «Восьмистишия солнцу»

«Как бедра женщины, рожденной...»	294
«Звонят подковы золотые...»	294
«Прекрасное горит, сжигая...»	295

Триолет	296
«Сегодня ли тебя найдет судьба...»	297
Моя утренняя звезда	298

О в а н е с Ш и р а з

Из поэмы «Сиаманто и Хаджезарэ»

Вступление	299
----------------------	-----

Песни

«Ты заветный мой родник!..»	300
«Полднего солнца луч...»	301
«Ты девушкой была во сне...»	301

«У студеного ключа...»	301
«Слышен сердца страстный стук...»	302
«О белоснежные мои...»	302
«Там, в родимой стороне...»	303
«Есть много путей. Все земные пути...»	303
«Ветер летучий...»	303
«О люди, скажите, кто видел из вас...»	304
«Льются вина, длится пир...»	304
«Дочка бека, брось стыдиться...»	304
«Песня твоя семь печальных лет...»	305
«Взял бы ты меня, милый, к себе на грудь...»	305
«Зарех-бек обманул народ...»	305
«Я иду по тропе...»	306
«Опоясан отец твой цветным кушаком...»	306
«Побратим побратиму, как родник, говорит...»	306
«Где ты, мой молодой орел?...»	306
Заключение	307

Амо Сагиян

Синяя песня	308
«Темнеют горы на горах...»	309
Осень в горах	310
На дальнем берегу	311
Так жить	312
«Радуга животрепещущая...»	313
Оравел	314
«Пойду, затеряюсь в листве неживой...»	315
«Твоими глазами, твоими глазами...»	316

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Народная поэзия

«Воздадим хвалу героям...»	317
О царе Ираклии	320
«По Самгори — полю чистому...»	321
«— Кто твой муж? Каков он с виду?...»	322

«Я иду по степи Ширакской...»	324
Григол Орбелиани	
Лик царицы Тамары в Бетанийском монастыре	325
Плачущей Нине Чавчавадзе	328
Рафаэл Эристави	
Думы Сэсиа	329
Илья Чавчавадзе	
«Женщина прекрасная со мною...»	330
«Юность, где сладость твоя? Где живые усилья...»	331
«Под бременем печали изнывая...»	332
«Пустую жизнь без вдохновения...»	333
«Темно вокруг, и на душе темно...»	334
Важа Пшавела	
За горой засветился месяц	335
Расцветают весной фиалки	336
Вот пришла и эта весна	337
Ворон ворона окликает	338
Застольная	339
Жалоба дударя	340
Орел	342
Где ты, мой орел?	343
Был в горах...	344
Старый лев	345
Что, река, рычишь мне в уши?	347
Молодым поэтам	349
Вопросы и ответы	351
Разъясните фиалке нежной...	354
Старинная песня воинов	355
Приглажусь я к себе	357
Горам	359
Для чего я жил на свете?..	363
Песня старика	364

Были мы в горах	365
Раздел добычи	367
То, что видел я когда-то...	370
Галактион Табидзе	
Что не покрывается забвеньем	372
Георгий Леонидзе	
Заветное	373
Симон Чиковани	
Тень отца	375
Горы поют	377
Закат	378
Прощальный вечер	379
В душе разбушевалась листва	381
Листопад и озимый сев	383
Армазские видения	
I. Древняя Мцхета	385
II. Думы о Серафите	386
III. Хвала Серафите	387
IV. Заклинание Серафиты	389
Карло Каладзе	
Камень	390
Паоло и Тициан	391
Ираклий Абашидзе	
Голос у Голгофы	393
Григол Абашидзе	
Ни дождями, ни вихрем	397
Даркветская луна	399
Правителю Дзезаху	401
Знамена	403

Тбилиси	407
Золотой виноградник	408
У матери	409
Ласточка и море	410
«Пускай безумцем буду я для мира...»	411
Примечания	412
<i>Летопись жизни А. А. Тарковского</i>	424
<i>Алфавитный указатель произведений</i>	428

АРСЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТАРКОВСКИЙ

Собрание сочинений в трех томах Том третий

Редактор *Е. Дворецкая*
Художественный редактор
Е. Ененко
Технический редактор
В. Нефедова
Корректор *О. Добромыслова*

ИБ № 6742

Сдано в набор 27.03.91. Подписано к печати 14.11.91. Формат 70x100^{1/32}. Бумага офсетная №1. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,79 + альбом = 19,11. Усл. кр.-отт. 38,88. Уч.-изд. л. 14,0 + альбом = 14,27. Тираж 20 000 экз. Изд. № III-4194. Заказ № 2201. «С»—114. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и информации РФ. 170024, Тверь, пр. Ленина, 5